

ЛЕХАИМ

МАРТ

2012

АДАР

5772

№ 3(239)

ЛЕХАИМ 3/239
выходит с 1991 года

Главный редактор
Борух Горин

Административный директор
Яков Ратнер

Ответственный секретарь
Елена Калло

Художественный редактор
Евгения Черненькова

Выпускающие редакторы
Лариса Беспалова, Ишайя Гиссер, Галина Зеленина, Александр Иличевский,
Ирина Мак, Афанасий Мамедов, Йеуда Рабейко, Михаил Эдельштейн

Помощник художественного редактора
Дмитрий Кобринский

Корректор
Виктория Рябцева

Авторы макета
Андрей Бондаренко
Дмитрий Черногаев

Художники
Павел Шевелев (с. 40); Дмитрий Шевионков-Кисмелов (с. 77);
Александр Горнов (с. 86);
Сусанна Черноброва (с. 89–92, 96)

Фотографы
Вадим Бродский (с. 1, 56),
Edward Serotta (с. 4),
Frederic Brenner (с. 14, 46),
Светлана Амосова (с. 20, 25, 26), Михаил Польский (с. 49),
Михаил Лемхин (с. 52), из собрания Ю. Л. Сидякова (с. 53, 54), Marcelo Bendahan (с. 60–62),
Tamar Lamm (с. 121)

Фото предоставлены агентствами
«РИА-Новости» (с. 8, 44, 98), Издательская Группа «Азбука-Аттикус» (с. 123)

На обложке
Фридрих Горенштейн
Фото предоставлено издательством «Азбука»

Подписано в печать 15.02.12.
Формат 60×90/8. Тираж 30 000 экз.
Объем 16 печ. л. Цена договорная
ISSN 0869-5792

Журнал «Лехаим» зарегистрирован в Комитете РФ по печати, регистра-
ционный номер 01126 от 22.05.92

© «Лехаим», 2012

**Адрес редакции: 127018, Москва,
2-й Вышеславцев пер., 5а.
Тел.: (495) 710-88-03**

**E-mail: [@](mailto:lechaim) lechaim.ru
Internet: <http://www.lechaim.ru/>**

**За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых
продуктов редакция ответственности не несет.**

**Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
Сайт: <http://www.оаомпк.ru>, <http://www.оаомпк.рф>
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685**

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

*Αὐτὸς ἴσται ἡ αἰὺν ἡμεῖς ἀποδοῦναι ἰσὼς ἡ ἐξουσία ἀπὸ τοῦ Θεοῦ ἡ ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ,
ἡ ἡμεῖς ἡ ἰσὼς ἡ ἀποδοῦναι ἐπιδοῦναι ἀπὸ τοῦ Θεοῦ ἡ ἐξουσία ἡ ἰσὼς ἡ ἀποδοῦναι ἡ ἰσὼς
ἀποδοῦναι ἡ ἰσὼς ἀπὸ τοῦ Θεοῦ ἡ ἐξουσία ἡ ἰσὼς ἡ ἀποδοῦναι ἡ ἰσὼς ἡ ἀποδοῦναι ἡ ἰσὼς
ἀποδοῦναι ἡ ἰσὼς ἀπὸ τοῦ Θεοῦ ἡ ἐξουσία ἡ ἰσὼς ἡ ἀποδοῦναι ἡ ἰσὼς ἡ ἀποδοῦναι ἡ ἰσὼς*

Миф № 1: Сталин был антисемитом. А я полагаю, Сталина абсолютно не интересовало происхождение человека. Его вообще люди как таковые, похоже, не волновали. Николай II, говорят, во время переписи в графе «род занятий» написал: «Хозяин земли русской». Думаю, что он ошибался. А вот Сталин стал настоящим «хозяином земли русской». И для него единственной оценочной характеристикой идеологии, народа или человека была польза для хозяйства — и собственного хозяйничанья. Проследим это на примере верного сталиниста Максима Литвинова, который был прирожденным гением дипломатии, несомненно полезным человеком. В 1939 году Сталин начинает большую игру с Гитлером. И Литвинов становится неуместен в этой игре: потому что еврей и договор Риббентропу с ним подписывать несподручно. Еврейское происхождение становится помехой в межгосударственной деятельности. Факт. Упрямая вещь. «Молотов—Риббентроп» звучит лучше, чем «Литвинов—Риббентроп», а уж тем более чем «Меир-Генох Валлах — Иоахим фон Риббентроп». Сталина эта ерунда абсолютно не волнует, но ИХ, объект ухаживания, волнует. Для него национальное происхождение не фактор, но может стать фактором.

Миф № 2: СССР был государством интернационализма. Я же полагаю, то, что называют СССР, идеологически в разные периоды своего существования было разными государствами. В 1917 году к власти пришли пролетарские интернационалисты. То есть люди, исповедующие международную солидарность трудящихся. Их цель — коммунизм, создание бесклассового общества без деления на государства. Никакой патриотизм с этой идеологией не вяжется. Ни Ленин, ни Троцкий патриотами не были. А Сталин — был. Не может Хозяин не быть патриотом. Пока интернационализм годится в хозяйстве, нехай буде. Но пример Германии, ближайшей идеологической сестры ленинской Совдепии, превратившейся в нацистскую собаку, показал Сталину, что пора с этими благоглупостями кончать. И, с согласия Сталина, Эренбург начинает оголтелую антинемецкую, но не антинацистскую пропаганду. Так удобней. Натравить на немчуру легче, нежели на непонятные идеологические химеры. Сталин очень быстро поставил на национальное чувство. Сбросив все ненужные более лозунги, он вызвал из прошлого призраки русской боевой славы. А на что еще ставить? Поведение мирных граждан на оккупированных территориях показало истинную цену «пролетарскому интернационализму» и «новому советскому человеку». Думаю, что сталинский победный тост «За русский народ!» — именно об этом. С фактической отменой интернационализма в качестве идеологической базы, Сталин после войны начинает заигрывать с умеренным национализмом окраин. Пышные декады национальных культур, господдержка национальных литератур, театров и т. д. — оттуда.

Итак, миф № 1 встречается с мифом № 2. Евреи в эту новую реальность вписываются плохо. Масарик, создатель Чехословакии, якобы говорил с похвалой о евреях: «Чехи — они чехи, словаки — они словаки, и только евреи — настоящие чехословаки!» Примерно так же до войны было с советскими людьми: русские были русскими, казахи — казахами, и только евреи были в чистом виде советскими людьми. Война все изменила. Многие впервые вспомнили, что «мою мать звали Ханой». Многие осознали, что интернационализм так и остался утопией. А кроме того, стало очевидно, в том числе и для Сталина, что абсолютно советского Михоэзса в центре буржуазного мира, где-нибудь на Тайм-сквер, будут слушать,

затаив дыхание, десятки тысяч американцев только потому, что и он, и они — евреи. А потом зеркальная ситуация: в центре сталинской Москвы во время встречи с послом Израиля евреи устраивают самую настоящую манифестацию солидарности. «Хозяина земли русской» не устроит 99%-ная лояльность. Ему, как Г-споду Б-гу, нужен ты весь, со всем твоим сердцем и всем разумом твоим!

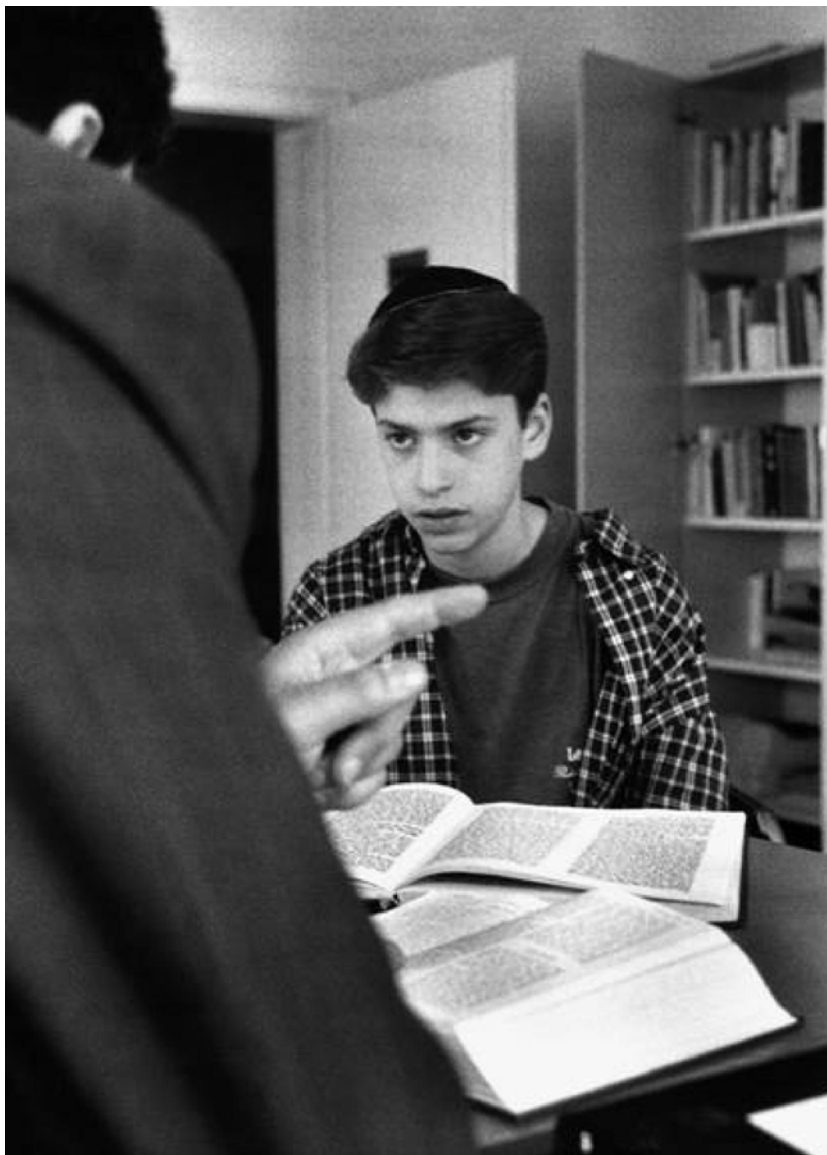
Вот почему Сталин начинает планомерное уничтожение советского еврейства. О, он очень хорошо понимает, с чего начать! Расстрелять и размазать еврейскую культуру, а уже потом... Что потом? Мы можем лишь предполагать. Потому что со смертью Сталина умер и его СССР. Он мог существовать только на двух основах: мощнейшая идеологическая система плюс репрессивный аппарат. После похорон Сталина страна взяла долгую паузу. В этой паузе встречались рудименты сталинской эпохи, но это была лишь долгая агония. В ходе ее еврейские интеллектуалы совершенно разочаровались в советской, уже мертвой, идеологии и, как только представилась возможность, принялись искать другие мифы.

АЙ ДОО АЙ ДЕЙ

ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

עֲשֵׂי אֵשִׁיב אֵינְנֵאָד (נִי נִוְאֵאֵדֹאֵעִי)

25 עֵנֶנְעָאָ 5717

<...> Мне было крайне неприятно прочесть в отчете, который я получаю о происходящем в ешиве «Томхей тмимим», что в группе, в которой ты учишься, некоторые ученики, и ты в том числе, не соблюдают правила поведения ешивы, тратят время попусту, нарушают дисциплину и т. д. А эту ешиву, со всеми ее отделениями, основали и возглавили наши святые учителя, руководители Хабада.

Особенно расстраивает бесполезная трата времени, ибо время — невосполнимая потеря. Однако несоблюдение правил и пренебрежение дисциплиной не менее прискорбны.

Общеизвестно, что руководители Хабада вложили огромные душевные и материальные средства в эти ешивы. Основа каждой из них — ученики, это значит, что средства были вложены в них и ради них, в то время как духовные наставники, преподаватели и главы ешив, все руководство — лишь посредники и каналы, которые должны направлять эти блага от их источников к ученикам. И тем не менее есть ученики, со спокойной совестью нарушающие правила и проводящие свое время за посторонними делами!

Слова и дела праведников, основателей ешивы, существуют и действуют вечно. И что же?! «Получатель» этих благ отворачивается от них (упаси Б-г!) и занимается суетой.

Тяжело продолжать разговор о столь неприятной вещи, как неповиновение старшим. Поэтому я не хотел писать об этом до сих пор. Но поскольку сейчас благоприятное время — дни Хануки, — я надеюсь, что мои слова подействуют и не вызовут никаких нежелательных последствий и ты увидишь ситуацию в истинном свете: соблюдая правила ешивы, не тратя понапрасну времени, не нарушая дисциплины, подчиняясь старшим и т. д., — вы никому не делаете одолжения, поскольку все это служит вашему истинному благу, как материальному, так и духовному.

Ты не должен обманывать себя отговорками, что, дескать, с твоим интеллектом и исключительными способностями ты сможешь организовать свое время лучшим образом, нежели подчиняясь распорядку ешивы, что с твоими достоинствами ты не нуждаешься ни в руководстве, ни в дисциплине, поскольку это все не для таких, как ты, тебе это совершенно не требуется. Ибо все это — советы дурного начала и его хитрости, чтобы привести к неповиновению руководству ешивы или к чему-либо еще худшему, как это разъясняется в книге «Дерех хаим». <...>

3 ÈBDA 5704

<...> Как Вы и просили, посылаю Вам первый и пятый тома «Сифрейну»¹, а также наши ежемесячные журналы на английском и идише.

Слава Б-гу, эти книги оказывают огромное положительное влияние на учеников начальных ешив, талмуд тор и школ, которые ими пользуются. Круг читателей этих книг увеличивается со временем. Мы уверены, что Вы используете все Ваше влияние, чтобы эти книги были еще раз изданы и использовались всеми учебными заведениями, находящимися под Вашим руководством или прислушивающимися к Вашим рекомендациям. Во всех странах атмосфера в учебных заведениях, а также уровень чистоты от всего неподобающего в учебниках и материалах для чтения, которые получают там ученики, оказывают глубокое влияние на подрастающее поколение. Это тем более верно для нашей страны, где родители имеют гораздо меньше влияния на своих детей, нежели в других странах. Соответственно, школа должна самым внимательным образом следить за детьми, а учебники и материалы для чтения, которые получают ученики, должны соответствовать не только поставленным педагогическим задачам, но и принципам святости и чистоты. В этом случае мы можем надеяться, что в подрастающем поколении исполнится благословение «благословится род прямодушных»², даже если обстоятельства места и времени будут не слишком благоприятными.

Как я уже говорил, мы можем извлечь важный урок из слов мудрецов³, что в Торе указание «взрослые предупреждают детей» упоминается в связи с тремя заповедями: запретом есть ползающих гадом, запретом есть кровь и обязанностью придерживаться законов ритуальной чистоты. Это позволяет понять важный принцип, касающийся педагогической работы в целом.

В зависимости от личных качеств тех, кто является объектом воспитания (и, соответственно, находится на более низком уровне, чем его учитель или наставник, знающий гораздо больше), существует несколько причин, в силу которых человек отчаивается и приходит к выводу, что не способен повлиять на своих учеников. Этим отчаявшимся можно разделить на следующие категории:

1. Те, кто считает, что в это время и в этом месте люди настолько грубы и поглощены мирскими заботами, что мало отличаются от животных. Как же им понять идею, в основе которой лежат Тора и страх перед Небесами? Опровергая эти рассуждения, мудрецы утверждают: есть заповедь научить детей не есть ползучих гадом. Того, кто готов есть такую пищу, нелегко причислить к человеческому роду, поскольку к подобным тварям люди испытывают естественное отвращение⁴. Тем не менее есть заповедь учить и наставлять даже такого человека. А поскольку мудрецы говорили, что Святой, благословен Он, не требует от человека большего, чем тот способен⁵, то, следовательно, мы должны признать, что педагог способен повлиять даже на такого ученика.

2. Те, кто говорит: в каких случаях педагогические усилия окажутся успешными? В тех случаях, когда они не противостоят наклонностям и привычкам, сформировавшимся в течение прошлых лет. Если же человек повторял свой проступок раз, другой и третий, пока это не стало для него нормой, то как-либо изменить его к лучшему нет никакой надежды.

Доказывая ошибочность такого подхода, наши мудрецы по поводу стиха «только очень остерегайся, чтобы не есть крови»⁶, объясняли подобное предостережение тем, что кровь в пищу некогда употребляли повсеместно. Тем не менее и в подобных случаях воспитание может быть достаточно эффективным.

3. Те, кто говорит: в каких случаях педагогические усилия окажутся успешными? Когда изучаемый предмет можно объяснить ученикам рационально и логически. Если же речь идет о законах, лишенных логики, где все зависит от веры, а ученик заявляет, что отказывается верить, то доказать ему что-либо невозможно. Какой же смысл тратить на это свое время и силы?

По этой причине старшим заповедано учить детей законам ритуальной чистоты. Невозможно логически их объяснить — это прямое предписание Торы. Рамбам в своем труде «Мишне Тора», подводя итоги законов о микве, пишет: «Очевидно и не вызывает сомнений: разница между ритуально чистым и нечистым определяется только законами Торы и не может быть объяснена человеческим разумом, но относится к хуким⁷».

Каким образом можно утверждать, что педагогическая работа будет успешной в любой ситуации и с любыми учениками? Ответ на этот вопрос мы находим в известных словах Рамбама, которые справедливы для всех евреев без исключения: «Человек, которого дурное начало заставляет нарушить заповедь или совершить прегрешение, действует против своей воли, вынужденно, под влиянием дурного начала, <...> поскольку истинное желание каждого еврея — соблюдать все заповеди и отдалиться от греха. Просто дурное начало принуждает его грешить»⁸.

יְאָדָאָתָא פִּי אִי אֵבֵרֵינִי אֵי, עֵאָדֶּוּאֵי עֵ אֵאָדֶּוּאֵי

וְאֵעֻדֵי אִי אֵבֵרֵינֵאֵי, עֵאָדָאֵי אֵעֵרֵאֵי, אֵאָדָאֵי עֻדֵ אֵאָדָאֵי, יֵעֵ יֵעֵרֵאֵי

1. Издававшиеся Хабадом иллюстрированные образовательные сборники для маленьких детей под редакцией Х. Вассермана и А. Торова.

2. Теилим, 112:2.

3. Вавилонский Талмуд, Йевамот, 114а.

4. Вавилонский Талмуд, Орайот, 11а.

5. Бемидбар раба, 13:1.

6. Дварим, 12:23.

7. Хуким (ед. ч. «хок») — законы, не имеющие логического объяснения, в отличие от мишпатим (ед. ч. «мишпат») — рационально объяснимых законов вроде запретов убийства или грабежа.

8. Мишне Тора, Законы развода, 2:16.

ВОСПОМИНАНИЯ РЕБЕЦН

ХАНА ШНЕЕРСОН

Продолжение. Начало в № 11 (235), 12 (236); № 1 (237); № 2 (238)

Â ÑŌĂ ÇÀ ÊŌÑÊÎ Î ŐËĂĂĂ

Но это¹ было чисто духовное наслаждение. С материальными дело обстояло хуже. Кормить сосланных никто не собирался, а сами они найти себе еду не могли — даже за деньги. Как-то раз муж стоял на железнодорожной станции и видел, как покупали хлеб те, кому это было разрешено². Он обратил внимание на человека — судя по всему, высокопоставленного коммуниста, — которому выдали двойную порцию. Муж попросил его продать кусочек хлеба (понятно, что суп с мясом он взять себе все равно не мог). Коммунист согласился отдать хлеб за определенную сумму.

Работник магазина обратил внимание на двух людей, занимающихся «гешефтом» с пайками, что было тогда строго запрещено. Он подозвал их обоих — мужа и того человека, который продавал ему хлеб, — и спросил их имена, чтобы сообщить «органам» о незаконной сделке. Я представляю себе ужас, который охватил мужа, — ему грозило обвинение в новом «грехе», и это всего лишь через несколько дней после того, как он приехал сюда по предыдущему приговору!

В большом страхе муж ожидал вызова в суд... Не знаю всех подробностей разбирательства, но могу сказать одно: их не наказали. Возможно, это было связано с высоким положением продавшего мужу хлеб человека, которого суд не имел полномочий обвинить.

Все это происходило накануне того, как я приехала к мужу.

ŌĂĬ ÇÀ ÊÎ Î ŐËÑÊĂŌËË ÊĂĂĐŌËĐŪ

После того как в конце месяца шват мне стал известен почтовый адрес мужа, я в течение нескольких недель занималась тем, что собирала одежду, которую можно было бы ему отправить. Одновременно пыталась навести порядок в квартире. Конечно, это стоило мне немало здоровья. Когда стало известно, что я собираюсь уехать к мужу, квартиру попытались у меня отобрать. Но, во-первых, надо же мне было где-то жить до отъезда, кроме того, я хотела сохранить квартиру, поскольку надеялась, что муж вскоре вернется и все будет как раньше...

Как жена сосланного «контрреволюционера», я не могла, естественно, рассчитывать на нормальное к себе отношение. Однако председатель нашего домкома, еврей-коммунист, вел себя со мной совершенно по-человечески, даже по-дружески. Всеми правдами и неправдами, не считаясь ни с чем, рискуя своим положением и заработком, он все-таки сумел сохранить за мной квартиру. Правда, пришлось «уплотниться»: в одной из комнат поселился новый жилец, а мы с Рохл жили в другой комнате.

Решив вопрос с квартирой, я продолжила сборы в дорогу, а за неделю до Пурима³ отправилась к мужу.

В МОСКВЕ

Учитывая маршруты и расписание поездов, мне пришлось провести шабос в Москве, а уже оттуда отправиться в пятидневное путешествие в Чили.

В Москве я питалась хлебом с картошкой. Благодаря содействию знакомого, который работал в НКВД, я получила возможность купить кое-что из продуктов в «закрытом распределителе»⁴, куда имел доступ далеко не каждый. Так что я везла с собой запас еды на некоторое время. Также мне удалось, ценой огромных усилий, взять с собой пасхальную посуду, кошерный на Песах жир, мацу и вино.

Через другого знакомого, который был своим человеком во всех, как тогда говорили, «высоких окнах», мне достали билет на поезд. Я не только успевала добраться до места назначения до наступления субботы, но и приезжала не ночью, а днем. Как я уже писала, в тех краях даже днем трудно было ходить пешком — с каждым шагом приходилось вытаскивать ноги из грязи. Ночью же передвигаться было практически невозможно...

Московские друзья и знакомые относились ко мне очень тепло и преданно. Одно это придавало мне сил и позволяло стойко переносить все несчастья.

Приехав в Москву, я прямо с вокзала, без вещей, отправилась в прокуратуру и записалась в очередь желающих подать прошение об освобождении осужденных. Мне сказали прийти через два дня, в пятницу.

К назначенному времени я снова была в прокуратуре. Не передать словами тех чувств, которые испытываешь там во время длительного ожидания, а затем — входя в нужный кабинет. Сотни людей сидят в коридорах в ожидании, каждый — с разбитым от горя сердцем, в надежде на лучшее и в страхе перед новыми несчастьями.

Когда я наконец попала на прием, меня встретили достаточно приветливо, но в вежливых словах совершенно не слышалось голоса сердца. Похоже, у тех, кто работает в таких местах, его просто нет... Выслушав меня, работники прокуратуры сказали, что пересмотрят все бумаги, касающиеся ссыльного, и пришлют ответ по почте — на мой домашний адрес. С разбитым сердцем, но все же сохраняя слабую надежду (как все те, кто приходил туда со своими прошениями), я отправилась на квартиру, где остановилась на время пребывания в Москве. Там я провела шабос, а на исходе субботы, в двенадцать ночи должен был отправляться поезд, на котором я уезжала в Чили.

יְבוּשׁוֹן וְנֹחַל עֵא יִיאָאָא

Ко времени отправления поезда на вокзал подошли человек пятнадцать наших друзей и знакомых. Пришлось прибегнуть к разным ухищрениям, чтобы я смогла увезти с собой все то, что собрала в дорогу (по закону, такое количество багажа перевозить не разрешалось). В конце концов мы заплатили носильщику, и он погрузил в вагон весь мой багаж.

Поездка должна была продолжаться более пяти суток. Один из провожавших сделал «подарок» проводнице моего вагона, чтобы она все это время уделяла мне внимание, приносила чай и те продукты из ее запасов, которые можно было есть с точки зрения кошерности.

Среди тех, кто ехал со мной в поезде, большинство принадлежало к двум категориям: работники торговли и люди науки — будущие преподаватели недавно открытых в столицах среднеазиатских республик университетов.

דַּאִי אִי אִי נְאִדְאִוָּא

Я не говорила своим попутчикам, куда и к кому еду. Только на пятые сутки, перед самым завершением поездки, сказала, что еду к сыну, который работает в исполкоме. Поэтому, когда поезд

подъезжал к станции, все стали высматривать машину, которая, как думали мои попутчики, должна была меня встречать. В то же время все наперебой твердили мне, как тяжело здесь жить — из-за жары, болотистой земли и комаров. Говорили также, что здесь очень высокая смертность от малярии...

Когда надо было выходить из вагона, мои попутчики помогли мне выгрузить весь мой багаж и стали ждать «сына с машиной». К их изумлению, машины не оказалось, а вместо «сына» на станции появился мой муж, да будет память его благословенна, который пришел вместе с другим ссыльным евреем.

Хотя я была бесконечно счастлива видеть мужа, на меня произвели удручающее впечатление его одежда, выражение лица и весь облик. Все это осталось, как говорится, тяжелой раной на моем сердце. Однако, несмотря на это, нас — и мужа, и меня — укрепляла мысль о том, что мы снова вместе.

ÈÌÌ ÍÀÒÈÀ Á ÍÈÙÀÈ ÄÄÄÄÁÍÁ

Наконец мы смогли, что называется, «выйти в город» со станции. Позже нам пришлось туда вернуться, чтобы забрать мой багаж и отнести в то место, где мы теперь жили. На решение этой задачи ушло несколько дней, и когда я уже начала думать, что ничего не получится, муж нашел, наконец, какого-то казаха чуть диковатого вида. Тот взвалил на плечи большую часть привезенных мною вещей, а остальное взяли мы втроем — муж, я и тот еврей, который вместе с мужем приходил на станцию меня встречать.

Идти было не очень далеко, около двух километров, но преодолеть их было не так-то просто из-за липкой грязи, из которой приходилось с трудом вытаскивать ноги. Однако других сложностей на пути нам, к счастью, не встретилось. Чиили называется поселком, но на самом деле это не более чем ужасно бедная, нищая деревня. Когда местные жители увидели, как мы идем со всеми нашими мешками и пакетами, они начали смотреть на нас как на богачей. Их отношение к ссыльным, впрочем, не было таким уж плохим, так что к нам — при нашем «богатстве» — они относились все-таки лучше, чем обычно относятся к тем, кто богаче.

Комната, в которой мы поселились, находилась в доме, где жила татарская семья — муж, жена и ребенок около двух лет от роду. Чтобы попасть в нашу комнату, надо было пройти через сырую «переднюю» с глиняным полом, в которой всегда было темно из-за полчищ мух, и через комнату хозяев, которая служила им и спальней, и столовой.

Оказавшись в нашем «жилище», я сразу взяла чайник, подбросила в печь наколотых щепок и вскипятила чай. Чтобы пить воду из стакана, после кипячения приходилось некоторое время ждать, пока осядет на дно весь песок. Позже я к этому привыкла, но в первый раз такой чай произвел на меня удручающее впечатление.

Пока мы пили чай, в соседней комнате сидела хозяйка с ребенком, а дверей между комнатами не было, так что толком поговорить мы не могли. А ведь тем для разговоров и историй, которые мы хотели рассказать друг другу, у нас было, наверное, на целый год!

Тем временем наступила ночь, и нужно было подумать об отдыхе. Все освещение в нашей комнате состояло из одного крошечного масляного светильника. Мы поужинали и приготовили кружку с водой на утро⁵ (что в тех условиях тоже требовало усилий). Два окна в нашей комнате я завесила чем-то из привезенных вещей. Только мы собрались заснуть, как на нас обрушилось новое бедствие — мухи, которые летали, жужжали и кусались. Несмотря на все это, удалось немного поспать.

Наступило утро, и все пошло по распорядку, как и во все последующие дни. Каждый вечер мы ходили на станцию — это было единственное место в поселке, где хоть как-то ощущалось течение жизни. Там была определенная скамейка, у которой обычно собирались ссыльные.

Евреев-ссыльных в Чиили было всего двое — мой муж и интеллигентный еврей из Киева, бывший бундовец⁶, который к тому времени провел в тюрьмах и ссылке почти два года. Остальные ссыльные были разных национальностей. Все уже знали, что я приехала. Отношения между ссыльными были почти домашними, без каких-либо проявлений национализма. Воспоминания о прошлом объединяли всех... Так, однажды я стала свидетелем разговора мужа с инженером-неевреем. Взяв мужа за бороду, он спросил: «Как вам удалось сохранить бороду? Со мной в камере сидел еврей, которого избивали, когда он отказался побриться, а избив — все-таки обрили...»

На этой скамейке мы сидели где-то до десяти вечера, потом все расходились по домам.

ААС ЕДУОЕ ІАА АІЕІАІЕ СА ААА ІІААЕЕ АІ ІАНАОА

Когда стал приближаться праздник Песах, возникла новая проблема. Повсюду в доме, естественно, полно было хомеца⁷, и отдалиться от него не было никакой возможности, поскольку мы жили под одной крышей с неевреями. Хозяева дома — татары — сами были людьми религиозными, и мы пробовали поговорить с ними, надеясь, что они смогут чем-то помочь. Они, однако, мало что поняли из нашего рассказа, более того, их сильно раздражало то обстоятельство, что мы тратим большое количество воды⁸. Недолго думая, они самым резким тоном потребовали, чтобы мы освободили комнату!..

О, это было не самое приятное занятие — бродить по Чиили за две недели до Песаха в поисках крова! И это при том, что любое жилье, которое бы мы ни нашли, имело свои недостатки... Не хочу заново переживать свои чувства в тот момент и скажу сразу, что недалеко от нашего прежнего жилища нам удалось найти женщину-нееврейку, которая отличалась большой любовью к деньгам. За 50 рублей в месяц мы сняли у нее комнату с отдельным входом (большая редкость в тех краях) и деревянным полом (еще большая редкость). Дети ее, правда, были те еще хулиганы, и все наперебой нам твердили, что жизнь в одном доме с такими соседями будет для нас невыносимой. Но за неимением другого варианта мы согласились на переезд.

За неделю до Песаха мы уложили на тележку все наши вещи и перевезли их на новую квартиру. Больно было смотреть, как мой муж практически в одиночку (только лишь один ссыльный пришел ему помочь) таскает все эти тяжести.

Хозяйка дома поделилась с нами двумя кроватями. Но в матрасах и в щелях деревянных частей было такое количество насекомых, что полностью избавиться от них не было никакой возможности. Понятно, спать на таких постелях было очень тяжело...

Несмотря на трудности, я изо всех сил старалась создать хоть какое-то подобие предпраздничного настроения.

«АДАІ В ІАОАЕ НАІАІАУ» А ХЕЕЕЕНЕІІ АІЕОНА 9

Я везла с собой в Чиили два новых ведра, купленных специально для использования в Песах. Мне пришлось выстоять за ними в очереди целый день! В пути, однако, эти ведра пропали, что было вполне ожидаемо, учитывая реалии тогдашней жизни. Разыскивая их, я послала телеграммы в Москву и Екатеринослав, но это не дало никаких результатов — ведра не нашлись. В качестве компенсации мне предложили семь рублей, но за ними надо было ехать в Ташкент, в управление железной дороги, и понятно, что это не решило бы моих проблем, поскольку ведра у меня от этой поездки не появились бы. А муж твердо заявил, что весь праздник не прикоснется ни к чему из еды, сваренной не в пасхальной посуде! Нужно было что-то делать.

Примерно в четырех часах езды от места, где мы находились, жила группа ссыльных из Киева. Эти несколько человек жили неподалеку друг от друга; среди них были раввин¹⁰, шойхет¹¹ и один из бывших киевских богачей по фамилии Каляков¹², который в свое время являлся одним из попечителей еврейской общины Киева. Другими словами, эта группа представляла собой почти полноценную, более-менее организованную общину. К ним я и отправилась в надежде, что они помогут решить мою проблему. У них я провела два дня, и в конце концов мне сделали там новые ведра из не бывшего в употреблении куска жести. Также я заказала кошерные на Песах мясо и рыбу, договорившись, чтобы их доставили в канун праздника.

Вдобавок ко всему, перед самым отъездом мне принесли на станцию больше килограмма черного хлеба. Сейчас, оглядываясь назад, я не могу понять, как вообще мы могли его есть! (Хотя следует признать, что вреда нашему здоровью он не принес. А когда летом того года у меня была дизентерия, именно такой хлеб помог вылечиться...)

Меня переполняла радость от достигнутых успехов, особенно от новеньких ведер из жести, которые так и сияли на солнце!

Я вернулась в Чили, и жизнь снова пошла своим чередом. Мы заканчивали приготовления к Песаху, и мне удалось даже найти нам гостя на пасхальный седер! Посуда, которую я привезла из дома, оставалась чистой и пригодной для праздника. Из досок соорудили подобие стола, который я накрыла белой скатертью. Казах, который привез нам птицу и рыбу в канун праздника, потом без конца описывал всем «богатство», которое ему довелось увидеть в нашем доме (попутно следует отметить, что привезенные им птица и рыба за четыре часа поездки по жаре испортились и стали непригодны в пищу).

Итак, за стол пасхального седера мы уселись втроем. «Компанию» нам составили несколько нееврейских парней, стоявших под нашими окнами. Высмеивая нас, они передразнивали наши, как они говорили, «завывания». Не обращая на них внимания, мы сидели за столом, громко и с душой произнося: «...время нашей свободы <...> святые праздники Твои с радостью и ликованием дал Ты нам в наследие»¹³. Мой муж произносил слова кидуша с особым чувством: по сравнению с прошлым Песахом, который он провел в тюрьме, в этом году он и в самом деле чувствовал себя гораздо более свободным!

Наше празднество продолжалось до двух часов ночи, пока наш гость не отправился спать к себе домой. Ему предстоял долгий путь через поля.

...Стоит упомянуть здесь, что в канун Песаха мы, как полагается, делали бдикас хомец¹⁴ и биюр хомец¹⁵. Понятно, что для Чили это была вещь неслыханная, но даже я никогда раньше в своей жизни не видела столь тщательных поисков хомеца!

Ἰοεδυῖοεἶ, τοῖ δαῖαῖ τᾶυ δαῖαε Ἐἰαε-Ἐοῖρεῖι ε δαῖαῖοῖ Ὀαῖτε

εῖῖ πῖο δαῖοαῖ οῖ πῖοῖ ο δαῖαε Ἰ αῖ αῖοαῖ ο-Ἰ αῖ αῖο α 1943 αῖ αῖ

εῖε εἰαῖοῖοαῖ πῖεῖα ἰ πῖαεεἶ χεεεε ἁ Αδῖεεεῖ γοᾶ ἰοεδυῖοεἶ οεἶα οδε ἰ αῖγῖοᾶ

Большую часть нашей «мебели» составляли ящики, в которых было привезено в Чили наше имущество. Часть из них мы использовали в качестве шкафчиков и полочек, а в том углу нашей комнаты, который мы отвели под кухню, стояло подобие буфета и прочие самодельные хозяйственные удобства. На время праздника все это было вынесено «во двор» (на самом деле — в другой угол комнаты)¹⁶.

В канун праздника я всецело была занята готовкой, но все равно не могла не обратить внимания на глубокие переживания, охватившие моего мужа в ходе бдикас хомец¹⁷. Наутро, во время сжигания хомеца, он все время так горько плакал, что видеть и слышать это было просто невыносимо. В прошлом мне не доводилось видеть, как муж сжигает хомец, а сейчас я услышала лишь несколько произнесенных им слов: «Как уничтожаю я хомец из дома моего и из владений моих, так и Ты уничтожь...»¹⁸ Дальше я не могла разобрать ни слова — так сильно рыдал он, заглушая слезами окончание молитвы...

Так закончились наши приготовления к Песаху, и начался праздник. Про первый седер я уже написала. На утреннюю трапезу к нам пришел тот же гость, что был у нас вечером. Он был у нас и на второй седер, и во все остальные дни Песаха.

Мы, естественно, изо всех сил старались создать в нашем доме соответствующее празднику настроение, изгнав дух буден. В том окружении и при тех обстоятельствах это было совсем не просто, но нам это удалось — по крайней мере, частично. Конечно, все наши разговоры за столом были лишь о прошлом, поскольку настоящее не сулило ничего хорошего. Однако мы сохраняли надежду на лучшее будущее...

Діє діїаю оàì ó: 1948 [5708] ãää

Я верю, что смогу вспомнить еще многое из того, что заслуживает упоминания в этих записках...

×ÀÒÙÐÀ ÈÈÈÌ ÀÒÐÀ ÍÌÁÌÀÈËÙÈÌ ÑÌÈÌ ÕÀÌ

Пасхальная неделя внесла некоторые перемены в нашу жизнь, но затем все вернулось к обычному распорядку.

Среди людей, живших по соседству, большинство составляли казахи. Было также некоторое количество христиан — в основном русских, переселенных сюда из Сибири. С ними можно было хотя бы разговаривать: русским языком, в отличие от казахского, мы владели. Евреев же, кроме нас, троих ссыльных, больше не было.

Раз в десять дней ссыльные должны были являться в местное управление НКВД для регистрации. Часть этой процедуры состояла в необходимости подписать какую-то бумагу. В будние дни это была еще половина несчастья; проблемы начинались тогда, когда на регистрацию нужно было приходиться в субботу. Помимо прочего, необходимо было приносить с собой справку, удостоверяющую личность ссыльного (паспорт у него отбирали сразу после осуждения). Это за мужа делала¹⁹ одна нееврейка, тоже ссыльная. С обязанностью расписываться, однако, оставалась большая проблема.

Среди тех, кто приходил на регистрацию, был еще один еврей, соблюдающий субботу. В шабос он расписывался левой рукой, так что буквы получались неправильной формы²⁰. Чтобы ему разрешили расписаться левой рукой, он перевязывал правую платком и говорил, что она у него сильно болит. Как-то раз сотрудник НКВД сказал ему, что кое-что заметил: каждый раз, когда день регистрации выпадает на субботу, у него «болит рука»!.. Далее последовало предупреждение: ссыльный не должен забывать, кто он и где находится, и не должен пытаться устанавливать тут свои законы. А если он и дальше будет так себя вести, его сошлют куда-нибудь в отдаленный аул, где живут полудикие казахи. Естественно, подобную угрозу нельзя было не воспринимать всерьез.

Место, куда надо было являться на регистрацию, находилось в четырех километрах от нашего дома. Идти туда приходилось посреди дня — по выжженной земле и под палящим солнцем. Нередко муж возвращался оттуда еле живой и, дойдя до комнаты, сразу ложился отдохнуть... Первого мая и на октябрьские праздники нужно было являться на регистрацию ежедневно в течение трех дней и каждый раз быть предельно осторожным в своих ответах на вопросы, которые задавали в НКВД.

ÑÀÈÌ ÛÈ ÁÌÐÌÆÁ ÄÄÒÀÈ

Из всего нашего окружения наиболее тесно мы общались, естественно, с хозяйкой дома (хотя она нередко задерживалась на работе допоздна) и ее детьми — маленькими по возрасту, но большими хулиганами, которые доставляли матери немало хлопот и переживаний.

На закате солнца мы обычно садились на свежем воздухе рядом с домом. Люди в это время дня нам на глаза не попадались, только козы со свиньями бегали вокруг, нарушая наш покой. Муж читал какую-нибудь книгу из тех, что я ему привезла, или же о чем-то размышлял, судя по выражению его лица. И в том и в другом случае он терпеть не мог присутствия рядом свиней, и когда они особо докучали ему, отгонял их палкой. Хозяйка сильно злилась на него за такое обращение с животными, столь ценными для нее. Она как-то призналась мне, что для нее свиньи дороже, чем дети: свиньи приносят доход, а от детей какая польза?.. Так что на мужа моего она сильно злилась, говоря: «Батюшка, как видно, свиней не любит, что-то он их палкой бьет!»²¹ Услышав это, мы поняли: придется быть поосторожнее с ее свиньями, так как чрезмерная ее к ним любовь может нам навредить.

Время шло — оно ведь никогда не стоит на месте... Еда, которую я привезла с собой, стала заканчиваться. Остро встал вопрос, что же мы будем есть дальше. Сейчас я, слава Б-гу, совершенно сыта, но до сих пор прекрасно помню то чувство голода, которое было нашим постоянным спутником там, в Чили. Мы не говорили об этом, просто все время возвращались взглядом к полкам нашего «буфета», которые с каждым днем становились все более пустыми. Хуже всего было с хлебом. Весь май того года его у нас не было ни кусочка! А наша хозяйка работала у кого-то из начальства: им выдавали хлеба больше, чем они могли съесть, и остатки они отдавали хозяйке. Приходя домой, она сзывала всех своих домашних питомцев — это были козы, свиньи и две собаки — и скармливала им хлеб! И сейчас мне все еще вспоминается та радость, которую я почувствовала оттого, что смогла себя сдержать и не стала просить ее поделиться куском хлеба с нами... Я старалась только, чтобы муж не сталкивался с хозяйкой в те дни, когда она приносила целый мешок хлеба для скота. Ему-то, часто думала я, дрожа от голода, еще тяжелее, чем мне. Для него этот голод был продолжением страданий, которые тянулись уже целый год... Я видела многих богатых в прошлом людей, которые в подобной ситуации пали так низко, что стали жить подаяннем, выпрашивая у людей кусок хлеба, да убережет нас Б-г от такого!

Иногда весь наш обед состоял из старых сухарей. Мы разламывали их на несколько частей и замачивали в воде — только так их можно было есть. В голове крутилась мысль: а что будет завтра?.. Когда же у нас был хлеб, мы обычно начинали с того, что срезали с него корку и клали ее в специальный мешочек, чтобы она не упала куда-нибудь в грязь (эту-то корку, которая превращалась в сухари, мы и съедали, когда не было другого хлеба). Скатерть на столе мы всегда расстилали так, чтобы ни одна крошка не упала. Крошками мы потом «закусывали», и это создавало ощущение сытости.

За хлебом приходилось выстаивать многочасовые очереди, при этом каждый раз можно было получить не более килограмма на человека, чего хватало дня на три. Чтобы получить свой килограмм — а иногда и меньшее количество — хлеба, очередь желательно было занимать как можно раньше, так как тем, кто приходил позже, иногда вообще ничего не доставалось.

Среди тех, кто стоял в очереди за хлебом, кроме казахов, было много высланных корейцев, русских и представителей других национальностей. Каждый прилагал все силы, чтобы получить свой хлеб. Часто доходило до драк. Чтобы установить хоть какой-то порядок, каждые десять человек выбирали себе старшего. Понятно, что те, кто стоял в первых десятках, чувствовали себя гораздо спокойнее: у них было больше уверенности в том, что они придут домой не с пустыми руками.

Обычно мы стояли в очереди вместе, так как один человек не мог получить хлеб за двоих. Чтобы муж выглядел как можно проще и не бросался людям в глаза, привлекая к себе излишнее внимание, я еще в Днепропетровске сшила ему костюм, который должен был сделать его похожим на пролетария, и купила столь же обыденного вида кепку. Впрочем, по лицу его все равно было видно, что он совсем не пролетарий и заслуживает другого отношения. И действительно, не раз случалось, что его звали присоединиться к десяткам, стоявшим ближе к началу очереди. Когда это замечали антисемиты из стоявших там же (в большинстве своем русские по национальности), они подходили к нему и кричали: «Эй, старик, куда ты прешься?!»²³ Когда я слышала такое, мне казалось, я не смогу этого вынести, но, увы, сделать что-либо было нельзя. Для нас возможность получить этот килограмм хлеба была важнее всего.

Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера

Продолжение следует

1 Ребецн имеет в виду облачение раввина Леви-Ицхока в талит и тфиллин в первый раз после почти годичного перерыва (см.: Лехаим. 2012. № 2).

2 Вероятно, речь идет об отоваривании хлебных карточек. Хотя карточная система в СССР была отменена 1 января 1935 года, многочисленные кризисы снабжения в предвоенные годы приводили к тому, что в отдельных регионах вновь вводился отпуск продуктов по карточкам.

3. 5700/1940 года.

4. Эти слова в рукописи ребецн написаны по-русски.

5. Для ритуального омовения рук при пробуждении.

6. Бунд (Всеобщий союз еврейских рабочих в Литве, Польше и России), еврейская социалистическая партия. В СССР Бунд был распущен в начале 1920-х годов, большинство его членов впоследствии было подвергнуто репрессиям.

7. Заквасившееся тесто и любые другие изделия из пяти злаков (пшеница, рожь, ячмень, овес, полба), кроме мацы. В Песах еврею запрещено не только есть хамец, но и оставлять его в своем владении.

8. Вероятно, речь идет о воде, которая нужна была для предпасхальной уборки помещений.

9. «Временем нашей свободы» называется праздник Песах в молитвах; голус (ивр. галут) — изгнание (праздник Песах установлен в память об освобождении из галут Мицраим — египетского изгнания).

10. Рабби Арье-Лейб Каплан (Кусевицкий), да отмстит Всевышний за его кровь (5647/1887 — Йом Кипур 5704/1943). См. о нем: «Толдот Леви-Ицхок», часть 2, с. 606 и далее; журнал «Кфар-Хабат», выпуск 345, с. 70 и далее.

11. Рабби Бенцион Гайсинский. См. о нем в текстах, указанных в предыдущем прим.

12. Реб Моше Каляков. См. о нем в записках раввина Леви-Ицхока о его заключении и ссылке (напечатаны в предисловии к «Ликутей Леви-Ицхок» на книгу «Танья», на раздел «Берешит» книги «Зоар» и др.).

13. Слова из кидуша — благословения, которое произносят (обычно над бокалом вина), провозглашая святость субботы или праздничного дня.

14. Поиск остатков хамеца ночью в канун праздника.

15. Сожжение остатков хамеца утром в канун праздника.

16. Поскольку в этих ящиках могли оставаться крошки хамеца, а, как отмечалось выше, еврей не может держать в своих владениях хамец в Песах. Очевидно, тот угол комнаты, куда все это было убрано, на время праздника был продан нееврею (такая сделка называется «мехират хамец» [ивр.]).

17. Данный обряд, как и биюр хамец, помимо обычного материального действия — избавления от остатков квасного, — имеет еще и глубокий духовный смысл, затрагивающий самые высокие уровни души еврея.

18. Отрывок из молитвы, произносимой при сжигании хамеца. В продолжении говорится: «...так и Ты уничтожь все внешние силы <зла> и дух нечистоты удали с земли <...> и все зло в дыму пропадет, и власть злодеяния Ты удалишь с земли...»

19. Согласно еврейскому закону, в субботу запрещено переносить что-либо в руках или в карманах в общественном владении.

20. Писать в субботу запрещено. Однако, если запрещенное действие выполнено измененным способом, это является нарушением не запрета Торы, а несколько менее строгого запрета, установленного мудрецами. Поэтому, если обстоятельства вынуждают еврея нарушить субботу, лучше сделать это именно измененным способом.

21. Эта фраза в рукописи ребецн написана по-русски.

22. Бемидбар, 35:20.

23. Эта фраза в рукописи ребецн написана по-русски.

ПУРИМСКИЕ ИГРЫ

Ана а асатете асатете Іодеи іодеи а іаеі ес пай уо аіаеіо аоаеіео іоаіеіа Оаа а Оаеі оаа аіаеіоіу іа іаі:аа іоаааоіу а уоіо аау іаеіу іу аіаеіеіу, а оаеа оіі еіаоіу оааеіііау іодеи псау еаа «І аоааоа аа-І одеи», аі ааі у еіоіоіе аоо іоіаее ааа еііаа. Ні ааі аіаі а оаіуо іаіеіао іуаеііу іаі аеі аоаео уеіа аі оіа іоаіеа, іоааааео І одеи о іаі іаіоідеи оу аоі ііааа І АДЕІ А ЕАДІ І АА

Одна из наиболее известных и распространенных пуримских традиций — это маскарад, где дети и взрослые облачаются во всевозможные костюмы и маски. Как полагают исследователи, этот обычай зародился в Италии под влиянием знаменитых местных карнавалов. Первое упоминание о пуримском маскараде мы находим в респонсах р. Йеуде Минцу (1408[?]-1506), который в течение многих лет возглавлял общину выходцев из Германии в Падуе. Среди прочего, р. Минцу был задан вопрос, может ли мужчина нарядиться на Пурим в женское платье (или, наоборот, женщина в мужское) и не будет ли это нарушением библейской заповеди «Да не будет одежды мужской на женщине и да не наденет мужчина женское платье» (Дварим, 22:5). Всесторонне рассмотрев проблему, р. Минц пришел к выводу, что, поскольку все делается ради шутки, ничего запрещенного в этом нет, тем более что он лично знает немало праведных богобоязненных евреев, которые так поступали (Махари Минц, 15).

С выводами р. Минца впоследствии согласился один из крупнейших алахических авторитетов позднего Средневековья, р. Моше Иссерлес из Кракова (Рама на Орах Хаим, 696:8). Однако ряд других ашкеназских авторитетов (р. Йозель Сырчис, р. Давид Галеви и др.) заняли противоположную позицию. Правда, поскольку речь шла об очень распространенном обычае, раввины понимали, что искоренить его им будет не под силу. Поэтому они лишь призвали богобоязненных евреев следить за тем, чтобы хотя бы их домочадцы не облачались на Пурим в костюмы противоположного пола.

Большинство современных авторитетов (Хафец Хаим, р. Моше Файнштейн, р. Овадья Йосеф и пр.) также считают, что пуримский кросс-дрессинг не соответствует духу еврейской традиции, а потому не

следует позволять этого даже маленьким детям. Однако во многих общинах такие карнавальные переодевания в ходу и сегодня.

Р. Моше Иссерлес также упоминает еще один пуримский обычай — воровать друг у друга всевозможные мелочи: пуговицы, булавки и т. д. (Орах Хаим, 696:8). По его мнению, и в этом действии также нет ничего запрещенного, поскольку оно соответствует веселой атмосфере праздника. Правда, при этом р. Иссерлес подчеркнул, что пуримское воровство не должно переходить пределов, установленных раввином и старейшинами общины, дабы игра не превратилась в настоящий грабеж.

Стоит отметить, что такие игры существовали еще в эпоху Второго храма, — правда, не на Пурим, а на Суккот. Как сообщает Талмуд (Сукка, 45а), в последний день праздника взрослые, находившиеся в святилище, начинали гоняться за детьми, отбирая у них лулавы и съедая их этроги. Тем не менее многим раввинам этот обычай очень не нравился. Поэтому, как говорил Хафец Хаим, тот, кто бережет свою душу, не должен вести себя подобным образом (Мишна брура, 696:31).

Во многих ашкеназских общинах и даже ешивах на Пурим традиционно выбирали шутовского пуримского раввина (пурим-ров), издававшего пародийно-издевательские алахические постановления, иногда весьма обидные для настоящего раввина и общинного руководства. Алахические авторитеты оправдывали эту практику, ссылаясь на талмудический прецедент, когда один из мудрецов, Рав, отказался от полагающихся ему почестей (Кидушин, 32а).

В наши дни решительную борьбу с этим обычаем развернул р. Овадья Йосеф, бывший главный сефардский раввин Израиля. По его мнению, совершенно недопустимо публично позорить ближнего, особенно если речь идет о раввинах, знатоках Торы или уважаемых членах общины. Но, несмотря на это, пуримский раввин по-прежнему является неотъемлемой фигурой праздника во многих ешивах и синагогах, включая и общины Хабада. К примеру, в 2010 году в московской синагоге в роли пуримского раввина собравшихся веселил популярный поэт и телеведущий Владимир Вишневский.

В знаменитой Воложинской ешиве помимо пуримского раввина выбирали также пуримского габая, который должен был обратиться с шуточным приветствием к главе ешивы, прославленному Нафтали-Цви-Йеуде Берлину (Нецив из Воложина). В 1885 году пуримским габаем был выбран Авраам-Ицхак Кук, будущий главный раввин Палестины. К удивлению соучеников, он выступил со словами не на идише, как это было принято, а на иврите и арамейском. Свое выступление р. Кук закончил так: «Берлин падет, и Берлин возвысится», намекая одновременно на берлинских просвещенцев и фамилию главы Воложинской ешивы.

Впоследствии, когда сам рав Кук создал и возглавил иерусалимскую ешиву «Мерказ а-Рав», в ней ежегодно выбирали пуримским раввином одного из учеников. Однажды эта честь выпала р. Ицхаку Харифу. Подражая манере своего учителя, он произнес в тот день сложную речь, посвященную анализу алахического статуса пуримского раввина: распространяются ли его полномочия только на Иерусалим или же его мнение имеет силу закона во всей Земле Израиля.

Во многих общинах на Пурим ставили традиционное представление — пуримшпиль. Обычно сценарий спектакля писали по мотивам книги Эстер, иногда — без связи с текстом Танаха, однако порой актеры просто устраивали шуточный спектакль на свободную тему, чаще всего вдохновляясь актуальными событиями, волнующими местных евреев. В подобных представлениях нередко участвовали и известные знатоки Торы. К примеру, в небольшом местечке Шпола таким человеком был знаменитый праведник и глава хасидского двора р. Арье-Лейб, известный как Шполер Зейде (Дедушка из Шпола). Остальные роли традиционно распределялись между его учениками.

И в заключение еще один любопытный алахический вопрос, который в свое время был задан известному бней-бракскому раввину р. Шмуэлю Вознеру. Согласно алахе, человек должен молиться в том виде, в каком он готов предстать перед важными, влиятельными людьми (Шульхан арух, Орах Хаим, 91). Однако в Пурим многие приходят в синагогу, переодетые клоунами, чертями, животными и еще Б-г знает кем. Соответственно, возник вопрос, можно ли таким ржачным молиться во время минхи или маарива.

Отвечая на этот вопрос, р. Вознер написал, что на самом деле речь здесь идет не столько о внешнем виде молящегося, сколько о том, в каком состоянии духа он приступает к молитве, поскольку к Царю царей следует обращаться по крайней мере столь же почтительно, как к важному сановнику, в руках которого находится твоя судьба. Поэтому, заключил раввин, не столь важно, во что облачен еврей, в лапсердак со штраймлом или наряд пирата (разумеется, если при этом прикрыты те части тела, которые,

согласно алахе, не должны быть видны), — если человек молится искренне, сосредоточенно и с должной интенцией, его молитва будет принята (Шевет а-Леви, 10:18:1). Очень важно, чтобы мы помнили об этом и в праздник Пурим, и во все остальные дни.

ЛЕХАИМ МАРТ 2012 АДАР 5772 – 3(239)

ПОДОПЛЕКА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

יְעֹאֲזְבוּ עַבְדָּא-עֲאֵלִיָּא

История — важнейшее свидетельство особых отношений евреев с Создателем, исключительности народа Израиля. Мы не можем позволить себе отвергать или игнорировать ее уроки. Примерно две с половиной тысячи лет назад, в дни персидского царя Ахашвероша, над нашим народом нависла опасность тотального уничтожения. Чудесное избавление (сегодня многие именуют его «счастливым стечением обстоятельств») от этой беды описывает целая книга Танаха — Мегилат Эстер («Свиток Эстер», в русских переводах — книга Эсфири). И по сей день евреи отмечают праздник Пурим, посвященный этому событию.

Надо отметить, что жизнь народов, заселяющих большие территории, со своей армией и государственным аппаратом, очень редко «повисает на волоске». Этого нельзя сказать о евреях, которые были рассеяны по всему миру на протяжении тысячелетий. Впрочем, сами по себе ни армия, ни государство не гарантируют прочного существования. Не менее важен дух народа, его способность противостоять надвигающейся опасности. «Не воинством и не силою, но духом Моим, — сказал Г-сподь», — написано у пророка Зхарьи (4:6).

Угроза, нависшая над еврейским народом в дни Ахашвероша, должна рассматриваться как катастрофа вселенского масштаба. Само появление такой опасности обязывает нас задуматься над причинами произошедшего, даже если в конце концов угроза благополучно миновала и бывшие страхи облеклись в маскарад веселого праздника. Именно эту задачу ставили перед собой мудрецы, обсуждая события Пурима много веков спустя. Следы одной из таких дискуссий доносит до нас сборник «Шир а-ширим раба», датированный примерно V веком н. э.: «Почему нависла угроза над евреями в дни Амана? Разошлись во мнениях рабби Шимон Бар-Йохай и остальные мудрецы. Мудрецы говорят: “Из-за того, что поклонялись изображению Невухаднецара” (т. е. за десятки лет до событий Пурима). Рабби Шимон Бар-Йохай говорит: “Из-за того, что ели еду, приготовленную неевреями” (на пиру у царя Ахашвероша). Сказали мудрецы рабби Шимону: “Но ведь в этом были повинны только те, кто жил в городе Шушане? Почему же нависла опасность над всем народом?” Отвечает им рабби Шимон: “Все евреи ответственны друг за друга”».

Итак, мы видим, что мудрецы связывали замыслы Амана с событиями, которые случились несколькими десятилетиями раньше. Общая канва этих событий изложена в первых главах библейской книги Данииля. Там рассказывается, что три выдающихся представителя еврейского народа — Хананья, Мишаэль и Азарья — проявили мужество и, рискуя жизнью, отказались поклониться изображению царя Невухаднецара (Навуходоносора).

Вот как это произошло. Невухаднецар воздвиг величественную статую, символизировавшую его могущество. Из каждого народа, подвластного великому царю, было выбрано по три депутата. Перед представителями евреев — Хананьей, Мишаэлем и Азарьей — встал непростой выбор между национальным и человеческим достоинством, с одной стороны, и личной безопасностью, — с другой. По мнению рабби Шимона, поклонение статуе Невухаднецара не являлось идолопоклонством — в противном случае еврей, несомненно, предписывалось бы пожертвовать своей жизнью, но не нарушить запрет Торы. Именно двусмысленность ситуации породила проблему, которая встала перед Хананьей, Мишаэлем и Азарьей.

Наряду со многими другими авторитетами, рабби Шимон полагает, что статуя Невухаднецара была всего лишь символом могущества и славы Вавилонской империи. Таким образом, отказ поклониться статуе не был прямой религиозной обязанностью еврея. По всей видимости, такого же мнения придерживается мидраш в «Шир а-ширим раба». Он повествует о том, как Хананья, Мишаэль и Азарья отправились с этой дилеммой к ведущему наставнику Израиля — пророку Даниэлю, но тот не дал им определенного совета. Уклончивая позиция Даниэля, как и его загадочное отсутствие во время публичного сожжения Хананьи, Мишаэля и Азарьи, не ускользнули от внимания мудрецов.

Вероятно, поэтому Талмуд (трактат Сангедрин, 93а) сообщает, что в момент критического испытания Даниэль был отправлен царем в Египет с целью... выкрасть свиноматку, которая требовалась Невухаднецару для разведения свиней в Вавилоне (какими только делами не приходилось заниматься евреям, состоявшим на службе у венценосных правителей!). Возвращаясь к разговору Даниэля с Хананьей, Мишаэлем и Азарьей, отметим, что Даниэль посоветовал им обратиться к величайшему из пророков Израиля — Йехезкелю. Но и тот не ответил им однозначно. Йехезкель процитировал стих из книги своего учителя пророка Йешаяу: «...спрячься лишь на мгновение, пока не пройдет гнев». Хананья, Мишаэль и Азарья попытались получить от Йехезкеля более ясный ответ: «Ты что же, хочешь, чтобы люди сказали: этому истукану поклоняются все народы?!»

Под давлением таких аргументов Йехезкель попросил короткой отсрочки, чтобы воззвать к Г-споду. Он обратился к Всевышнему со словами: «Владыка мира! Хананья, Мишаэль и Азарья хотят пожертвовать собой ради святости Имени Твоего. Защитишь ли Ты их?!» Увы! Пророку открылось, что Г-сподь не обещает этим людям Своей защиты. С плачем передал Йехезкель Хананье, Мишаэлю и Азарье полученный им ответ: нет никакой гарантии, что они не погибнут из-за публичного противостояния Невухаднецару. И лишь после этого трое окончательно решили отказаться от поклонения истукану. Дальнейшие подробности известны нам из третьей главы книги Данииля: Хананья, Мишаэль и Азарья воспротивились указу Невухаднецара, были брошены в печь и чудесным образом спасены.

Согласно приведенному мидрашу, евреи были готовы подчиниться царскому указу, и именно поэтому несколько десятилетий спустя, в дни Ахашвероша, над всем народом нависла смертельная опасность. Но нашлись три человека, обратившихся к мудрости (в лице Даниэля), к пророчеству (в лице Йехезкеля) и, наконец, к самому Творцу. Ни одна из этих «инстанций» не дала Хананье, Мишаэлю и Азарье гарантий безопасности, если они воспротивятся Невухаднецару.

В терминологии еврейских мудрецов подобные ситуации характеризуются как «эстер паним», то есть сокрытие [Б-жественного] Лица (само название свитка, читаемого нами в Пурим, Мегилат Эстер, может быть истолковано как «открытие сокрытого»). В таких случаях традиционные еврейские средства — обращение к Торе (мудрости), пророчеству и непосредственно ко Всевышнему — не приносят результатов. Лишь надрациональная способность к противостоянию силам зла и к самопожертвованию может оказаться сильнее «сокрытия».

Не исключено, что именно с этим связано необычное для еврейского закона предписание, согласно которому в Пурим следует выпить столько вина, чтобы больше не различать между «проклятым Аманом» и «благословенным Мордехаем». Вероятно, здесь содержится символическое указание на возможность прорыва в надрациональную сферу еврейского существования, означающую связь с Творцом, более непосредственную, чем даже изучение Торы и пророческое откровение.

Умение выстоять в критические минуты, не отступая от своих принципов, прослеживается во всей еврейской истории. Тамар, невестка Йеуды, готова сгореть в огне (Берешит, 38), но не опозорить своего тестя; Хананья, Мишаэль и Азарья — принять смерть в огненной печи, чтобы не поклониться статуе Невухаднецара. Мордехай «не становился на колени и не падал ниц» перед Аманом (Эстер, 3:2). Еврейская коллективная память об этих событиях ассоциативно связана со стихом из Шир а-ширим, 7:8: «Вот стан твой, подобный финиковой пальме» (обратите внимание на общую для русского языка и иврита игру слов: стан — стояние). Так, не сгибаясь под натиском испытаний, стоят лучшие представители еврейского народа во всех поколениях. Сам факт нашего сегодняшнего существования доказывает, что эта способность к противостоянию превратилась в одно из главных свойств национального характера.

Мудрецы говорили: «Деяния отцов — путеводный знак для детей». Способность к противостоянию, которой так славились наши предки, сегодня как воздух необходима нам здесь, в Израиле. Именно этот урок Пурима для нас особенно актуален. И хочется верить, что он научит нас встать во весь рост перед враждебным натиском извне и перед губительными тенденциями к саморазрушению, которые так заметны в современном израильском обществе.

ДЕЛО ЛАНГЕРОВ

אֵלֵאֵנִי אֲדָוָה עֵוֵעֵי

Случай Ханох и Мирьям Лангер, или «дело брата и сестры», как его часто называют, был одним из самых громких и продолжительных скандалов, связанных с темой взаимоотношения религии и государства в Израиле. Эта многолетняя история, вокруг которой страсти продолжают и сегодня, не только в очередной раз обнажила глубокий разлом между светскими и религиозными израильтянами, но и привела к существенным трениям внутри самого религиозного лагеря.

В этой статье мы не будем даже пытаться решить, кто был прав в этом споре ведущих раввинов нашего времени. Попробуем лишь кратко восстановить ход событий, а также основные аргументы каждой из сторон.

Эта история началась в Польше, в маленьком городе Лукове. В начале 1930-х годов местечко потряс грандиозный скандал: 14-летняя Ева (Хава) Гинзбург бежала из дома в соседнюю деревню, где стала жить со своим любовником — поляком-католиком Болеком Бороковским¹.

В тогдашней Польше подобные происшествия случались довольно часто, и обычно все заканчивалось весьма печально: либо крещением, либо домом терпимости. В лучшем случае опозоренная девушка возвращалась в родительский дом, одна или уже с ребенком. Однако в случае с Евой все обернулось иначе: отец Евы встретился с ее возлюбленным, после чего тот отправился в Варшаву, откуда вернулся со справкой, что прошел гиюр и теперь является евреем по имени Авраам!

Авраам и Ева Бороковские поженились и в 1933 году переехали в Палестину, где поселились в Тель-Авиве, в одной квартире с родителями Евы. Однако семейная жизнь у них не заладилась, и вскоре они расстались, не оформив при этом развода.

Через некоторое время Ева встретила Отто (Йеошуа) Лангера — еврейского солдата английской армии, служившего в Палестине. В 1944 году молодые поженились. Хупу им ставил рабби Яков Левинский, раввин поселения Гиват-Рамбам. Не совсем понятно, почему тогда не всплыл вопрос о том, что Ева не получила развода от первого мужа и, следовательно, не могла вступить в новый брак. Как утверждал позднее р. Левинский, Ева не поставила его в известность о первом замужестве. В изложении Лангер все выглядело несколько иначе: по ее словам, раввин сказал ей, что в ее случае развод не нужен, поскольку гиюр ее мужа более чем сомнителен.

У Отто и Евы родились двое детей — сын Ханох и дочь Мирьям. Семья жила спокойно и счастливо. И тут вдруг на горизонте возник Авраам Бороковский, который собирался жениться и, соответственно, решил официально оформить развод. В 1951 году Ева и Авраам обратились в тель-авивский бейт дин (религиозный суд). Естественно, в ходе бракоразводного процесса выяснилось, что Ева вторично вышла замуж. А поскольку закон запрещает женщине, не получившей развода, вступать в связь с другим мужчиной, судьи потребовали от Евы расстаться с Отто.

Неизвестно, подчинилась ли Лангеры требованию суда. Тем более что вскоре проблема стала неактуальной: в 1952 году Отто скончался.

О детях Евы и Отто во время бракоразводного процесса никто не вспомнил. Однако через несколько лет Ева вновь собралась замуж и обратилась в раввинат с соответствующей просьбой. Узнав, что Ханох и Мирьям родились от второго мужа до того, как Ева развелась с первым, тель-авивский суд, естественно, объявил их мамзерами².

На судьбе Ханох и Мирьям этот факт первоначально не отразился. Как и большинство их израильских сверстников, они окончили школу и были призваны в армию. Однако в 1966 году Ханох познакомился с еврейской девушкой, с которой захотел создать семью. И тут выяснилось, что, будучи мамзером, он не может вступить в брак «по закону Моше и Израиля». И более того: поскольку

Первоначально он предложил рассмотреть дело специальным судом в составе двух главных раввинов и еще одного знатока Торы. Однако р. Овадьа Йосеф этому воспротивился, сказав, что, поскольку он был членом суда, признавшего Лангеров мамзерами, он не может разбирать этот вопрос беспристрастно, и предложил назначить независимый суд, состоящий из трех незаинтересованных раввинов. Но на это не согласился уже р. Горен. Он собрал кворум из девяти раввинов, который, рассмотрев дело, вынес постановление, что Мирьям и Ханох являются законнорожденными и никаких препятствий для их браков нет.

Решение было вынесено 19 ноября 1972 года. Из девяти раввинов, проголосовавших «за», его подписал лишь один р. Горен. В тот же день были поставлены две хупы — одна для Ханоха и его избранницы, другая — для Мирьям и ее жениха. Церемонию провел преемник р. Горена на посту главного раввина ЦАХАЛа р. Мордехай Перон, впоследствии — раввин Цюриха. Свидетелем на обеих свадьбах был Моше Даян, занимавший тогда пост министра обороны.

Решение р. Горена вызвало безусловное облегчение как у правящей Партии труда, увидевшей в нем выход из политического кризиса⁴, так у их религиозных партнеров из Национально-религиозной партии. Однако значительная часть религиозного еврейства пребывала в изумлении. Практически никто не понимал, каким образом р. Горен смог, вопреки мнениям ведущих раввинов, признать детей Евы Лангер законнорожденными. Однако вскоре р. Горен издал двухсотстраничную монографию, объясняющую столь неожиданное решение.

Основной тезис р. Горена состоял в том, что Бороковский, как и утверждал Ханох в своей апелляции, перешел в иудаизм лишь фиктивно. В поддержку этого тезиса раввин привел следующие аргументы:

1. Как уже было сказано, Бороковский объявил себя евреем, вернувшись из поездки в Варшаву. Однако не сохранилось никаких документальных подтверждений, когда и в каком бейт дине он прошел гиюр.

2. Даже если Бороковский действительно прошел гиюр, с точки зрения Алахи эта церемония не имела юридической силы, поскольку Бороковский действовал под очевидным принуждением: в случае отказа пройти гиюр и жениться отец Евы якобы грозил упечь его в тюрьму за связь с несовершеннолетней.

3. Пройдя «гиюр», Бороковский продолжал вести нерелигиозный образ жизни: ел свинину, не соблюдал заповедей, ходил в церковь и т. д. Более того: по словам р. Горена, их «брак» был заключен... в католической церкви.

Таким образом, резюмировал р. Горен, существуют слишком большие сомнения, можно ли считать Бороковского евреем и, следовательно, была ли Ева Гинзбург его женой в соответствии с еврейским законом. Если же первого брака не было, то, соответственно, ее дети от Отто Лангера должны быть признаны полноправными евреями. Что он, р. Горен, и сделал.

Аргументация р. Горена убедила далеко не всех. С резкой критикой его решения выступил уже упоминавшийся р. Йосеф Эльяшив, а также многие другие раввины, в том числе главный ашкеназский раввин Иерусалима р. Яков-Бецалель Жолти, который опубликовал несколько работ, посвященных критическому разбору основных аргументов р. Горена.

Как мы уже сказали, никаких документальных свидетельств гиюра Бороковского не сохранилось. Однако, по мнению р. Жолти, принципиального значения это не имело. Поскольку, согласно Алахе, если человек заявляет, что он еврей, и ведет себя как еврей, мы обязаны ему верить. А Бороковский безусловно вел себя по-еврейски, что и продемонстрировал, в частности решив дать жене еврейский развод.

Р. Горен утверждал, что Бороковский продолжал вести себя как христианин. Но, по мнению р. Жолти, эти сведения раввин получил от соцработника, а тот, в свою очередь, просто поверил на слово Еве Лангер. Еще два свидетеля, на которых ссылался р. Горен, показали, что Бороковский не постится в Йом Кипур, ест свинину и посещает церковь. Однако, поскольку сами свидетели вели, мягко говоря, не слишком праведный образ жизни, р. Жолти решил, что еврейский суд не может полагаться на их показания. Тем более что, по словам старосты одной из синагог в Рамат-Гане, Авраам вел вполне еврейский образ жизни — в частности, ходил в синагогу, где его неоднократно вызывали к Торе.

Правда, будучи в бейт дине, Бороковский не смог ответить на элементарные вопросы, связанные с еврейской жизнью, — например, закончить стих «Слушай, Израиль...» («...Г-сподь — Б-г наш, Г-сподь один»), который каждый верующий еврей произносит дважды в день. При этом, заметил р. Жолти, на другие вопросы он смог ответить правильно — например, что молиться надо три раза в день, что тфилин возлагают на левую руку и в будни, и т. д.

Впрочем, даже если Бороковский и продолжал ходить в церковь, это не делало его вновь неевреем. Поскольку, утверждал р. Жолти, гиюр, проведенный в соответствии с Алахой, необратим. Здесь он сослался на классическое мнение Рамбама: «Даже если прозелит снова служил идолам, он как бы еврей-отступник, и если он посвящает себе в жены еврейку — она посвящена»⁵.

Р. Жолти также процитировал два решения более поздних авторитетных раввинов. Первое принадлежало предшественнику р. Горена, главному раввину Палестины Аврааму-Ицхаку Куку, который отказался отменить гиюр мусульманина, вернувшегося к прежним обычаям и взявшего жену-мусульманку⁶. Автором второго был р. Авраам-Яков Горовиц, к которому обратились с вопросом, должен ли еврей разводиться с женщиной, которая прошла гиюр, однако затем вновь стала христианкой (по мнению р. Горовица — должен⁷).

Как уже было сказано, решение о судьбе брата и сестры Лангеров было опубликовано за подписью одного р. Горена. Поступив таким образом, главный раввин сослался на мнение Рамбама в книге «Мишне Тора»: «Если один из судящихся попросил записать ему судебное решение, пишут ему так: “Пришел такой-то в суд такого-то со своим оппонентом таким-то, с такими-то претензиями, и был признан правым или неправым”. И дают ему. И не упоминают там ни имен оправдывающих, ни имен обвиняющих, только “суд такого-то, по их (судей) слову был признан правым такой-то”»⁸. Однако р. Жолти заявил, что р. Горен понял Рамбама неверно: по его мнению, в «Мишне Тора» имелось в виду, что человеку не говорят, кто из судей голосовал за обвинение, а кто за оправдание. Сами же имена судей безусловно должны быть опубликованы.

Наконец, еще один аргумент р. Жолти касался самого Бороковского; бейт дин не имел права разбирать столь судьбоносный вопрос, как «исключение из евреев», в отсутствие заинтересованной стороны. С этим утверждением р. Жолти согласился впоследствии Верховный суд Израиля, где Бороковский обжаловал постановление р. Горена. Судьи решили, что раввин нарушил один из основных принципов правосудия, и присудил его выплатить Бороковскому тысячу лир в качестве компенсации.

Все эти бурные споры не отразились на дальнейшей судьбе Ханоха и Мирьям. Насколько мне известно, никто впоследствии не пытался вновь объявить их мамзерами.

1. Некоторые источники называют его «Борковский».

2. Мамзер — потомок еврейки от супружеской измены с евреем, либо ребенок, появившийся на свет в результате кровосмешения. Согласно Алахе, мамзер считается евреем во всех отношениях, однако ему запрещено вступать в брак и с евреем, и с неевреем.

3. Мамзер может вступить в брак либо с другим мамзером, либо с прозелитом. В обоих случаях его дети считаются мамзерами.

4. Согласно некоторым утверждениям, р. Горен имел личную встречу с премьером Голдой Меир, попросившей его сделать все возможное для преодоления кризиса.

5. Рамбам. Мишне Тора, Законы о запрещенных связях, 13:17.

6. Минхат Коен, 14.

7. Цур Яаков, 24.

8. Рамбам. Мишне Тора, Законы о Сангедрине и наказаниях, которые он применяет, 22:8.

Ἰ ΔΑΪΑΑΝΘΙ ΕΞΕ ΝΙ ΑΒΘΕ

Множество примет связано в традиционной культуре с предвещием смерти: плохой сон, неожиданный стук в окно, разбитое зеркало и подобные знаки обозначают скорую смерть: «Шо зуб выпал — значит, кто-то умрет в семье... Это давнее. Сказка или не сказка, но оно ведется... давнее. Старые этого сильно боятся, когда зубы выпадут, зеркало разобьется»^[4]. Все эти представления распространены и у евреев, причем, судя по этнографическим свидетельствам 1920—1930-х годов, такие приметы и раньше пользовались популярностью в еврейской среде.

Еще одно предвещие смерти — собачий вой. Известно средство заставить собаку замолчать или отвести от себя смерть — перевернуть старую обувь, ботинок или тапку:

Νῖα δαὸ ἀεὺ Ἀ αἰὸ μῖαεα ἀεὲ ἀἰαὸ, γοῖ εἶ αἰ ὀ?

Ἐἰ ὀῖ αἰὸ. Ὑὸῖ εὐὸῖ-ὀῖ ἀἰεαἰ ὀῖ ἀἰαὸῦ

Νῖα Ὑὸῖ ἰεῖῖ, ἀα? Ἀ ἰα ἀἰαὸ, αἰε-ὀῖ ἰαἰαἰα-εαἰ?

Ἐἰ ὀ. Ἰαἰαἰα-εαἰ ἂ οεῖῖ [ἰααῖ ἰαἰα εαε]. Ὀαἰε πῶαἰε εεε πῶαῖ αἰεἰεὸ ἰαἰαἰα-εαἰ ἰα ὀ ὀῖῖ ἰῖ ἰαἰααὸ αἰοῦ Ἀεε αἰε-ὀῖ-ὀῖ ἀἰαὸ, γοῖ αεα ἰα ὀῖῖ, ὕ αεα ἰαῖ. Β ἰ ἰαῖ αἰεὸε ἰα εεεὸ, ὕ ἰαἰαἰα-εαἰ, ὕ γοῖ ἰαῖ. Ἀῦῖαεὸ ἰα εεεὸ — εεε ὀα μῖαεα ὀῖ ἀεα, εεε ὀα Ἰ ἰα γοῖ αἰαἰαἰα.

Соб. А вот зачем переворачивают?

Инф. Чтоб он перестал выть <...> Он чувствует и перестает выть. А почему, я не знаю^[5].

Переворачивание предметов в целом в различных народных традициях имеет семантику перемены судьбы; переворачивание — простейший вид символического преобразования объекта, его перехода в иное состояние. Кроме того, переворачивание тесно связано с народными представлениями о загробном мире, и поэтому, видимо, еврейский обычай переворачивать обувь призван симитировать смерть и, таким образом, обмануть ее, отвести от себя беду.

Νῖ ΑΒΘῪ

Смерть у евреев персонифицируется в образе ангела смерти, которого называют «Ангел смерти» — Малхемувес (*идиш*; от ивритского словосочетания *малах а-мавет*). Малхемувес — важный персонаж еврейского фольклора и литературы. Еще в Талмуде о нем сказано, что когда он приходит к изголовью умирающего, то держит в руках меч, с которого стекает капля желчи. Умирающий кричит от ужаса, и капля попадает ему в рот, отчего и наступает смерть (Талмуд, Авода зара, 22б). В своде законов XVI века «Шульхан арух» приводится постановление о том, что в доме, где есть покойник, а также в трех соседних домах следует вылить всю воду (Шульхан арух, Йоре деа, 339:5). В более поздних комментариях к этому закону мы встречаем любопытную мотивацию этого обычая: дело в том, что Ангел смерти ополаскивает в этой воде свой меч, и тот, кто выпьет такой воды, умрет.

В наших полевых материалах Малхемувес неоднократно упоминается. У современных евреев Подолии и Бессарабии принято в доме умершего выливать любую жидкость (воду, суп, чай и т. д.), которая на момент смерти не была прикрыта каким-либо предметом. Это известный в еврейской традиции обычай, интересна его мотивировка, которую нам удастся записать лишь в нескольких случаях, и однажды в этом контексте упоминался Ангел смерти:

Ἐἰ ὀ. Ἰ αεῖαἰ αἰαἰ — γοῖ ὀῖ, εὐὸῖ ἰδεῖαεὸ αἰεὸ ἀἰαὸῦ Ἀαδ Ἰ αεῖαἰ αἰαἰ εεἰ ὀ [Ἀἰαε μῖ αβθε ἰδεῖαεὸ] ε σαεδαὸ εῖαεἰὸ ἰα ὀῖ ἰαἰο. Ὑὸῖ ἰα-εὸ ααδ Ἰ αεῖαἰ αἰαἰ <...> Ἀα ἰεεὸῖ ἰα αεεὸ. Ἀ-ααἰ ἰῖαεαἰ, αἰα ἰῖ αεεὸ ἀαε.

Νῖα Ἀ ἰα αἰεἰ αεἰαἰ, αἰαἰ αἰαὸ αἰαἰ αἰεεαεε?

Инф. Клали, это вот — черепи, черепи, черепицу. Или пять копеек, чтоб она не видела, куда ей ложиться, чтобы... так и теперь кладут. <...> Чтобы, чтоб не видел, шо куда, света больше уже не видел. Понимаешь? Чтоб света не видел^[11].

При этом оба объяснения распространены в одних и тех же регионах, так что невозможно говорить о локальных вариантах и трансформациях народных представлений.

В некоторых интервью с уроженцами бессарабских и подольских местечек при описании снаряжения покойника появляется еще одна любопытная деталь — в руки мертвецу дают палочки. Иногда объяснение такой ритуальной практики соотносится с описанием мессианских времен: «Давали в руку солому, мертвецу давали в каждую руку солому. Это когда Мессия придет, чтоб он имел на чем опираться»^[12]. Это представление встречается как в художественной еврейской литературе (оно встречается в произведениях Ш.-Й. Агнона, И. Башевиса Зингера и др.), так и в этнографических исследованиях: «В руки ему дают маленькие палочки. Это объясняется тем, что когда оживут мертвые, то они будут катиться под землю в Палестину, поэтому дают мертвецам эти палочки, чтобы они служили им подспорьями»^[13]. Приводятся также свидетельства информантов из Польши: «В руки мертвецу дают “вилочки”, чтобы он мог себя чистить на том свете, а также для того, чтобы ему было легче встать, когда придет Мессия»^[14].

Ḍāq: eē í āāāīáí ūō űōāē.

Ōí ò í āāōēŷ ű. Pāī āē í ā ēç ō í ò í āāōē āā í ē ű āāēōēē ű. Ā í - űē í ā. 1910- á ā ā ū.

Ētēē āēōēŷ ō í í āā ō ā í ō dā «Ī āō āāāōōāīē āŷ ēōāāēēā»

Ī ḌĀĀŅŌĀĀĒĀĪ ÈB Ī ĀŌŌĀ ŌŅĪ Ī ŌĀĀĪ

О душе покойника обычно говорят в связи с первыми семью днями траура после похорон, которые называются на идише «шиве» (от *ивр.* «шива» — «сидение»): в эти дни семья умершего должна сидеть на полу и молиться. Кроме того, известен обычай в течение семи дней ставить в доме покойника стакан с водой и прикалывать булавкой кусок ткани, из которой шили погребальную одежду — тахрихим, чтобы душе умершего было чем умываться и вытираться. Отголоски этого представления есть и в современных интервью:

Я знаю, что, когда человек умирает, ставят стакан воды, ставят... берут, отрезают кусочек, уголочек простыни. Туда вкалывают <...> Там, где лежит покойник. И... ну и если тахрихим, ну это такое уже дело — туда вкалывается или иголочка, или булавочка. Ставится на окно. Так оно

стоит восемь дней. На восьмой день утречком на рассвете воду выливают. Этот стакан, этот кусочек материи, эту иголочку или булавочку идут к кладбищу и недалеко, не доходя до кладбища, где-то в сторонке оно закапывается. Это называется аройс балейтн ди нешуме — «провести душу». Поворачиваешь лицо к Иерусалиму. И просишь Всевышнего принять. <...> Но так закапывают, чтоб где-то в сторонке. И чтобы не на кладбище, а чтобы видно было кладбище. У русских, у украинцев на девятый день это делают. У нас делают на восьмой^[15].

С представлениями о душе связано негласное предписание не ходить на кладбище слишком часто и не тревожить лишней раз душу. Впоследствии, когда проходит год, на могилу к умершим родственникам начинают ходить, чтобы попросить их похорониться на том свете за живых, помочь со здоровьем, с заработком и т. п. Широко распространена даже формула обращения к покойнику: «*Лойф ун бет Г-т фар мир...* [Беги и проси Б-га за меня...]» Умерший, таким образом, превращается в заступника и покровителя своих живых родственников.

Итак, мы видим, что комплекс еврейских поверий и представлений, связанных со смертью и загробным миром, не утратил многих своих специфических черт, которые фиксировали исследователи XIX — середины XX века и корни которых подчас уходят в древнюю талмудическую традицию. Тем не менее ряд традиционных для еврейского фольклора и литературы XIX века сюжетов, посвященных душам умерших, — таких, как истории о диббуке, о собрании мертвых по ночам в синагоге и т. п., — уже практически невозможно зафиксировать в наше время. Они полностью исчезли из текстов еврейской традиционной культуры, и на смену им пришли новые сюжеты, которые еще предстоит изучить.

ÀÀÐÀÈÑÈÈÈ ÍÍÏÏÐÏÍÍ ÛÈÈ ÌÌÌ ÈÌÀÈÛÌ ÛÈÈ ÍÀÐÐÀ ÀÈÀÇÀÌ È ÑÈÀÀÐÌ

Большая часть элементов еврейского похоронного обряда хорошо известна украинцам и подробно описывается ими. Они часто сравнивают еврейский обряд со своим погребальным обрядом и подчеркивают различия. Так, например, им представляется странным еврейский обычай хоронить покойника в день смерти (по украинской традиции умершего хоронят на третий день после смерти, все это время гроб с покойным должен находиться в доме):

Инф. 1. Отличаются совсем похороны. Они ставят, як умерет, на сено в куток^[16] покойника. Так.

Инф. 2. У них не так, как у нас, три дня в комнате или где. У них умер, и все.

Инф. 1. Если рано даже, чем быстрее, тем лучше^[17].

Кроме быстрых похорон украинцы отмечают, что у евреев хоронили в обычной одежде и заматывали тело в специальное белое полотно: «Там совсем другой обряд. Там если еврей умирает, то его закатывают в простынь, не знаю сколько метров, говорят 16 или 18 метров, полностью закатывают»^[18]. Считается, что этот обычай восходит к библейским временам и что так же хоронили Иисуса Христа — в плащанице:

ÈÌÓ. Ìðííòóííç àíá çàèèàèè à ìðííòóííç Ì ùèè, èàè Ìàí-ÌÌ, è çàèèàèè, ó Ìèð ìðííòóííè àííèè òàèèà àèèííúà: ì àòð àíò òàè è à àèèíó 5-6 ì àòðíà, òàèèè è ìðííòóííç ì Ìèè çàèèàèè è òàè Ìèè...

Ñíà À ìí-àì ó ààç àííàà Ìèè?

ÈÌÓ. Ìá, èàè Ì-èòààðíí; +òì Èèííà òíàèà òìðííèèè Ìá à àííàó, à çàèèàèè à Ìèàíàí èòó òò Ìàèèèèàç ò òàèèèèè ð òèèè àèèíà Ìòò àèèíí àííà^[19].

При этом гроб тоже отличается от того, в котором хоронят украинцы: «Гроб без гвоздя: низ, ну, бока и верх. Прямо так зарезано, когда положат в яму и крышку так»^[20]. Информант, очевидно, называет «гробом без гвоздя» следующее устройство еврейской могилы: яму изнутри обкладывали досками и туда клали тело, а сверху закрывали крышкой.

Интересно народное объяснение обычая хоронить без гроба: «У нас ховают в труне, в гробе так, а его опускают лицем до земли, опускают его на шнурках и там, как поставят его, — всё, глиной они, глиной покрывают, труну не робят, ничего. Я везу еврея на подводе, тогда машины не было: “Скажит мне, почему у вас така мода?” А он мне сказал: “Як буде свит, Иисус Христос приде, когда свит воскресати, то жид встане перший”. То мне жида рассказывали»^[21]. Это объяснение сходно с распространенными еврейскими представлениями о похоронном обряде и ожидании Мессии.

Украинцы часто упоминают, что евреи хоронят своих покойников в сидячем положении или кладут их лицом вниз: «Я чула як! Что их сидячи. И там их сидячи. Не так, как нас ложат»^[22]. Здесь мы видим типичные этнические стереотипы — представление о том, что иноверцы все делают неправильно, «не по-людски». При этом могила ориентирована на восток: «Як ховали их, по-моему, сидя <...> я помятаю, до сонця, у цю сторону клали его у білому — чи то халат був, чи покривало»^[23]. Этот обычай также связывается с концом света и приходом Мессии, причем здесь информанты подчеркивают, что лицом на восток хоронят и украинцев — по той же самой причине: «До сходу сонця тому, шо усі надіються, шо як буде koniec світа, шо Ісус Христос буде йти зі сходу сонця покалеться людям, так шо ті, шо лежалі в гробі. Так і у нас ховають до сходу сонця лицем було»^[24].

Среди галицийских описаний еврейских похорон зафиксирован и обычай закрывать глаза умершего черепками. Если в еврейской традиции существует несколько объяснений этого обрядового действия, то славянские интерпретации этого обычая сводятся к одной версии — чтобы умерший перестал видеть:

Инф. И берут два горшка, и ему кладут горшок на (показывает на лицо), и его опускают лицем до земли <...>

Соб. А почему горшок на лицо кладут?

Инф. Потому, что он еще чуе^[25].

Такая мотивировка этого обычая есть и у евреев, но, вообще, она ближе к славянским представлениям о временной слепоте и зрении покойника. Славяне полагают, что покойник после смерти продолжает еще некоторое время видеть — до похорон. При этом его взгляд опасен, он может утащить на тот свет, поэтому необходимо заблокировать его взгляд, закрыв ему глаза, например, черепками разбитой посуды.

Еще один интересный обычай, связанный с битьем посуды на еврейских похоронах, был зафиксирован в Закарпатье: «И когда его хоронят, то бьют тарелку на кусочки, и ставят в мешок, и ставят ему под голову, я то видел. Когда в еврейском кладбище били, били тарелку, и в мешок и под голову»^[26]. В известных нам описаниях еврейских похорон такой обычай не зафиксирован, ранее мы не встречались и с его описанием и интерпретацией у славян. Возможно, это локальная специфика. Но можно вспомнить, что битье посуды в погребальном обряде характерно для славян, и возможно, эта практика была заимствована евреями, или же эти действия имеют типологическое сходство.

Говоря о еврейской похоронной процессии, украинцы отмечают, что она не шла медленно, как у славян, а двигалась очень быстро: «И шли, брали четверо на тых носилках, как бы то деревьяни, таки ручки були, четверо йих брали и швидко биглы! Як могли швидче — так вони биглы. А за ними биглы чотыри-пять плачок. Котри богатийши, тот бильше нанимав, а котори бидный — одну-дву. И то так биглы туда»^[27].

Ářî řî řáářěŷ á Ďřî ářá (Ďóř úřěŷ)

В Подолии, Галиции, Польше широко распространено представление о том, что колокольный звон мешает еврейской похоронной процессии^[28]. Считалось, что, если раздастся колокольный звон в то время, когда евреи несут покойника, они бросают тело и разбегаются, и продолжают процессию, только когда колокола умолкают: «Я сама видела, як несут его на *цвин* [цвинтер (укр.) — кладбище], а кладбище было на другой улице, куча за ним евреев идут, и як шо зазвонил звон, они клали, они идут, а тут хлопцы были, и мы раз — дзин-дзилинь, дзин-дзилинь, хоп — они поставили, звонит — они не идут, перестал звенеть — они хап и понесли на кладбище»^[29]. Этот сюжет есть и в еврейском фольклоре и даже получает объяснение в форме следующей легенды о наказании христиан, мешавших похоронной процессии:

А, была тут. История... Я знаю, сколько — двести лет тому назад или триста... Ну, несли одного нашего рабина и... ну, хотели тут стать, потому что тут синагога большая ж была. А напротив была церковь. Маленькая. Ну, и он начал это... звонить в колокола. Он поднялся, мертвый. Ну, это или правда, или неправда — бабушка рассказывала. Или правда это, или нет, но рассказывала, все время рассказывала эту байку, шо он поднялся и сказал этим всем: «Все, больше он не будет звонить!» И нагнулся сразу... хрест, нагнулся — и всё. И он положился назад, сказал: «Несите меня, куда вы меня несете». И на второй день уже хрест бул... нагнувшись. И всё. И церкву вже... эту церкву вже закрыли, потому что хрест нагнулся — всё. Вот это бабушка рассказывала»^[30].

Домашний ритуал шиве — семидневного сидения на полу — тоже известен иноэтничным соседям: «А пизле того сын сидел коло кровати и спал в покуту за свою маму. <...> Тыждень [неделю] он сидел»^[31]. Но все-таки тут нужно отметить, что это не общее знание, о котором рассказывают все информанты.

Были ли какие-то специальные поминальные дни в году, когда все евреи шли на кладбище, наши информанты не знают, точнее, им известно, что евреи ходили на кладбище, но когда именно — никто уже не помнил: «Ну, то було, було. Булы таке дни, то я вам розкажую, шо булы таке дны, шо воны вси ходыли, шо молилися, шо плакали, шо так ходыли, ходыли воны вси, ходыли молиться»^[32].

Соседи знают, что некоторым евреям запрещается посещать кладбище. Наш информант не знал термина «коен», но описал изображение на могилах родственников тех людей, которым запрещено посещать кладбище: *биркат коаним* («благословение коенов»), изображение рук с разведенными парами пальцев: «Там просто е такие (*показывает руки*). Там есть двояки. Там не разрешается ходить на кладбище. Евреям. Не всем. Одни приходили из Израйля и стояли на улице, да»^[33].

Еврейская и славянская (Долі і Слѣв)

В целом мы видим, что «чужой» похоронный обряд достаточно подробно запечатлен в памяти украинского населения. Множество элементов обрядности описывается и интерпретируется соседями евреев, зачастую пожилые украинцы знают еврейскую традицию лучше, чем молодые евреи. Многие (но не все) славянские интерпретации «чужого» обряда совпадают с еврейскими, скорее всего, это значит, что соседи много общались. С другой стороны, существует и немало ложных представлений — таких, как похороны в положении сидя или лицом вниз. Причем прослеживается любопытная закономерность: чем моложе информант, тем больше он опирается не на личный опыт общения с евреями, а на существующие стереотипы.

Еврейская похоронная традиция так отчетливо сохраняется в памяти большинства наших информантов главным образом потому, что этот обрядовый комплекс как евреи, так и их соседи имеют возможность наблюдать достаточно часто — даже и в наши дни. Кроме того, ряд элементов погребального цикла достаточно универсален для различных этноконфессиональных традиций: битье посуды на похоронах, закрывание глаз усопшему, ожидание будущего воскресения мертвых, прихода Мессии и т. п. Сходства и различия своего и чужого обряда дают богатую почву для стихийного сравнительного анализа и в целом способствуют пробуждению народного толковательного творчества.

[1]. Амосова С., Каспина М. *Детские воспоминания о праздниках: евреи и славяне о Пуриме // Лехаим. 2010. № 2; и др.*

[2]. *Экспедиции проводились в 2004–2009 годах межфакультетским центром «Петербургская иудаика» Европейского университета в С.-Петербурге, центром «Сэфер» и Центром библеистики и иудаики РГГУ.*

[3]. Берлин М. *Очерк этнографии еврейского народонаселения в России. СПб., 1861; Ан-ский С. А. Еврейская этнографическая программа. СПб., 1915 (идиш); Khayes Kh. Beliefs and Customs in Connection with Death // Studies in Philology. Vol. 2. Publications of the Yiddish Scientific Institute. Vilno, 1928. P. 281–328 (идиш); Титова Е. А. Еврейский похоронный обряд Черновицкой области // Живая старина. 2006. № 2. С. 37–39; Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. С. 144–148, 184–204; Белова О., Петрухин В. «Еврейский миф» в славянской культуре. М.; Иерусалим, 2008. С. 369–403; Сага А. The image of the Jew in Polish folk culture. Jerusalem, 1995. P. 92, 109, 127, etc.*

[4]. *Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ. Зап. в г. Хотин от Медник Златы Ушеровны, 1932 г. р.*

[5]. *Там же. Зап. в г. Черновцы от Гиммельбрандт Ривы Фридриховны, 1931 г. р.*

[6]. *Там же. Зап. в г. Черновцы от Штейнберг Иты Зигфридовны, 1949 г. р.*

[7]. *Архив центра «Петербургская иудаика». Зап. в г. Могилев-Подольский от Койфмана Михаила Ароновича, 1957 г. р.*

- [8]. Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ. Зап. в г. Хотин от Медник З. У.
- [9]. Толстой Н. И. Глаза и зрение покойников // Он же. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 185–205; Амосова С., Николаева С. Сны об умерших в еврейской и славянской традициях (на материале экспедиций в г. Тульчин [Винницкая обл., Украина] и г. Балта [Одесская обл., Украина]) // Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2006. С. 93–114.
- [10]. Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ. Зап. в г. Черновцы от Гиммельбрандт Р. Ф.
- [11]. Там же. Зап. в г. Черновцы от Жеребецкой Берты Адольфовны, 1921 г. р.
- [12]. Там же. Зап. в г. Черновцы от Авербух Марии Саббатаевны, 1927 г. р.
- [13]. Чубинский П. П. Труды экспедиции в юго-западный край. Материалы и исследования. Евреи юго-западного края. СПб., 1872. Т. VII, ч. 1. С. 53.
- [14]. Khayes Kh. Op. cit. P. 309.
- [15]. Архив центра «Петербургская иудаика». Зап. в г. Тульчин, Винницкая обл., от Швейбиш Риты Генеховны, 1936 г. р.
- [16]. Здесь информант противопоставляет украинский обычай, когда гроб с покойным стоит в центре комнаты, и еврейский, когда покойного якобы кладут в угол (куток) комнаты на сено, а затем очень быстро хоронят.
- [17]. Archives of the Project «Jewish History in Galicia and Bukovina». Зап. в с. Ясиня от Василины Юрьевны (Инф. 1) и Миколы Васильевича (Инф. 2), 1950-х г. р.
- [18]. Там же. Зап. в с. Свалява от Михаила, 1952 г. р.
- [19]. Там же. Зап. в с. Велики Комята от Юрия, 1978 г. р.
- [20]. Там же. Зап. в с. Свалява от Михаила, 1952 г. р.
- [21]. Там же. Зап. в с. Богородчаны от Зиновия Гаврилко, 1923 г. р., Марии Николаевны Гаврилко, 1925 г. р.
- [22]. Там же. Зап. в пос. Бурштын от Ольги Ивановны, 1940 г. р.
- [23]. Там же. Зап. в пос. Бурштын от Нарытника Федора Степановича, 1929 г. р.
- [24]. Там же. Зап. в г. Надворна от Свидрук Евгении Петровны, 1925 г. р.
- [25]. Там же. Зап. в с. Богородчаны от Гаврилко З. и М. Н.
- [26]. Там же. Зап. в с. Свалява от Михаила, 1952 г. р.
- [27]. Там же. Зап. в г. Надворна от Свидрук Е. П.
- [28]. Белова О. В. Этнокультурные стереотипы... С. 150.
- [29]. Archives. Зап. в с. Богородчаны от Гаврилко З. и М. Н.
- [30]. Архив Центра библеистики и иудаики РГГУ. Зап. в г. Хотин от Медник З. У.
- [31]. Archives. Зап. в с. Чернелица от Максимова Степана Демьяновича, 1925 г. р.

[32]. Там же. Зап. в пос. Солотвин от Годованец Евгении Николаевны, 1930 г. р.

[33]. Там же. Зап. в г. Хуст от Левая Карла Карловича, 1934 г. р.

ЛЕХАИМ МАРТ 2012 АДАР 5772 – 3(239)

«ПОЛЕЗНЫЕ ЕВРЕИ»:

К ИСТОРИИ УЧАСТИЯ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ В ВОЙНЕ 1812 ГОДА

ΑΑΙΕΑΙ ΕΙ ΕΘΕΕΙ

Рассказы, описания того времени все без исключения говорят только о самопожертвовании, любви к отечеству, отчаянье, горе и героизме русских. В действительности же это так не было. Нам кажется это так только потому, что мы видим из прошедшего один общий исторический интерес того времени и не видим всех тех личных, человеческих интересов, которые были у людей <...> Большая часть людей того времени не обращали никакого внимания на общий ход дел, а руководились только личными интересами настоящего. И эти-то люди были самыми полезными деятелями того времени^[1].

Лев Толстой, «Война и мир»

Ἰ ἀναεῖ «Çà l'Éclair». Ἀναεῖ Ε. Θεεῖα εἰ Ε. Ἐκαεῖο. 1814 ἄᾶ

Реконструируя широкую панораму народной войны с участием в ней разных слоев русского общества, Лев Толстой, разумеется, не подозревал, что среди «самых полезных деятелей того времени» современники называли евреев: «Особую приверженность к России в нынешнее время показал еврейский народ»^[2], — рапортовал начальству 11 июля 1812 года, то есть уже в первые недели войны, волынский губернатор М. И. Комбурлей; «Приверженность евреев была нам очень полезна»^[3], — свидетельствовал генерал от инфантерии А. Ф. Ланжерон; «Мы не могли достаточно нахвалиться усердием и привязанностью, которые выказывали нам евреи <...> они помогали нам, рискуя своей жизнью и даже своим состоянием»^[4], — утверждал на основе собственного боевого опыта генерал-майор А. Х. Бенкендорф, будущий глава российской высшей полиции; «Евреи в 1812 году сами по себе отличнейшим образом оказали свои способности и усердие на пользу общества»^[5], — подытоживал эти оценки корреспондент газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

В течение четырех десятилетий, прошедших после первого раздела Польши, российское правительство постоянно и безуспешно пыталось превратить оказавшихся в пределах империи евреев в так называемых «полезных» подданных или, по крайней мере, уменьшить «вред», якобы причиняемый ими окружающему населению. К той же цели — попечению «о пользах коренных обывателей тех губерний, где людям сим (евреям. — В. Л.) жить дозволяется»^[6], — было направлено «Положение о евреях 1804 года», положенное в основу политики «исправления» евреев. И вот, когда грянула беда, евреи без всяких внешних усилий и совершенно неожиданно для российской администрации оказались среди самых полезных граждан. Этот факт вынуждены были признать даже известные своими юдофобскими настроениями высокопоставленные сановники. Например, будущий император, великий князь Николай Павлович, объезжая летом 1816 года белорусские земли, записал в своем путевом дневнике: «Удивительно, что они (евреи. — В. Л.) в 1812 году отменно верны нам были и даже помогали, где только могли, с опасностью жизни»^[7].

«За полезное» — эта лаконичная надпись была выгравирована на золотых и серебряных медалях, которыми награждали евреев, отличившихся в период русско-французских войн. Другая надпись на медалях, также используемых для поощрения евреев в те годы, гласила: «За усердие». Во время и после войны по меньшей мере 80 евреев были награждены такими медалями, некоторые получили по две, а то и по три^[8]. Подавляющее большинство награжденных составляли коммерсанты, а среди них превалировало гильдейское

патриархальной экономической деятельности в пользу владельцев местечек на крупнейшего государственного заказчика, каковым являлась российская армия. В условиях военного времени они были вынуждены в короткий срок не только самоопределиться в качестве российских евреев, но и включиться в новые экономические отношения капиталистического характера. Без преувеличения можно сказать, что именно война 1812 года запустила для массы российских евреев часы Нового времени, открыв для избранных из них пути интеграции в российское общество.

Новые возможности интеграции появились в результате сближения представителей еврейской экономической элиты с военачальниками и высокопоставленными государственными чиновниками. Этот неоднозначный по своим последствиям процесс, ускоренный русско-французскими войнами, наглядно иллюстрируется судьбами конкретных персонажей.

В июне 1812 года, буквально накануне начала военных действий, военный министр и главнокомандующий 1-й Западной армией, расквартированной в Литве, М. Б. Барклай де Толли наградил золотой медалью крупного армейского поставщика Исаака Юделевича Адельсона. В своем отношении на имя министра финансов от 28 мая будущий главнокомандующий российской армией писал:

*А́ннאַאדוּ עי יאַדאַויד אַלמ-אַעסאָ ייִאַנאַווּ מעגאַלעע אַעאַל נעל אַ 1-ע אַעוואַע עוּוּאַ עינאַעאַ
Paaetlae-a Aaaeuuua ca feaaiua ei a daaiuo neo-ayoo uuaaea e iueia auuaaduua iaadaeou
geioip i aaeeip niaaieup «Ca uuaaea» aey iioaiey ia oia ia aieoate eai oa I eaetate i iaadae
aiea oiaai eyy Aaosa alim-aiou, y iietoraesa Aan i eeiuoate auuaadu i te, iioeo i deeaou
aiuoaaeou ei i ia iia-ai i ip i aaeeu aey aob-ai ey Aaaeuuuo ^[12].*

Эта скупая архивная запись, сохранившаяся среди других «изустных высочайших указов» военного времени, вывела армейского поставщика Адельсона на большую историческую арену.

Архивные документы позволяют наметить контуры биографии нашего героя. На рубеже 1780–1790-х годов еврейский юноша Ицхак, сын Юделя, из белорусского города Несвижа переезжает в литовский город Юрбург (в то время оба города принадлежали Великому княжеству Литовскому), где берет в жены девушку по имени Тауба из зажиточного купеческого семейства, получившего впоследствии фамилию Меерович. Его тесть и тезка — Ицхак, сын Меера (отсюда и фамилия семейства), — ведет торг совместно со своими сыновьями Иосефом, Менделем, Танхелем и Натаном. После присоединения литовских земель к Российской империи в 1795 году он записывается в купечество города Россиены, уездного центра Виленского наместничества (с 1797-го — Литовской губернии). Наш герой Ицхак (Исаак), который принял вскоре фамилию Адельсон, намекающую на знатное происхождение (от *идишк.* «эйдель» — «благородный»), включается в коммерческие предприятия своего тестя ^[13]. В военных кампаниях 1805–1807 годов Исаак Адельсон принимает участие в армейских поставках, осуществляемых Мееровичами. Накопив достаточный опыт, он выделяет свой собственный капитал из общего семейного и записывается в 1811 году в 1-ю гильдию купечества города Вильно. Оставаясь на жительстве в Юрбурге, виленский купец Исаак Адельсон ведет, согласно официальной записи, «торговлю хлебом, деревом и разными дозволенными товарами» ^[14], нередко выезжая по коммерческим делам за границу, часто бывая в Кенигсберге.

Уже в 1806–1807 годах Адельсон настолько сближается с военным командованием, что оно доверяет его жене Таубе, участвующей в заграничной коммерции мужа, разведывательные операции. Заметим, что купчиха Тауба Адельсон — единственная женщина среди русской агентуры за рубежом, которая, согласно архивным документам, под прикрытием коммерческих операций выполняла разведывания российского военного командования в период русско-французских войн ^[15]. В своем родном городе Тауба обладала крупной недвижимостью, оцененной в сумму более 85 тыс. рублей ассигнациями. Имея за собой такой капитал, Тауба Адельсон, вероятно, не вызывала подозрений в качестве коммерсанта, ведущего заграничный торг.

Вообще же использование крупных купцов-евреев для целей внешней разведки было довольно распространенным явлением в те годы. Свидетельством тому, например, рапорты министру внутренних дел от могилевского гражданского губернатора М. М. Бакунина, основанные на агентурных сведениях, в том числе с театра военных действий, которые поставляли губернатору в 1806–1807 годах купцы-евреи, располагавшие обширными связями в крупнейших торговых центрах Европы: Лейпциге, Берлине и Кенигсберге ^[16].

В 1812 году, в период наиболее интенсивной деятельности военной разведки за рубежом, имя Таубы Адельсон снова возникает в секретных рапортах^[17]. Как коммерческие операции, так и тайные задания она выполняла в тесном сотрудничестве с мужем. Та золотая медаль на голубой ленте, которую военный министр надел на шею Исааку Адельсону, несла в себе немалую долю заслуг его жены Таубы.

Áíēúōāý āāāāýí íāý ñēí āāāā ā P óāóōāā (P óāāóēāñā).

Í ñō óñāí ā ā 1790 āāā

Á 1941 āāó ñāēēāí ā íāí óāí ē.

Í í:óíāý í òēđúòēā 1926 āāā

В этот предвоенный период всеобщей подозрительности и шпиономании Исаак Адельсон (в некоторых документах того времени его еще по старинке называют Юделевичем или Юдоловичем), занимаясь, помимо коммерции, выполнением секретных заданий и посещая в связи с этим армейских офицеров и чиновников, не мог не вызвать подозрение у местных полицейских чинов. Один из них 27 апреля доносил министру внутренних дел:

P āíēíāē: — āāāē, pōāāóāñēēē ēōí āō íí í ðēāñā ā āōñā Áēēúí í ēēē ñēđúōí, ēç P óāóōāā íí ā í ðēōēíí í āñýōā í ðēíñāē ýōōāōāō (íí:ōā ñ íāñí:íúí. — Á. É) ē āāāōō Áāíēñāíō, ā íúíā, ēāē āēāíí, ÷ōí íí ē íāí ó í ðēāñāē, āúāāō íí ó āāāōā (ñāíñā ē ó ēíí ēññāōā Í ññēēíñā. Ñāē āāāē, í ðíāēēāý ā P óāóōāā ÷āñōí āúāāō çāñāí ēōāþ^[18].

Когда с вторжением «великой армии» в пределы Российской империи ослабла необходимость в зарубежной резидентуре, Исаак Адельсон был призван интендантским ведомством. Напомним, что с началом войны генерал-интендантом 1-й Западной армии (под командованием генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли) был назначен будущий министр финансов Егор Францевич Канкрин, возглавивший вскоре снабжение всех российских войск. Канкрин привлек к обеспечению войск провиантом и фуражом крупнейших российских купцов того времени. Среди его ближайших сотрудников-подрядчиков оказались Абрам Перетц, с которым его связывало давнее и короткое знакомство, а также Лев Невахович, Исаак Адельсон и их компаньоны Соломон Гальперт, Моисей Кон, Натан Меерович и др. Именно эта группа купцов блестяще справилась с организацией поставок припасов для 1-й Западной армии в труднейших условиях продолжительного отступления российских войск внутрь империи, а затем их стремительного продвижения к западным границам.

С началом военной кампании 1813 года в Европе Канкрин, теперь уже генерал-интендант всей действующей русской армии, занялся организацией снабжения русских войск в еще более сложных условиях войны на чужой территории. Для обеспечения российской армии провиантом и фуражом требовалось сформировать сеть складов в городах Пруссии, Силезии, Австрии и Польши. Решение этой задачи взяла на себя торговая компания, которую возглавил Исаак Адельсон совместно с Абрамом Перетцем. К их ближайшим компаньонам по войне 1812 года прибавилось еще несколько поставщиков-евреев, а Лев Невахович стал поверенным компании, отвечавшим за контакты с интендантским и провиантским начальством, а по окончании войны — с различными ведомственными комиссиями. По договору с интендантской службой руководители компании «покупку продовольствия производили не как подрядчики, или поставщики, а как казенные комиссионеры, на казенный счет и со всеми расходами казны»^[19]. Еврейские купцы получали «по пяти процентов от ста» комиссионных^[20].

Современники отмечали, что в период военных кампаний в Европе российские войска не испытывали недостатка в продовольствии. За организацию обеспечения российской армии за пределами империи Е. Ф. Канкрин был награжден в 1813 году орденом Св. Анны I степени, а в 1815 году получил чин генерал-лейтенанта. Еврей Адельсон довольствовался более скромной, однако высшей для евреев наградой — был награжден в октябре 1814 года второй золотой медалью, на этот раз с надписью «За полезное»^[21].

Увеличившие свои капиталы на военных поставках члены торговой компании Адельсона — Перетца по окончании войны, разумеется, оказались под обстрелом разного рода доносов. Некоторые из них метили в главу интендантской службы — Канкрин. Как писал его биограф:

Благодаря умелой экономии Е. Ф. Канкрин Отечественная война обошлась в 4 года только около 400 милл. руб. с остатком в 26 милл. от сумм, ассигнованных на ее ведение. <...> Строгое и честное отношение к делу создало Канкрину массу врагов; нашлись даже люди, формально обвинявшие его в злоупотреблениях; но представленный им императору Александру I отчет о всех его операциях заставил умолкнуть клеветников^[22].

До конца 1820-х годов успехи Адельсона и членов его торговой компании возбуждали у многих зависть и порождали доноительство. Однако попытки наложения на Адельсона взыскания, в том числе за якобы не израсходованный его компанией провиант, не принесли никаких результатов. В защиту компании выступил Канкрин, высоко ценивший ее деятельность. У Адельсона, со своей стороны, были претензии к казне, в течение многих лет он добивался «от казны значительной суммы, для получения которой находился в Санкт-Петербурге»^[23], где, по словам агента тайной полиции, еще «более сблизился с прежним своим товарищем, а нынешним министром (Е. Ф. Канкриным. — В. Л.)»^[24]. Настойчивый агент тайной полиции, не оставляя в покое чету Адельсон и в родном Юрбурге, сообщает:

Все отправки медных и серебряных денег идут чрез руки еврейки Таубы жены Адельсона. Юрбург принадлежит к Герцогству Варшавскому и когда генерал Гинц проиграется в карты, то всегда едет в Юрбург к Таубе, которая ему дает вдруг по двадцати и тридцати тысяч рублей и за сие получает полное право делать всякие злоупотребления. Со стороны же министра Канкрин ей тоже нечего страшиться, ибо ее муж его любимец и товарищ^[25].

Повышение экономического и социального статуса Адельсона, его сближение с «сильными мира сего» не могли не отразиться и на культурном облике его семейства. Когда во второй половине 1820-х годов широкий размах приняла кампания по проведению в жизнь императорского указа от 22 апреля 1820 года «О недержании евреями в домашнем услужении христиан», бывшие компаньоны, ведущие заграничный торг с помощью многочисленных торговых агентов и служащих, купцы 1-й гильдии Исаак Адельсон и Иосиф Меерович обратились в феврале 1828 года с совместным прошением на имя литовского военного губернатора А. М. Римского-Корсакова:

Мы просители, проживая в пограничном местечке Юрбурге и от давних времен отправляя купеческий промысел, по которому нередко случается проживать в обеих столицах Российской империи и в столичном городе Царства Польского, ни по образу мыслей, ни по одежде, не можем принадлежать к тем евреям, об искоренении предрассудков коих правительство прилагает старание. Таким образом, производя мы внутреннюю и заграничную торговлю, обучая детей музыке и языкам и ведя образ жизни, свойственный купеческому нашему состоянию, вошли в столь близкие и необходимые с христианами отношения, что лишение нас взаимных услуг должно неминуемо стеснить и почти уничтожить все те преимущества и права, кои дарованы гражданам по общим узаконениям^[26].

Это прошение приоткрывает образ мыслей и общий культурный облик нашего героя. В отличие от своего столичного приятеля и партнера Абрама Перетца, который под давлением внешней среды давно уже перешел в лютеранство, Исаак Адельсон, укрывшийся от этого давления в провинции, сохраняет еще формальные связи с еврейством. Он относит себя и свою семью к еврейской «просвещенной» элите, которая отличается от традиционного еврейства стилем жизни, светским образованием и европейским воспитанием. Ему представляется, что вкупе с его заслугами этого достаточно, чтобы власти выделили его и наделили соответствующими льготами.

Однако в условиях сурового режима Николая I и в далеком Юрбурге нет возможности уберечься от давления закона. Ввиду продолжающихся попыток лишить его христианской прислуги и тем самым подорвать коммерцию, Адельсон в феврале 1829 года снова обращается к военному губернатору:

Местная полиция, не входя в различие состояний, распространяет запрещения на всех вообще евреев, в том числе и на мою фамилию, несмотря на то, что я более 24 лет состою в купеческом первогильдейском звании, что я с фамилиею моею ведем образ жизни по примеру немецких образованных евреев; что сыновья мои воспитаны на университетах, наконец, несмотря на то, что вообще в моем доме не только не может иметь дух развращения христиан, в отвращение коего вышеизреченное воспрещение воспоследовало, но напротив известно всем и самой местной полиции, что и пред упомянутым запрещением особенно наблюдаемо было в моем семействе за точным наблюдением христианами служителями своей религии, без чего доверенности к ним иметь нельзя. Между тем распространенное и на мой дом запрещение иметь в услугах христиан до крайности стесняет мои дела, особенно по торговле заграничной...^[27]

Ї γδο δαο Ααδαι α Ι αδαο οα Ααο γδ Ι αεσαοοαι

Указание Адельсона на сходство своего семейства с семьями немецких евреев проявляет осознанную им приверженность к последователям немецкой Хаскалы. По-видимому, часто посещаемый им Кенигсберг, этот центр еврейского Просвещения в Восточной Европе, открывал перед Адельсоном не только коммерческие перспективы. О том, что Адельсон с семейством по своему культурному облику выглядел «белой вороной» на фоне традиционной еврейской среды провинциального Юрбурга и находился в конфликтных отношениях с ней, свидетельствует распоряжение, отданное генерал-губернатором гражданскому губернатору:

По уважению, что проситель Адельсон с фамилиею его, по отличию своему от общества, подражали обхождением христианам и не могут иметь слуг евреев, кои по суеверию своему не соглашаются у них служить, поручаю вашему превосходительству предписать кому следует не воспрещать купцу Адельсону и его фамилии, подражающим в жизни христианам, иметь в услужении христиан впредь до воспоследования по сему предмету особого постановления...^[28]

По-видимому, не только практические интересы, но и ориентация на идеи еврейского Просвещения стимулировали Адельсона к поиску разных форм сотрудничества с военачальниками и государственными чиновниками: помимо выгодных заказчиков, он видел в них также опору просвещенного абсолютизма — идеального, с точки зрения маскилов, политического устройства. В то же время нажитые капиталы позволяли Адельсону реализовать культурную программу как европейского, так и еврейского Просвещения — изменить образ жизни своей семьи, дать детям соответствующее образование и воспитание. В биографии нашего героя эпоха русско-французских войн стала переломным моментом, во многом определив судьбу не только его, но и его потомков.

Сыновья Исаака и Таубы Адельсон — Иосиф и Яков — женились на еврейках, но впоследствии перешли в лютеранство, поступили на службу и дослужились до чинов, обеспечивших их детей титулом потомственных дворян. Яков (1799–1861) пошел по стопам отца, занялся крупной коммерцией, заграничной торговлей, организацией работ по подрядам; в 1840 году он был пожалован в «коммерции советники», в

1841-м стал российским консулом в Кенигсберге, с 1847-го — генеральным консулом, дослужился до чина статского советника и был награжден орденами Св. Анны и Св. Владимира. Его брат Иосиф (Осип), 1792 года рождения (согласно другим данным — 1800-го), закончил Императорскую медико-хирургическую академию со званием доктор медицины, в 1826 году поступил на службу лекарем в Сенат, затем до 1848-го служил врачом при Министерстве финансов, в чине статского советника вышел в отставку. Внук Исаака Адельсона, Николай Осипович Адельсон (1829–1901), сделал блестящую военную карьеру и дослужился до чина генерала от кавалерии, был награжден всеми российскими и двадцатью пятью иностранными орденами высших степеней. Образование он получил в Петербургском и Дерптском университетах, военную службу начал в 1849 году, с 1882-го и до самой смерти был комендантом С.-Петербурга.

При всей уникальности семейной истории Адельсонов его биография является весьма репрезентативной для той довольно многочисленной группы крупных еврейских коммерсантов, деловая активность которых была стимулирована потребностями российской армии в годы Наполеоновских войн. Основные биографические сведения о ближайших компаньонах Адельсона, таких, как Абрам Перетц (1771–1833) и Лев Невахович (1776–1831), можно почерпнуть в исторической и справочной литературе^[29]. Появляющиеся в литературе известия о разорении Абрама Перетца на военных поставках не касаются его деятельности в упомянутой выше торговой компании. Перетц понес серьезные убытки на поставках провианта в порты Балтийского моря и для войск, дислоцированных в Бессарабии, а также по подрядам на постройку военного корабля в Николаеве, на поставках соли и на питейных откупках^[30]. Вспомним здесь, что сын Перетца от первого брака, Григорий Абрамович, оказался в ссылке за участие в движении декабристов; старший сын от второго брака, Александр Абрамович, стал начальником Корпуса горных инженеров, а младший, Егор Абрамович, — государственным секретарем и секретарем Государственного совета; внуки и правнуки Абрама Перетца заняли почетные места в русской культуре.

Не менее известен читателю литератор и коммерсант Лев Невахович. Завязав в 1813–1815 годах близкое знакомство с советником наместника Царства Польского Н. Н. Новосильцевым, он остался по окончании войны в Польше, где получил монополии на торговлю табаком и алкоголем. Эти монополии, к участию в которых он привлек своих бывших компаньонов по военным поставкам, обеспечили ему колоссальное состояние, оцененное в 5 млн злотых^[31]. Так что в историю литературы Невахович вошел не только как первый русско-еврейский писатель, но и как первый российский литератор-миллионер. Напомним, что в продолжение своей коммерческой деятельности он не оставлял литературного пера, и в 1812 году написал антинаполеоновскую пьесу «Меч провидения, или Надир Тахмас Кули-хан»^[32], поставленную в Петербурге лишь после его смерти в 1832 году. Сыновья Льва Неваховича Александр и Михаил оставили свой след в истории русской культуры, первый — как начальник репертуарной части императорских театров, а второй — как талантливый карикатурист, автор и издатель первого русского сатирического иллюстрированного журнала «Ералаш»; дочь Л. Неваховича Эмилия стала матерью Ильи Ильича Мечникова, выдающегося биолога и иммунолога^[33].

Для участия в польских монополиях Невахович пригласил в Варшаву контрагента компании Адельсона—Перетца, купца Соломона Гальперта (1773–1832), который еще в 1808 году был награжден золотой медалью за поставки соли в Смоленск в качестве иностранного комиссионера Перетца. Составив значительный капитал на откупках и открыв свой банк, Гальперт — в отличие от большинства крупных коммерсантов новой формации — не порвал связей с еврейством, наоборот, он занимался широкой благотворительностью на нужды варшавской еврейской общины; его потомки перешли в лютеранство^[34].

Ὁὐδὲὶὴ ἡ ἐὲν ἑί εἶν Ἐὶν Ἰ ἀἀἀἀ: ἀ «Ἄἵ ἑὶ ἀἵ ἀδὲ ἐἀἀἵ ἑἵ». Ἰ ἀ ἀἀἀἀ 1803 ἀ ἀ

Также и другой контрагент компании купец 1-й гильдии Моисей Кон (ок. 1790–1848), человек широкого европейского образования, был приглашен Неваховичем в Варшаву для участия в его предприятиях. Здесь Кон перешел в православие, женился на шляхетке Эльжбете Слуцкой и получил в Польше широкую известность под именем Мауриций Коняр. После смерти своих компаньонов Неваховича и Гальперта он принял на себя большинство их дел и аренд. Благодаря деловой сметке и связям с высокопоставленными российскими и польскими чиновниками ему удалось составить колоссальный капитал, который оценивался в 12 млн злотых. Банкир и предприниматель Коняр был среди тех, кто вывел Польшу на путь капиталистической экономики^[35].

Похожим образом сложились и семейные истории купцов, продолживших свою коммерцию в России. Один из торговых агентов Адельсона киевский купец Шмуэль Натанзон, сменив по крещении имя, стал Семеном Надсоном, его внук Семен Яковлевич Надсон стал в 1880-х годах едва ли не самым популярным поэтом России^[36]. В 1813 году золотая медаль за щедрые пожертвования для российской армии была вручена бердичевскому купцу 1-й гильдии Рувиму Рубинштейну^[37]; по переходе в христианство он принял имя Роман^[38]. Его внуки — известные русские композиторы и музыкальные деятели Антон и Николай Рубинштейны.

Николай Адельсон, внук Исаака Адельсона

Примеры можно множить, но и приведенные убедительно показывают, что путь интеграции в российское общество, на который в период русско-французских войн вступили еврей-коммерсанты, привел если не их самих, то их потомков к полной ассимиляции и отпадению от еврейства. Дети этих «полезных» для государства евреев теряли еврейскую идентичность, становились русскими или польскими дворянами, приобретая соответствующие права и возможность существования в ставшей для них привычной социальной и культурной среде. Таким образом, война 1812 года ускорила процесс формирования новой социальной группы — еврейской буржуазии, а ужесточившиеся условия последних лет царствования Александра I и наступившего затем сурового режима Николая I ускорили процесс ее трансформации в буржуазию наднациональную, легко интегрирующуюся в имперскую экономику и культуру.

[1]. Толстой Л. Н. Война и мир // Он же. Собр. соч. в 14 тт. Т. 7. М., 1952. С. 16.

[2]. Донесения волынского гражданского губернатора. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1165. Оп. 1. Д. 113. Л. 56.

[3]. Гинзбург С. М. Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб., 1912. С. 74.

[4]. Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов. М., 2001. С. 47.

[5]. Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям». 1812. № 89. 5.11 (17.11).

[6]. Леванда В. О. (сост.). Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев. СПб., 1874. С. 45.

[7]. Бейлин С. Из исторических журналов // Еврейская старина. 1911. С. 589–590, со ссылкой на: Шильдер Н. Великий князь Николай Павлович // Русская старина. 1901. № 6. С. 465–466.

[8]. См. о наградах и награжденных: Фельдман Д., Петерс Д. История награждения российских евреев за военные и гражданские заслуги в начале XIX века. М., 2006.

[9]. Там же. С. 59, 85, 86.

[10]. Книга о пожалованных вещах, 1811–14 гг. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 43. Д. 969. Л. 27 об.

[11]. Там же. Л. 28.

[12]. Изуственные высочайшие указы, 1812 г. РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4065. Л. 46.

[13]. Биографические сведения об Адельсоне рассеяны по разным архивным делам, помянутым ниже, см. также: О фальшивых документах, составленных Мейером Мейеровичем, Нейманом и Ерыгиным на купцов Адельсонов, 1838 г. ГАРФ. Ф. 109, 1838 г. 1 эксп. Д. 242.

[14]. О торгующих купцах 1812–24 гг. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 381. Оп. 1. Д. 486. Лл. 7 об.–8; см. также: Входящая корреспонденция Виленского кагала, 1811 г. ЛГИА. Ф. 620. Оп. 1. Д. 3, л. 42.

[15]. Документы русской военной контрразведки в 1812 г. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. М. Безотосного // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах, т. II–III. М., 1992. С. 50–68, со ссылкой на: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Т. 2. Д. 2535. Л. 37.

[16]. Севастьянов Ф. Развитие «высшей полиции» при Александре I // Измозик В. С. (сост.) Жандармы России. СПб.–М., 2002. С. 216.

[17]. Документы русской военной контрразведки в 1812 г. Там же, со ссылкой на: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3500. Л. 12 об.

[18]. Донесения следственного пристава Иващенко о подготовке Наполеона к войне с Россией, о перемещении французских войск, о лицах, подозреваемых в шпионаже, 27 апреля 1812 – 1 мая, 1812. ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 103. Л. 1.

[19]. По предложению Виленского гражданского губернатора и кавалера об отыскании виленского 1-й гильдии купца Адельсона и о взыскании с него по поставкам во время французской войны...1826–27. ЛГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 2221. Л. 34.

[20]. По доносам Неймана. ГАРФ. Ф. 109, 1827 г. 1 эксп. Д. 220. Ч. 1. Л. 52 об.

[21]. Фельдман Д. Роль евреев в снабжении русской армии во время Отечественной войны 1812 года // Параллели. № 8–9. 2007. С. 13; Книга о пожалованных вещах... Л. 288 об.

[22]. Лебедев В. А. Канкрин, граф Егор Францович // Русский биографический словарь. Т. 8. СПб., 1897. С. 448.

[23]. По предложению Виленского гражданского губернатора... Л. 10.

[24]. Донесения агента Хотяинцовой, 1825 г. ГАРФ. Ф. 109. САЗ. Д. 1561. Л. 9 об.

[25]. Донесения агента Хотяинцовой, 1827 г. ГАРФ. Ф. 109. САЗ. Д. 3189. Л. 21 об. В непрекращающихся нападках на Адельсона, его компаньонов и их покровителя Канкрин, тайный агент Третьего отделения Собственной канцелярии его императорского величества, а в прошлом поставщик российской армии Бернштейн-Хотяинцова, возможно, пытается свести счеты с бывшими своими удачливыми торговыми конкурентами.

[26]. О воспрещении евреям Вильно проживать на центральных улицах и держать в услужении христиан... 1816–30. ЛГИА. Ф. 378, 1816 г. Д. 232. Л. 201.

[27]. Там же. Л. 428.

[28]. Там же. Л. 430 об.

- [29]. См., например: Fishman D. *Russia's First Modern Jews. The Jews of Shklov*. NY & L., 1995; Минкина О. «Сыны Рахили»: Еврейские депутаты в Российской империи. 1772–1825. М., 2011; Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 244–245.
- [30]. Донесения агента Хотяинцовой, 1826 г. ГАРФ. Ф. 109. САЗ. Д. 3188. Лл. 9–12.
- [31]. Fuks M. *Żydzi w Warszawie, wydanie III. Poznań/Daszewice*, 1997. P. 120–121.
- [32]. Благодарю за это сообщение Ольгу Минкину, обнаружившую документы цензуры, датированные 1812 г. (РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Д. 1).
- [33]. О Неваховичах см.: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 243–246.
- [34]. Fuks M. 120–121, 143.
- [35]. Ibid. P. 120–123.
- [36]. По доносу отставного коллежского асессора Чигринского о злонамеренных действиях купца Надсона (Натензона), 1846. ГАРФ. Ф. 109, 1846 г. 1 эксп. Д. 34.
- [37]. Фельдман Д. С. 12.
- [38]. См., например: О желании бердичевского купца Рувима Рубинштейна увидеться с императором для донесения о важных злодеяниях, 1828 г. ГАРФ. Ф. 109. 2 эксп. Д. 85.

ЕВРЕИ-ГЕНИИ И ЕВРЕИ-ВОЖДИ

Ḥĕlĕlā Ālĕlāi Ḥadī Ḥĕlĕlāi

*Ḥĕlĕlā ālĕlā ḥĕlĕlāi-āiā Nĕrĕlĕlāi i ĩāĕlĕlāi?!! Ḥĕlĕlāi!!! Dā-ēnōlĕ ē dāḥēōāĕlĕlāi ūē i ĩĕlĕlāi
ēlĕlāi ālĕlāi ē āi i ānō ĩā ḥōōdī ālĕnōlĕlōō ḥāāāālĕlāi i i-āi ĩĕlĕlāi ālĕlāi ālĕlāi ālĕlāi ālĕlāi
iōēāē-ālĕlāi ḥĕlĕlāi*

Всего лишь потому, что большинство ораторов были евреи: а, так это, оказывается, какое-то еврейское дело...

Эту картинку времен первой русской революции донес до нас Владимир Жаботинский: лидирующее участие евреев в массовых движениях способно лишь ослаблять эти движения.

Но ведь Красная Армия, созданная евреем Троцким и в значительной степени руководимая комиссарами-евреями, разгромила всех своих врагов! Породив невиданную прежде ненависть к еврейству проигравших. Во время кишиневского погрома погибло около пятидесяти человек — во время погромов Гражданской войны было убито от двухсот до трехсот тысяч евреев. И это было только начало.

Германская революция, положившая конец первой мировой войне и начало Версальскому унижению, тоже была огромным успехом ее еврейских лидеров, — успехом, оплаченным шестью миллионами жизней других евреев: жертвы Холокоста оказались пушечным мясом для еврейских пассионариев, устремившихся спасти русский и немецкий народы от их варварских заблуждений. Вы не будете отвечать за то, что Ленин русский, говорил Бердяеву его домовладелец, а я буду отвечать за то, что Троцкий еврей (он еще не знал, что объявят евреем и Ленина). В «Майн кампф» Гитлер без конца повторяет, что именно революция, вонзившая нож в спину фронту, открыла ему глаза, что евреи — враги немецкого

народа, а о том, что террористический режим в России установили именно евреи, он упоминает как о чем-то общеизвестном.

И сколько бы мы ни доказывали, что революции происходят по причинам «объективным», люди станут действовать в соответствии с тем, в чем уверены не мы, а они, — в том, что укрепляет, а не ослабляет их экзистенциальную защиту, их ощущение себя красивыми и значительными. Ибо первейшая функция нашей психики — самооборона: именно для того, чтобы избавиться от мучительного ощущения собственной ничтожности, люди и объединяются в нации, и тот, кто думает, что национальные интересы заключаются в материальном процветании, не может быть политиком, но разве лишь политическим интриганом или утопистом.

И не нужно обольщаться трюизмами, что все честные российские граждане, независимо от их национальности, заинтересованы в одном и том же — в росте материального благополучия, в снижении коррупции и прочая, — нас разъединяют разные системы защиты. Красивый образ личности невозможен без красивой родословной, а родословные у русских и у евреев очень уж разные, и те исторические события, которые русские заинтересованы трактовать как безусловные подвиги предков, евреи психологически заинтересованы интерпретировать куда более вольно. А иногда едва ли и не противоположным образом. Вот когда мы накопим общий запас подвигов и злодеяний, тогда и методы экзистенциальной защиты у нас сблизятся.

Жаль только, жить в эту пору прекрасную... А до той поры и даже после любые политические действия, улучшающие материальное положение народа, но ослабляющие его экзистенциальную защиту, будут им восприняты как враждебные, а их инициаторы — как агенты какого-то чуждого влияния. Ну а если среди этих инициаторов окажется еще и повышенный процент «чужаков» — людей, использующих для своей экзистенциальной защиты какую-то иную систему иллюзий, с высоты которой иллюзии титульной нации представляются набором дурацких предрассудков, то их даже самые благие намерения неизбежно будут истолкованы как сознательная злонамеренность. Разумеется, это будет глубоко несправедливо, но люди всегда будут следовать правилу: «справедливость хорошо, а счастье (экзистенциальная защита) лучше».

Участие евреев в опасных обновлениях может сойти еврейству с рук только в том случае, если от обновлений никто не проиграет (то есть никаких обновлений не произойдет), — либо евреи станут участвовать в них на малозаметных ролях. И если первое вполне возможно, то второе невозможно уже никак: и какой же еврей не любит быстрой политической славы, укрепляющей его личную защиту.

К счастью, нынешняя борьба за честные выборы представляет собою первый случай: участие в ней наравне с нацистами не будет иметь для евреев опасных последствий именно потому, что не будет иметь последствий сама эта борьба.

Когда после нашумевших и все еще не отшумевших выборов еще вчера политически не озабоченные люди вышли на митинги, мой первый вопрос был: а где они были раньше? Почему целые годы молчали? Мешали стеснения свободы слова? Бросьте: у людей всегда есть возможность вести подрывную словесную деятельность посредством кухонных разговоров, анекдотов, слухов, сплетен, а уж возможности «протаскивать идейки» в художественной литературе сегодня поистине безграничны.

Но в последнее десятилетие я не замечал ни намека на «революцию языков» ни в застолье, ни в литературе — нигде не просвечивало никакой новой грезы, из коих только и рождаются политические движения.

А значит, у поствыборных митингов причины были не политическими, а психологическими или даже эстетическими: люди вышли защищать не образ будущего своей страны, а красивый образ самих себя, стараясь отмыться от понесенного унижения. Практического результата от перевыборов вряд ли кто-то серьезно ждал, если бы даже каким-то чудом у партии Сидорова отняли десять-двадцать-тридцать мандатов в пользу партии Петрова, поскольку как Сидоров, так и Петров люди с полной очевидностью ординарные, а чтобы бросить вызов сложившемуся равновесию, нужно быть очень храбрым человеком с командой таких же смельчаков.

Ведь вступить в реальный бой хоть с той же коррупцией означает покуситься не на такие мало кого колышущие фантомы вроде Справедливости, Конституции и т. п., но на самые шкурные интересы наиболее сильной, умной и организованной корпорации — из такой борьбы есть очень много шансов не просто выйти победенным, но и вообще не выйти живым.

Однако значит ли это, что наше дело безнадежно? И красоты нам не видать, как своего отражения в железобетонном зеркале?

Расписывая коррупцию как опаснейшее социальное зло, обычно говорят о том ущербе, который она наносит экономике. Но не случайно, я думаю, слово «коррупция» переводится не как «ущерб», а как «порча». Главный ущерб коррупция наносит не экономике, а идеальному образу страны, красоте ее облика. А следовательно, и красоте нашего облика, какими мы себя хотим видеть хотя бы в собственном воображении: трудно чувствовать красивым себя, будучи связанным судьбою с некрасивым отечеством.

Однако и любить отечество, гордиться им, считать его прекрасным только за то, что в нем низок уровень коррупции, невозможно. Мы восхищаемся и людьми, и народами, и государствами не за их чистоплотность, а за их свершения, за позитивное, а не за отсутствие негативного. И меня тревожит то, что за борьбой, точнее, за разговорами о борьбе со всевозможными национальными пороками мы почти забыли о приумножении национальных достоинств. Об исторических свершениях, ибо только долговечное создает единство народа, единство предков и потомков, и только долговечное порождает гордость за свой народ и свое государство.

Поражать воображение своих граждан великими свершениями государство не сумеет без возрождения национальной аристократии. Весь комплекс устремлений аристократического слоя и оказывается той самой национальной идеей, которая не декларируется, но осуществляется. И важнейшей составляющей нашей национальной идеи всегда было производство гениев. В этом деле евреи весь XX век шагали в ногу с русскими. Евреи-гении служат всем и сближают народы лучше всего, а евреи-лидеры политических смут, затеваемых даже с самыми благородными намерениями, в конечном счете только разобщают.

КЛИН КЛИНОМ

אי עוֹדֵה אֶזְעִיָא

אי דען עֵעֵי ייִגעעֵיאַע אַ «עֵאָעִי אַ» (2012¹ 2) פֿאַר אַן עֵיִוֵדֵאָ, אַאִ יִדִיִנֵעֵוֵן יִאָוֵאָ אַדאַסֵעֵעֵאָ, יִוֵעֵ-יִי פֿאַר אַאִוֵן אַ אַאִ אַיִ עֵעֵאָ: יִי יִוֵאָוֵן אַעֵוֵ עֵעֵי יִאָאָוֵ יִאָעֵיִאָעֵוֵאָיִ עֵ עֵאָאָאָעֵי עֵ, אַאִ אַיִ יִאָאָאָעֵיִאָעֵי עֵוֵ אַיִוֵאָוֵיִי אַאָעֵאָעֵ.

На это можно и не отвечать, потому что Клин — не совесть нации, не вождь духовного сопротивления и подавно не мыслитель, а обычный корреспондент РИА «Новости»¹, периодически звонивший мне с просьбой о комментариях по специфическим поводам. Например: правда ли, что оппозиция запретила шествие? Или: правда ли, что Ольга Романова разругалась с другими членами оргкомитета? Клина никогда не интересовали радостные новости. Ему, в полном соответствии с основными интенциями государственных СМИ, нужны были дурные известия: расколы, ссоры и вообще полная наша несостоятельность. Как явствует из его колонки, оппозиционные лидеры для него не более чем фашиствующие суслики (хомячки, видимо, уже недостаточны): фашиствующие — потому что вместе с националистами требуют честных выборов.

Что тут скажешь? Да, не очень-то это приятно обоим, когда, простите за автоцитату, «и под руку еврея ведет антисемит». Не слишком это естественная ситуация, когда на одной трибуне стоят евреи и ветераны «русских маршей». Но давайте спросим самого Клина: а когда еврей работает на откровенно репрессивное и лживое государство — приятно? Неужели среди его коллег по РИА «Новости» нет ни одного антисемита? А среди лоялистов на Поклонной они тоже отсутствовали? А когда еврей — при полном отсутствии рядом антисемитов — помогает осуществлять госпрограмму по натравливанию одной части народа на другую, это хорошо или плохо? И должен ли один еврей поддерживать другого, когда тот несет явную и, главное, вредную чушь?

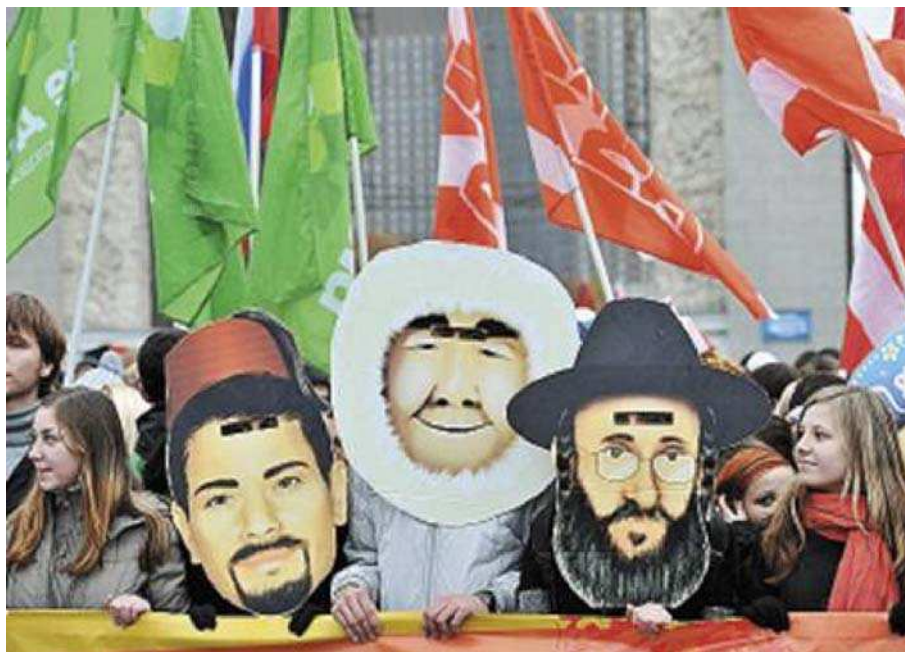
Вечный вопрос о том, какие критерии выше — родовые или идеологические, имманентные или приобретенные, — я сам для себя разрешил раз и навсегда. Все, что зиждется на философии «крови и почвы» (хотя такой философии, строго говоря, нет — есть старая дилемма «кровь или почва»), я отвергаю с той же решительностью, с какой отказываюсь дразнить рыжих, очкастых, толстых или тонких. Ставить врожденное выше приобретенного — так же архаично и глупо, как ставить фекалии выше обеда на том основании, что обед надо приобретать и готовить, а способность изготавливать фекалии дана нам от рождения. Ужасно, наверное, в этом признаваться, но с умным антисемитом мне есть о чем поговорить, а с глупым евреем — не о чем. С какой стати еврейский националист должен быть мне родней и милей русского — подавно не постигаю. Напротив, еврейский хуже, потому что от ксенофобии больше натерпелся и мог бы, кажется, не увлекаться этой опасной ересью.

Скажу больше: если антисемит высказывает здравые мысли, это не делает их менее здоровыми — таблица умножения одинакова для всех. Антисемитами были Гоголь, Вагнер, Розанов — что не мешает мне наслаждаться их сочинениями; антисемитом был Форд, что не мешает мне иногда ездить на «Форде», хотя у меня «Жигули». Антисемитизм омерзителен, но это стыдная болезнь, которая проходит; куда реже исцеляются националисты, а исцелившегося правого израильтянина вообще следовало бы выставить в музее рядом с плачущим большевиком. Все эти ребята, ждущие, когда нас тут начнут громить и мы с покаянными слезами сбежим к ним туда, до сих пор не поняли: куда угодно, хоть в пасть крокодилу, — только не к ним. Для мирового антисемитизма они делают больше, чем любой ахмадинежад. И все это — в сочетании с такой оглушительной бездарностью, что, право, начинаешь понимать Куприна с его единственным антисемитским письмом (тоже вовсе не мешающим мне считать его лучшим русским прозаиком Серебряного века).

Все это, конечно, никого не убедит. Но я и не тпущу никого убеждать — я лишь поясню свою позицию в ответ на упреки публициста, чей текст сомнителен как в этическом, так и в литературном отношении. Мысль, в которую глубоко верят, излагают без визга.

Сложнее с Александром Мелиховым (см. статью в этом номере «Лехаима»): он, в отличие от Клина, имеет заслуженную репутацию мыслителя и к тому же не работает в РИА «Новости». Это дает основание полемизировать с ним вполне уважительно, да и статья его написана в куда более сдержанном тоне. Идея Мелихова соотносится с пафосом Клина примерно как умозрительный, культурологический

(хотя нередко и физиологический, увы) антисемитизм Розанова с книгой Шульгина «Что нам в них не нравится». Обоих не переубедишь, но с Розановым говорить приятней. Мелихов развивает в статье любимую идею: каждая нация живет мифом, без мифа или гипноза вообще ничего не сделаешь, а еврейский миф несовместим с русским, и лучше «нам» не лезть в «их» дела, чтобы нас потом не сделали крайними, а то есть у них такая манера.

Ó: añò í eèè ñàí eòèí í eòí ñàí í í e à eò eè «Dùíí eèè í àð», í ðàí eçí ñàí í í e à eè eè í eè «Í à eè» à Ááí ü í à ðí í í ñ à eè í ñ o ñ à í à ò à ð e ò í ð eè Á Á Ö.

4 í í y ä y 2011 ñ ä ä

Что есть, то есть: мне самому приходилось писать о том, что евреи много чего понаделали за русских («Двести лет вместо»), именно потому, что русские по каким-то своим причинам от этого воздержались. Они вообще любят, чтобы за них был виноват кто-нибудь другой. Путина, например, они избирают потому же и Сталина обожествляли по той же немудреной причине. Пускай кто-то за нас решает, пусть даже нас при этом и гнобит, а то и истребляет напрямую, — а мы делегируем ему все права, чтобы потом его же и обвинить. Сталин, Путин и евреи виноваты во всем именно потому, что сами русские получают как бы ни при чем.

Возможно, в таком делегировании власти виден след варяжского либо монгольского ига, возможно, тут тонкая черта национального характера, для которого творчество или земледелие важней самоуправления (только не надо говорить, что вас все время захватывают: воевать русские умеют). Как бы то ни было, евреи действительно сделали для России много такого, чего лучше было бы не делать: может, это не было по-настоящему нужно, а может, в самом деле не надо лезть со своим клопочущим темпераментом в чужие медленные, равнинные дела. (Увы, такая же мысль меня нередко посещает при виде Маргариты Симоньян или Тины Канделаки: обе, конечно, большие интернационалистки, но иногда мне кажется, что толерантность нужна им исключительно для создания оптимальной среды, в которой ничто не мешало бы их моветонной, крикливой, чаще всего неталантливой агрессии. Не считите за разжигание — хотя кто захочет, все равно сочтет; скорей тут речь о соотношении Севера с Югом, да и за разжигание толерантности я бы тоже штрафовал. Такое уже терпим, что ни в какие ворота.)

Но как бы то ни было — наивысшие достижения России связаны не с взаимной изоляцией, а с взаимодействием ее народов; не с пестованием отдельных нациокультурных мифов, а с их синтезом. Заметим, что в семидесятых либералы-западники и националисты-русофилы были в одной лодке, и полемика Сахарова и Солженицына не мешала им вместе требовать соблюдения советской Конституции. Больше того — самые прочувствованные и глубокие мемуары о западнике Снявском оставил почвенник Бородин: они сидели в одном мордовском лагере, но можно ведь и вне лагеря понимать друг друга. Национальные мифы — славная вещь, но история подсказывает, что в изоляции они вырождаются; интересны не их конфликты, а их контакты.

Кстати, если на то пошло, русский миф не так уж отличается от еврейского: и тот и другой по природе своей космополитичны. Россия — нация имперская, абсорбирующая всех, потому что сам русский образ жизни заставляет гостей меняться, приспосабливаться, соблюдать своего рода русскую шахаду: тут нельзя не пить, не давать взятки, тут сдохнешь без прагматических, высоких стимулов (сам климат не располагает вылезать из-под одеяла, а начальство таково, что работать по-настоящему могут только фанатики). Словом, Россия никогда не предназначалась только для русских: она переваривает, перемалывает и делает русскими всех (в особенности евреев с их переимчивостью). Что до еврейского мифа — именно растворенность в мировой культуре делает его поистине бессмертным. Израиль представляется мне уходом от этой всемирности, шагом назад, — и потому его выбирают те, кому архаика милей модерна, те, для кого ситуация имманентности комфортней конкурентности. В конце концов, рассеяние — светлое будущее (да частично и настоящее) каждой нации, и евреи тут были всего лишь впереди планеты всей.

Разумеется, индивидуализм евреев и общинность русских, еврейская предприимчивость и русская основательность, еврейский культ взаимопомощи и русское почти демонстративное безразличие к судьбе своих в самом деле сочетаются трудно; однако ведь и мужское с женским сочетаются трудно, но как-то договариваемся. Самым опасным мифом может стать изоляционизм, неучастие в делах друг друга. Мы живем на одной земле, дышим одним воздухом, и жить нам вместе, несмотря на все путинские и володинские попытки натравить одну часть народа на другую, разжигая самую настоящую, а не выдуманную гражданскую войну. Истинное-то противоречие в России — не между евреями и русскими, с этим антагонизмом давно покончено, а между людьми XV и XXI веков. Вот где проблема, и нечего отвлекать народ на лишние дискуссии.

И если Борис Клинт — что скрывать, не самый приятный для меня современник — вдруг потребует соблюдения гражданских свобод или попросту выйдет на очередной митинг — я и это стерплю и, более того, обрадуюсь. У свободы, как и у Б-га, лишних нет.

1. От редакции: Борис Клинт является специальным корреспондентом ИТАР-ТАСС.

НЕБЫВШИЙ БЫВШИЙ

נְאִי יְיָ אֵלֵינוּ

*אֵלֵינוּ, אֵלֵינוּ יִנְעַלְעֵלָא «נְיֹוֹא» יָא אֵלֵינוּ. נֹיֵעֵל דַּע רְעִוְאֵי יוֹב וְדַחֵי, יִי
עֵעֵוִי מֵעֵ-אִי יִיֵיֵ, וְדִי אַאֵ יִיָּא יִיָּא-אֵוֹ. צִרְעִי אֵיִי דִאִי אֹדְעֵאֵ, וְדִי אֵעֵא-יֵאֵעֵא עִי אֵיֵאֵוִי
מֵאֵוִי עֵרֵאֵ. יָא עֵעֵב-וִי אֵוֹדְעֵוִי וְ, עַד אֵוִוֹא נֹאֹדְעֵוִי עֵעֵ עֵ יֵאֵאֵוִי דְעֵוִי, אֵ מֵי וְ-וִי יֵ
יָא אֵוִוִי אֵעֵאֵוִי*

Потом, через несколько лет, встретишь их на рынке или на набережной. Кого-то хочется поприветствовать, при встрече с другими стыдливо отводишь глаза. Ты заходишь в Facebook и вдруг видишь их лица. Ты не можешь стереть из памяти их голоса. Большинство из них давно забыли тебя. Другие до сих пор проклинаят. И лишь один из тысячи может сказать тебе спасибо. Для всех них ты — та точка отсчета, после которой жизнь изменилась до неузнаваемости, и никогда уже не будет такой, какой была прежде.

Морально ли это — убеждать людей бросить все, что у них есть, и переселиться в другую страну?

Морально ли уговаривать мать отправить единственного сына за тридевять земель сначала учиться, а потом надеть форму?

Морально ли доказывать людям, что если не им, то хотя бы их детям там будет лучше?

Морально ли дать людям шанс изменить свою судьбу, сделать осознанный выбор? Осознанный ли? Нет звонка другу, нет помощи зала, нет правильных или неправильных ответов. Как хорошо тем, у кого сонливая совесть. Пока она спит, ты просто живешь, получаешь хорошее жалованье, откладывая заветную денежку. С тебя взятки гладки, ты — винтик, часть системы, ни за что не отвечаешь.

Все, что ты знал, или думал, что знаешь, не стоит ничего. Ты поймешь это, когда первый раз сядешь лицом к лицу с родителями, которые отправляют в Израиль свою дочь. Их единственную девочку, с чистыми голубыми глазами, скромно одетую. Они хотят спасти ее от водки и героина, от пьяных подростков у входа в подъезд, от похотливых одноклассников, спешащих пополнить ряды заключенных местной колонии. От безысходности. Они сидят напротив тебя и спрашивают: «Правда же нашей девочке в Израиле будет лучше? Правда у вас ее никто пальцем не тронет?» Правда?

Ты был уверен, что отрывать детей от родителей — негуманно. Ты думал, что все эти программы были хороши для начала 1990-х, но сейчас ни один нормальный еврейский родитель ни за что на свете не отдаст своего ребенка. И вот ты там, на очередном семинаре. Беседуешь с хорошим еврейским мальчиком и его мамой, тоже вполне еврейской. Просто жизнь ее прошла в этом Б-гом забытом месте. Потом мальчик уходит, и ты все еще общаешься с мамой. И тебе становится страшно. За мальчика. Забрать его и поскорее увезти отсюда! И пусть впереди три года интерната, а затем казарма. Пусть работа по ночам за минимальную плату и студенческая жизнь впроголодь. Что бы ни случилось с ним там, в Израиле, это все равно будет лучше того, что ждет этого мальчика здесь.

Те, что живут в Москве, давно избалованы. Их, толстокожих, ничем не проймешь. А всего час лета от Москвы — и другая планета. Там смотрят тебе в рот. Там ты всё. И посол, и президент, и Верховный главнокомандующий, и верховный судья. И Министерство абсорбции, и Институт национального страхования. Там ты — Израиль, и другого Израила там нет. Ты готов отвечать за весь Израиль?

Ты звонишь им, зазывая потратить свой вечер на общение с очередным выскочкой из Израила, мягко и ненадолго приземлившимся в министерское кресло. Ты убеждаешь их, что от этого человека в конечном счете зависит их будущая жизнь в Израиле. Или жизнь их детей. И они приходят. Не потому, что им интересно, а потому, что поверили тебе. И вот он появляется. Раздосадованный, что между московскими ресторанами и шопингом все же приходится уделить время работе. Публика здесь не чета израильской. В Израиле таких, как он, рвут на части с первого слова. Эти же внимательно слушают, стараются уловить хоть какой-то смысл в пустых лозунгах и суперлативах. Ладно, отбарабанил свое, поставил галочку, иди себе с Б-гом, билеты на престижный концерт тебе заранее прикупили. Нет же, ему нейдет — вопросы из зала. И

встают люди. И задают вопросы тому, от кого в итоге зависит их будущая жизнь в Израиле. И все видят — перед ними пустышка, который не знает ничего. Выскочка, которому абсолютно плевать на всех этих людей. Через какое-то время он перескочит в другое министерское кресло, более престижное, сулящее электоральные дивиденды.

Люди в зале не смотрят на него. Они не понимают языка, на котором он говорит. Они глядят на тебя, который, сгорая от стыда, переводит им всю эту бессмыслицу. Чего тебе хочется больше: провалиться сквозь землю или дать в морду этому холеному прощельге? Не за себя, что вдруг окунулся по уши в дерьмо, а за этих людей, которых он обманул и которые никогда уже не поверят никому, кто заговорит с ними от имени Государства Израиль. Ты отыскиваешь в зале своих коллег, но их лица немы. Они хорошо знают, как выживают в системе.

Вскоре ты привыкнешь к тому, что при любой ситуации ты — всегда крайний. И как крайнего тебя обязательно выставят на передний край. Нет, на фуршетах и торжественных церемониях тебя попросят подвинуться, уступая престижные места важным гостям из Иерусалима. А вот когда надо сообщить матери, что ее сын вот уже неделю как пропал и полиция не может его найти, — на это ты в самый раз. Старшим товарищам из Иерусалима неудобно дозваниваться в провинциальные российские города. На самом деле ты везунчик — ведь это не на твою долю выпало сообщать родителям, что мальчика, которого они отправили в Израиль заканчивать школу, забили до смерти в пьяной драке на русском концерте.

Ты часто думаешь о них. О том парне с падающими штанами, что в последний момент вдруг заявил: не поеду, если в центре абсорбции не будет кружка хип-хопа. И ты сидел на телефоне и кропотливо обзванивал всех, кого только можно, убеждая, что судьба еврейского мальчика напрямую зависит от танцев хип-хопа. Где он сейчас, танцует ли? Или того мальчонку из маленького жуткого города, что ты не смог отстоять... Мальчонка, потому что в свои четырнадцать он выглядел от силы на десять. Психологи испугались, что в стрессовой ситуации парень может наложить на себя руки. Наверное, они были правы. Что можно ожидать от подростка, которого ребенком бросила мать, а отец пашет на двух работах, чтобы поставить на ноги сына. Его воспитывает бабушка. И каждый день избивает. Не дает подзатыльника, а избивает. Папа хотел отправить сына в Израиль, но мальчонка сразу же выпалил все психологам на собеседовании. И психологи испугались. Они тоже не хотели быть крайними. Где ты сейчас, мальчик?

Лица, имена, телефоны. Звонки отцу и деду парня, чей сын несколько лет назад погиб в Газе. «Обязательно приезжайте в Москву на встречу с премьер-министром. Глава правительства хочет встретиться со всеми родителями, чьи дети погибли в израильской армии». Они верили тебе и приехали. «Спасибо, встреча была очень трогательная. Мы, кстати, сфотографировались с премьер-министром, фотографию нам обещали прислать». Но фотографию не прислали. И они звонят тебе. А кому им еще

звонить, для них ведь ты тоже крайний. И ты пишешь в Иерусалим. Потом снова. И снова. А потом, не выдержав, орешь в трубку: «Где фотография, суки, где?!» А в ответ тишина...

Тебе часто пишут. Просят помочь. Не потому, что ты всемогущий. Ты не казался им всемогущим даже там, в своем душном кабинете в полуразвалившемся здании детского сада. Им просто особо не к кому обратиться, они ведь в Израиле одни. Просят помочь с работой. Ты отправляешь их резюме, вроде как в Израиле еще кто-то тебя помнит. Ответа нет. Вылавливаешь в Facebook. «Ну что?» — «Да нет, все нормально, но — слишком мало лет в стране». Ух ты!.. А сколько немало? Ну правда, сколько нужно прожить в стране, чтобы к тебе стали относиться, как к человеку?

Бывших посланников «Сохнута» не бывает.

Конечно, если у тебя не сонливая совесть и тебе важно честно смотреть людям в глаза.

раздела Польши, Петербургский остался в Белостоке, где — вплоть до своего бегства в Аргентину десять лет спустя — возглавлял Белорусский республиканский джаз-оркестр. В 1967 году Петербургский, отработав восемнадцать лет капельмейстером в Teatro El Nacional в городе Борхеса и Пьяццоллы, возвращается в Варшаву и начинает новую жизнь, которая оказалась достаточно длинной, чтобы автор мог окончательно убедиться в бессмертности своих мелодий.

Иосиф Соломонович Израилевич, русский поэт, писавший под псевдонимом Альвек, подрабатывал сочинением эстрадных текстов. В 1937 году он сочинил новый текст для польского танго «Последнее воскресенье», сюжет которого сообщал слушателям о последней встрече юноши с девушкой: они встречались по воскресеньям, и вот настал момент расставания без любви... В результате Альвек уложился в десять строк, что почти в четыре раза меньше изначального текста. И эта краткость производит сильное впечатление, повышает поэтический градус. При некотором маньеризме — манерной томности интонации, встречающей признание, сделанное «без тоски, без печали», — образ заходящего в море солнца задает масштаб чувства, скрытого, сдержанного и более напряженного. Усталое, но тем не менее раскаленное солнце любви опускается в бескрайнее бесстрастное море равнодушия, прохладная пустая ночь занимает место заката, истлевшего прекрасного чувства. Так о чем же песня? О гибели чувства? О роковой страсти? Нет, герой не станет злиться, не будет охвачен мстительным чувством. Но важно вспомнить, что, при всей смиренности содержания песни, перед нами танго. И это настораживает, ибо танго всегда угроза.

Известно, что изначальное танго — кинжальный танец двух мужчин, остросюжетная метафора, эвфемизм кровавого поединка. По крайней мере, так мне объясняла танцовщица на Итальянской площади Буэнос-Айреса, только что растерзавшая вместе со своим партнером картонную подстилку под стоны «Либертанго». Танго представляется мне таким мелодико-телесным тоннелем от страсти к смерти. Бьющаяся и льющаяся на крохотном пяточке пара все теснее в своих пассах, в языке своих тел, на деле — затачивающихся друг о друга лезвий, все крепче и яростней сближает эти две экзистенциальные грани. В концентрационном лагере «Яновский» подо Львовом во время казней и истязаний играла музыка. Заключенные-оркестранты играли одну и ту же мелодию танго безымянного автора... Все дело в ритмической основе, попадающей, несомненно, в глубинные области восприятия, — грубо говоря, возбуждающей определенные структуры мозга, ответственные за реакции горячего сплава души и тела.

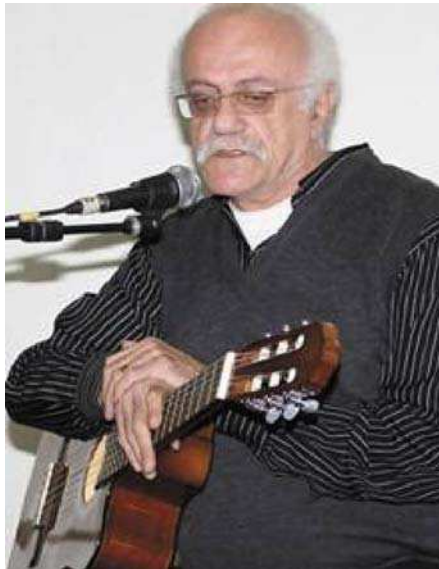
Вообще, нейробиологическая природа музыкальной перцепции — тайна за семью печатями, несмотря на все множество впечатляющих монографий по этой теме. Я бы всерьез обратил внимание, например, на участок мозга, реагирующий наибольшим образом при звуке шофара. У меня есть гипотеза, что реакция нейронов на этот звук должна как-то отличаться от реагирования на звук валторны, рожка, тромбона...

Но вернемся к «Утомленному солнцу» и к Альвеку, чья личность заслуживает внимания благодаря, по крайней мере, одному неординарному поступку. Знаем мы о нем волею Варлама Шаламова, оставившего в своих мемуарах о 1920-х годах описание любопытной сценки. Альвек был настоящим рыцарем поэзии, яростно защищавшим Велимира Хлебникова, всесильного футуриста и главного юридического русской литературы. Маяковский формулировал мысль о предельной элитарности творческого наследия Хлебникова: «поэт для поэтов». Практика показывает, что на деле, конечно, такие дефиниции относятся к категории «уничуждение паче гордости». Всегда есть разность потенциала между усилиями авангарда, обращенными узким конусом в глубь языка, и стихами, распространяющимися в обширных слоях. Председатель Земного Шара работал именно на будущее языка. Маяковский тоже не остался у языка и времени в долгу, но был существенно менее последователен в своем упорстве. Рассеяла его импульс непреклонная слава или нет — иной вопрос. Хлебников тоже не мог пожаловаться на отсутствие легендарности в биографии. Нищего и оборванного, однажды его отказались принять за самого себя футуристы Харькова. Его объявили самозванцем и призвали для опознания в этом косматом босяке лидера футуристов кого-то из лично лицезревших Хлебникова энтузиастов русского футуризма.

Так вот, Альвек, пишет Шаламов, считал себя душеприказчиком Хлебникова и был публикатором некоторых его стихов. Однажды на выступлении Маяковского он публично обвинил автора «Облака в штанах» в плагиате. Маяковский со сцены вынужден был объяснить, что Альвек — автор инвективной брошюры, памфлета «Нахлебники Хлебникова», где среди прочих имен (например, Асеева) порочится и имя будущего «лучшего поэта эпохи». Как водится на литературных вечерах, дело закончилось мордобоем. Следует сказать, что Хлебников сам, будучи перед смертью истощен физически и душевно, испытывал чувство преследования и связывал его с Маяковским, который, со слов спутника последних дней Предземшара, Петра Митурича, увел у него охапку черновики. (На деле черновики были переданы Роману Якобсону.)

Так что же особенно волнует в «Утомленном солнце»? Феномен подобных мелодий всерьез заставляет задуматься о природе музыки как таковой. О тайне мелоса, о том, почему музыка взаимодействует с душой, и где смысл в музыке. Как рождается смысл в стихах? Бродский, ритмически виртуозно отразивший танго в стихотворении «Мексика. 1867 г. Революция», навсегда запечатлел свой голос в стихах, в просодических шедеврах русского языка: не сложно заметить, что стихи Бродского лучше всего читаются его собственным голосом. Стихи Альвека находятся примерно в том же «химическом» отношении с мелодией, что и голос Бродского со стихами. Как бы там ни было, но время подвластно только языку и музыке, их сложному сплаву.

Он поделился бедою своей
И попросил, чтобы я у Творца
Вымолил сына — утеху отца.
Помню, я долго молился — и вот
Вижу, что сын Арье-Лейба — живет».
«Где же хваленая мудрость твоя?
Птичкой порхнула в чужие края?
Ребе, молитвы свои бормоча,
Вымолил ты для себя палача!»
«Знал я об этом, — ответил старик, —
Делать, что должно, я в жизни привык.
Жертвою стать или стать палачом —
Каждый решает — а я ни при чем».
Лампа, наган да исчерканный лист.
Долго смотрел на раввина чекист.
Черная куртка, звезда на груди...
Дверь отворил и сказал: «Уходи...»
Что там за точка средь белых равнин?
Улицей снежной проходит равнин.
То ль под ногами, то ль над головой
Крутится, вертится шар голубой...⁴

Ááí éyèù Èéóáá ñáé-áñ áóááò í'áò ú «Óáñ éñééé ááéùñ»

Замечание крохобора: отворить дверь, слетевшую с петель, затруднительно.

В 1919 году орденом Красного Знамени («звездой на груди») награждены были немногие, по пальцам перечесть: надо было иметь какие-то чрезвычайные заслуги. Автор придает герою особый статус. Если не считать, конечно, что дело только в рифме, — это предположение мы с негодованием отвергаем.

Даниэль Клугер говорит (точнее, пишет): «Эта история случилась с Любавичским Ребе Иосифом-Ицхаком»⁵. В воспоминаниях Ребе история с молитвой рассказана гэпэушником — Ребе не подвергает ее сомнению, но никак и не подтверждает. Вопрос о ее правдивости остается открытым. В «Хасидском вальсе» та же история рассказана раввином, свидетельствующим таким образом о ее подлинности.

Даниэль Клугер переносит действие в другое время и в другое место, персонажи другие, контекст другой, конец другой. Убирает персонажей второго плана, оставляя лишь двух антагонистов, от чего они как бы вырастают, становятся символическими фигурами. Суровый местечковый чекист — символ революции с ее атрибутами: кожаная куртка, звезда, наган, расстрельный лист; ребе — символ старого, со «Шма Исраэль», обреченного уничтожению мира. Время года художественно инвертировано: Ребе был арестован летом — здесь зима. Метель революции. Метафизическая метель. Аллюзия на Блока.

У Даниэля Клугера Гражданская война — в чистом виде внутриеврейская, парадоксальным образом границы местечка расширяются вдруг до земного шара, конфликт антагонистов становится всемирной драмой.

Сюжет баллады исторически неправдоподобен: в 1919-м чекисты по местечкам раввинов не отстреливали — других дел хватало. Какой-нибудь богунец или тарашанец наколоть на штык — да, мог, но только по пьяни, с гусем под мышкой, без специального расстрельного листа и марксистского базиса.

В рассказе Нахмансона рождению своему чекист обязан не Ребе, а его отцу — Шолому-Дов-Беру, пятому Любавичскому Ребе. Но ведь Даниэль Клугер пишет не оперативный отчет о происшествии в местечке. Историческая скрупулезность в таких случаях необязательна.

Интересно вот что, и это гораздо важнее исторических несовпадений: сохраняя моральную коллизию первоисточника, Даниэль Клугер разрешает ее по-иному — не так, как было, а как должно было бы быть. Сясным и однозначным, не требующим интерпретации смыслом (моралью), в готовом виде предлагаемом читателю (слушателю). С победой добра над злом здесь и сейчас. Пишет своего рода икону. Слово праведника достигает сердца грешника — тот (в отличие от Нахмансона с Луловым) моментально раскаивается, не берет грех на душу, совершает тшуву — кто бы мог ожидать?

*Â Ĩ ĩñää ĩ ðřæääää äéĭĭ äéĭ éä
 Ĩ ä Ñðäáí éä, ä äĭ ĩ ä öäñ ò ĩ,
 Äüëä öĭðř öä, éäé éäððéĭ éä,
 È ĩ äæĭ äÿ ĩ: äĭ ü ĩ ðë ò ĩ.
 Äö! Èððëèòĭÿ, ääðëèòĭÿ öäðð äĕéäĭ é,
 Èððëèòĭÿ, ääðëèòĭÿ ĩ ää äĕĭ äĭ é,
 Èððëèòĭÿ, ääðëèòĭÿ, öĭ: äò öĭ äĭð ü
 Èäääéäð ääðü öĭ ð öĭ: äò öéðäñ ü
 Öäééö ĩ ðäĭ ĭ ðř öäĭ ü ééö ðö: äé
 Ĩ ä äéääé ĩ ä ñäö ä ĩ ééò ĩ.
 Öĭ äéé é ĩ äé éäðÿ äĭ é ĩ ĩðö: éé
 Ä ĩ äðÿ äĭ ĩ é ñäö é ĩ ĩ äéĭ ö ĩ.
 Äö! Äää ÿ ä öééöä, äää ÿ ö ĩ ò äĭ ĩ ?
 Äää ÿ ä ääðü öĭ ÿ, ÷ ö ĩ ÿ äĕ ð äé, ĩ ?
 Äĭ ò ÿ ä öééöä, äĭ ò ÿ ö ĩ ò äĭ ĩ,
 Äĭ ò ÿ ä ääðü öĭ ÿ, ÷ ö ĩ ÿ äĕ ð äé äĭ.*

И далее в том же духе. Не шар, но шарф. Про шарф и про барышню — это такой переменный припев. Прилипчивая — хожу и бормочу: таких прехорошеньких ручек. И «ах!» мне тоже очень нравится. Важные вещи моментально улечиваются, а всякая ерунда застревает в памяти.

А вот еврейский текст (без шара и шарфа):

*Äö èç äĭñ äĭñ ää, äö èç äé öðéä?
 Äö èç äĭñ ĩ äéäää, ääĭ äĭ ö' ĩ ä äéä?
 Ĩ ò èç äĭñ äĭñ ää, ĩ ò èç äé öðéä,
 Ĩ ò èç äĭñ ĩ äéäää, ääĭ äĭ ö' ĩ ä äéä
 Äö èç äĭñ ö äéöää, äö èç äé ĩ éé?
 Äö èç äĭñ ääðö ää, äö èç äé öéé?
 Ĩ ò èç äĭñ ö äéöää, ĩ ò èç äé ĩ éé,
 Ĩ ò èç äĭñ ääðö ää, ĩ ò èç äé öéé.
 Äðäéĭ éĭ äé öðéä ää,
 ĩ äéĭ äéö ĩ ä èç äĭñ äĭñ*

Àëö èç ããèèáí à õíèáì ííð áéíéç

*Í èø òí ì áð áññ ãññéá,
í èø òí ì áð àè øòéá,*

*Í èø òí ì áð áññ ì áéááéá,
áññ áí õ'ííá èèá*

А вот не претендующий на художественные достоинства подстрочник:

Ããã ÿòà óéí-éà, ããã ÿòí ò áññ ?

Ããã ÿòà áããóéá, éí ò í ðð ÿ éðáéð?

Ãí ò ÿòà óéí-éà, áññ ÿòí ò áññ .

Ãí ò ÿòà áããóéá, éí ò í ðð ÿ éðáéð.

Ããã ÿòà ðá-óøéá, ããã ÿòà ì áéññ éøá?

Ããã ÿòà áããááóéá, ããã ÿòà ñéí áããá?

Ãí ò ÿòà ðá-óøéá, áññ ÿòà ì áéññ éøá

Ãí ò ÿòà áããááóéá, áññ ÿòà ñéí áããá

Ãõíæó ÿ á ÿòí ò áññ — ãðá ã ðñéíá! —

Ãññ ò áññ áðñ ò í éññéí ññí.

*Í áð áí éññóá ÿòí é óéí-éè,
í áð áí éññóá ÿòí áññ áññ ì*

*Í áð áí éññóá ÿòí é áããóéé,
éí ò í ðð ÿ éðáéð.*

Что там такое стряслось? почему ничего не осталось? куда подевалось? с какой стати? — остается только гадать. Вариант сестер Берри, возвративших песне статус шлягера, открывает глаза на детали любовной драмы. Песня поется, естественно, от лица девушки, но никакого трибадизма, как вам могло прийти в голову? Бедняжка входит в этот самый дом и — горе мне! — видит на коленях у милого (ингеле) другую девушку. Кому бы такое понравилось? Потому что прежде, чем войти, надо постучать и дождаться «войдите». А предварительно позвонить? Ума не хватило? Но она, видно, совсем ополоумела от любви.

гораздо красивее, и гости не задают осторожных вопросов, а просто полагают, что они у нас такие застенчивые ребята. Но самое-то главное: в процедуре всегда участвуют одни и те же десять шекелей! Дети, что вы тут делаете? Вы же уже легли! В течение нескольких секунд застуканный отец чувствует себя неловко, потому что его рука явно шурует где-то в области Даниных гениталий. Но дети, кажется, ничего такого не замечают, и неразменная монетка опять возвращается в родительский кошелек. Дети, если вы заснете в течение следующих пяти минут, вы получите что? Десять шекелей. Дети с визгом несутся в спальню. В опустевшей гостиной злые родители тихо катаются на Дане и сдвоенно хохочут.

Трюк в том, что дети — не идиоты; дети, может, и понимают, как устроена тайна Даниной промежности. Но израильская реальность держится на важном договоре: ты не мешаешь мне жить в моей реальности, я не мешаю тебе жить в твоей. Вот по иерусалимскому рынку Махане-Йеуда, среди орущих торговцев, взмыленных американских фотографов и разбухших от чувства собственного достоинства голубей, увековеченных Меиром Шалевом, ходит человек в довольно увесистой золотой короне, велосипедных шортах, полосатой рубашке и модных очках. Он — Король халвы, он клянется, что у него в лавке есть сто четыре сорта халвы. В лавочке обнаруживается двадцать голов халвы: совершенно разных, невыносимо соблазнительных, но все-таки двадцать. Толстая недовольная полька, только что страшными словами оравшая на торговца кугелем, что это такой же кугель, как она — Юлиан Тувим, теперь требует от Короля халвы объяснить ей, где тут сто четыре сорта. «Маменька, — говорит Король халвы, — так ведь она же кубиками — одна халва, крошкой — другая халва, с куска кусать — третья халва». «Это шестьдесят», — строго подсчитывает пожилая полька, в реальности (в какой-то реальности) профессор филологии на кафедре истории идиша в Иерусалимском университете. «С медом — четыре, с шоколадным соусом — пять», — невозмутимо говорит Король халвы. «Это только сто», — недовольно возражает профессорша. «А четыре я лично для себя берегу», — с достоинством подытоживает Король халвы. Хлоп! — тема закрыта, вопросов нет.

И правильно — израильтянину ничего нельзя доказать, если он сам этого не захочет: у него израильская изобретательность, и в его личной реальности причинно-следственные связи могут быть устроены совсем не так, как в твоей. Вот в Тель-Авиве на богемной улице Шенкин крошечного роста рыжеволосая красавица на крайних сроках беременности выбирает себе свадебное платье. Вокруг нее бегают мама, сестра, лучшая подруга и продавщица уникальной разновидности, встречающейся только в Израиле: она не камелопард Даня, деньги для нее — тьфу, она хочет, чтобы покупателю было счастье. Особенно, понятно, чтобы было счастье невесте на сносях. Ей все хотят счастья, этой невесте, потому что с ее интересным характером счастье бы ей очень, очень пригодилось. Невеста рыдает, отбрасывая платье одно за другим. Платья падают на пол с каменным стуком. «Я в этом толстая! — кричит невеста. — Я в этом толстая!..»

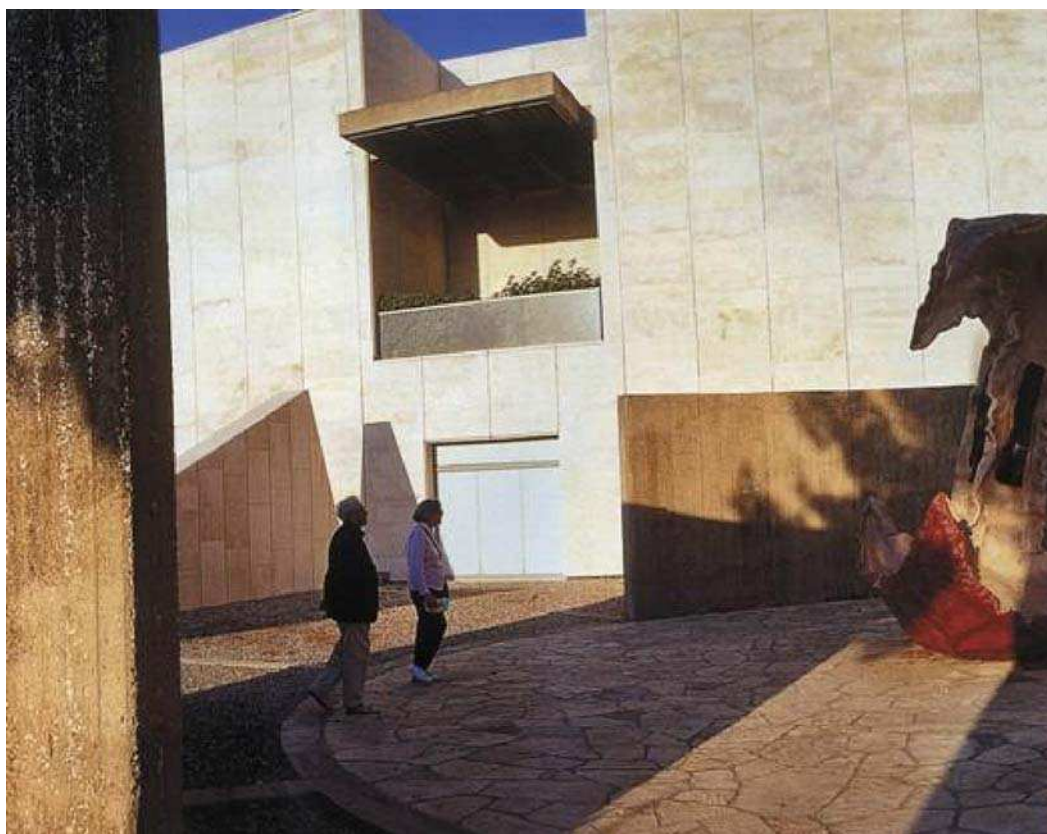
При этом никакая изобретательность в мире не умеет эксплуатировать реальность так, как это делает израильская изобретательность. Каждый гвоздь идет в дело, каждое лыко — в строку. Приходишь на ежегодный фестиваль в Хуцот а-йоцер — уникальное иерусалимское пространство, заполненное художественными магазинами и мастерскими. Каждый год ты на этот фестиваль приходишь, и каждый год там стоит у самого входа чувак, торгующий хлипкими деревянными дудочками. Дудочки умеют издавать довольно невзрачное чириканье. Каждый год ты приходишь, и каждый год там есть эти дудочки, и каждый

год они стоят три шекеля. И в этом году приходишь — есть дудочки! И табличка: «Twitter — 15 shekels». И толпа стоит, заводит себе твиттер.

Или, скажем, ездит вечерами по Кфар-Сабе мужик с отличным таким велосипедом, явно собранным из трупов других велосипедов и одушевленным этого самого мужика горячим любящим дыханием. Вместо руля — еще одна пара педалей. Сначала ты думаешь, что это для красоты. А потом мужик доезжает до фонаря — и видишь, что на этом руле черная собачка сидит и тоже лапками педали крутит. И не знаешь даже, что сказать. И думаешь: «Где-то у мужика в спине точно есть дырка, куда собачка пять шекелей бросает перед выходом из дома. Или десять».

Или, например, видишь на блошином рынке в старом Яффо группу рачительных американских туристов, осторожно заглядывающих в сложенную из фанеры лавочку, тускло поблескивающую чьими-то заблудившимися сокровищами. «У нас потрясающие цены, потрясающие! — с нажимом клянется зазывала. — Знаете, какие у нас цены? От одного шекеля!» «От одного шекеля?» — ахают туристы. «Да, от одного шекеля!» — «А что есть за шекель?» — «За шекель все кончилось». Не думала же ты, реальность, что сможешь укутить израильского изобретателя за язык? Нет, она не думала. Она уже давно не знает, что думать. Она смирилась.

Если бы не израильская изобретательность, израильские отношения с реальностью очень походили бы на русский «авось». Израильяне привыкли быть готовыми ко всему и по мелочам не парятся. Однако русский «авось» предполагает, что кривая сама как-нибудь вывезет тебя из очередной переделки, а израильский «авось» — деятельный: он не ищет решений, зато ищет способ расцветить эту самую кривую. Украсить ее каким-нибудь бантиком.

Вот через шоссе у больницы «Левинсон» в Раанане переезжают две инвалидные коляски, в каждой сидит огромный суровый человек начальственного вида. На обоих начальственных людях веселенькие больничные ночные рубашки, завязанные на спине веревочками. Кроме рубашек — носки и кроссовки. Больше ничего. Весело болтаются из стороны в сторону притороченные к креслам капельницы. Под полное эмоций бибиканье водителей непреклонные пациенты в колясках продолжают свой путь: они едут на другую сторону шоссе за шоколадками. Следом за ними, лавируя среди машин, несутся длинными прыжками три санитары: «Йони! Эли! Йони, №;»;%;%!» Переглянувшись, оба колясочника останавливаются. Оба они — генералы ВВС, они не привыкли, чтобы младшие по званию так себя вели. Они дают санитарам сократить дистанцию. Один генерал берет за руку белого от ужаса и сияющего от пота санитаря и ласково говорит ему: «Орен, не надо так быстро бегать. Тебе вредно так быстро бегать. У меня

же вот тут (легонько хлопает себя по левой стороне груди) кардиостимулятор. Ты купи себе какой-нибудь пульт от старого телевизора и принеси мне, у меня племянник в МАМРАМе², он тебе его за две минуты перепаяет. Если я тебе нужен, ты только кнопку нажми — и у меня вот здесь сразу тук-тук-тук, тук-тук-тук. Не бегай по жаре, Орен, — ты еще, чего доброго, в больницу попадешь». После этого генералы разворачиваются и продолжают свой непреклонный путь к шоколадкам. Сияет солнце, гудят автомобили, и если Орен продолжит вот так стоять посреди трассы с разинутым ртом, он попадет в больницу гораздо раньше, чем генералы вернуться.

Но одна из главных вещей, которую обеспечивает жителям Израиля их отдельная, ни на что не похожая изобретательность, — это постоянное чувство изумления результатом; изумления реальностью, которую эта изобретательность в конце концов создает. В одной очень известной маленькой лавочке на улице Бен-Йеуда в Иерусалиме продаются копии старых израильских плакатов, в том числе — совсем старых, послевоенных. В качестве рекурсивной рекламы всего заведения на двери висит плакат конца пятидесятих годов, ласково зазывающий туриста посетить Эрец-Исраэль: все ее удивительные города, молоко и мед, горы и пустыни, красавицы с винтовками, пальмы с финиками, верблюды с такими настороженными мордами, как будто к ним только что подступались, размахивая десятью шекелями, особенно страстные дети. Словом, богата израильская фауна. На переднем плане — крупный гордый израильский еврей в профиль указывает длинным пальцем бывшего варшавского пианиста, а ныне вольного кибуцника на большую карту Ближнего Востока. И вот в жесте и взгляде этого еврея есть, хоть убей, что-то совершенно ошеломленное. Что-то такое, отчего зрителю сразу становится понятно: стоит он перед этой картой, недоверчиво дотрагивается пальцем до того места, где уже десять лет как существует молодое ивритоязычное государство, и тихо, потрясенно шепчет: ««№;%»№;!..» И немедленно вспоминаешь сумасшедшего гениального программиста, с которым тебе довелось работать в далекой юности, когда трава была зеленее, самооценка выше, а парсеры изящнее. В четыре часа утра, в лаборатории, заваленной огрызками пищи, этот программист смотрел на работающий кусок кода и шептал: «Это сделал я!.. Это сделал я!..»

Говорят, позже он служил в МАМРАМе, а еще позже женился на очень красивой рыжей девочке, а сейчас работает в каком-то загадочном военном ящике и пишет научную фантастику.

1. Камелopard — упоминающееся во Второзаконии животное, о природной сущности которого идет много интересных споров.

2. «Компьютерные войска» в израильской армии.

*À èçäòæþòää «Èíæíèèè» ãòíæòíý äíðí ñíðíèèä Èèíð Áíðæèè, á èíòíðíè äí-
äòò ýñí íá Èððæèä Óðäá äí òú äíðíæ èíèè äí äðíá íðæèèíæèèíí íá ñæòá «Áóèíèè».*

возникать» по определению, ибо весьма амбициозна и жестоковыйна (см. Пятую книгу Моисея). Во-вторых, в этом мире евреи всегда были в гостях, и сейчас в гостях, в том числе живущие в Израиле. Во всяком случае, так считают Ахмадинежад, головорезы из «Хамас» и прочая нечисть. Так что, если хотите «из гостей», то вызывайте не такси до Домодедово, а катафалк до Востряковского. Впрочем, сегодня некоторые еврейские семьи из стран рассеяния могут оказаться для своих же израильских соплеменников нежеланными гостями. Так что для моей семьи никаких «или... или» не существует, и, между прочим, в первую очередь благодаря евреям, вроде Вас, и уже во вторую — благодаря антисемитам.

КАТСКИЛЛЫ[1]

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ אֵדֶנּוּ אִמֵּנוּ

Любой рассказ о Катскиллах — хочешь не хочешь — следует начать с «Гроссингера». С большого «Г». По обе стороны шоссе, ведущего из Нью-Йорка в округ Салливан, — это два часа езды на север — тебя осаждают рекламные щиты. «ХОТИТЕ ВИДЕТЬ ДЖЕРРИ ЛЬЮИСА[2] — ТОГДА ВАМ В «БРАУНЗ»». «ПЕРЕБИРАЙТЕСЬ В «ФЛЕТЧЕР»», «Я НАШЛА МУЖА В «УИНДЕРМИРЕ»», «В «РЭЛИ» ЛЕД ЛЕДЯНЕЕ, ШУТКИ СМЕШНЕЕ, ГОСТЯМ ВЕСЕЛЕЕ». Рекламные щиты в «борщковом поясе»[3] испещряют перечни преимуществ разных отелей, каждый утверждает, что у него лучшее поле для гольфа, закрытый и открытый бассейны оборудованы по последнему слову техники и самый звездный парад звезд. В прогалинах между рекламными щитами глазу не на чем остановиться. Кустарники, невысокие взгорки. Но вот наконец и рекламный щит «Гроссингера». И на нем sotto voce[4]: «У «Гроссингера» есть всё» — и только.

«В один августовский день 1914 года, и день этот вошел в историю, — таков зачин брошюрки, изданной в честь полувекового юбилея «Гроссингера», — в Европе началась война. Ее огонь опалил Европу... А в один летний день того же года в городе Свободы[5] открылся небольшой пансион». Зелиг и Малка Гроссингер переоборудовали фермерский дом под пансион на девять человек, по девять долларов в неделю с головы... Возможность подышать свежим воздухом для фабричных рабочих, передохнуть для обитателей многоквартирных домов. Теперь «Гроссингер» раскинулся на полтысячи гектаров и может вместить полторы тысячи гостей. Инвестиции в него достигают пятнадцати миллионов долларов. Но процитируем еще раз юбилейную брошюрку: «Величие любого свершения не измеряется материальной стороной дела. Тадж-Махал стоил немислимых денег, но несравненную красоту мавзолея определяют не деньги».

На первый взгляд «Гроссингер» смахивает на кибуц в его идеальном воплощении. Хотя арабов тут нет, но у каждого ворот по охраннику. Есть у «Гроссингера» и собственное водоснабжение, и главное здание — в их случае местного разлива тюдоровского[6] стиля с венецианскими окнами, — и разбросанные неподалеку домики, поименованные в честь бессмертных героев первой алии Катскиллов, таких, как Эдди Кантор и Милтон Берл[7].

Я зарегистрировался в отеле в пятницу летним утром и, пересекая террасу по пути к своему номеру, наткнулся на форум «Не для эфира», он был в разгаре. Среди первых достославных ораторов форума — за что, как писали в одном журнале, мы должны быть благодарны Дженни Гроссингер[8], благоговейщей перед ученостью, — значились и Макс Лернер, и Норман Казенс[9]. На этот раз лекцию

читал гипнотизер Нэт Флейшер, штатный лектор «Гроссингера», он покусился решить вопрос: «МОЖЕТ ЛИ СОХРАНИТЬСЯ ЛЮБОВЬ В БРАКЕ?»

— У меня ученая степень по психологии, — сообщил мне Флейшер, — а сейчас я работаю над докторской диссертацией.

— В каком университете?

— Не хотелось бы говорить.

На террасе собралось примерно сто пятьдесят человек, изготовившихся задержаться лектора вопросами. Они только и ждали удобного момента, чтобы наброситься на него. Жующие сигары господ в длинных шортах и дамы с припасенной на всякий случай «Нью-Йорк пост» на коленях.

— Мужчины достигают своего апогея в двадцать пять лет, — вопил в микрофон Флейшер, — а дамы гораздо позже и позиций не сдают, тогда как мужчины катятся вниз.

Кто-то из мужчин шикнул, кто-то загоготал, зато женская половина аудитории бурно зааплодировала.

— Вы думаете, — продолжал Флейшер, — что любовь ребенка к матери в природе вещей, так нет же.

Один из мужчин, прикрывшись сработанным из фольги отражателем, задремал. Его соседка обмахивалась «Из России с любовью»[10].

— Что нам нужно, — продолжал Флейшер, — чтобы не сойти с ума. ВСЕМ НАМ. Даже в шестьдесят, даже в семьдесят. ЛЮБОВЬ. Капелька любви. Если вы женаты двадцать пять лет, это еще не основание относиться к жене кое-как... Ее надо беречь.

Тут вскочила утыканная бигуди дама:

— Я замужем уже двадцать девять лет, и муж вовсе не относится ко мне кое-как.

Ее сообщение взбудоражило иссохшего мужчину в заднем ряду. Вместо того чтобы присоединиться к бурным аплодисментам, он вскочил и уставился на даму.

— Хотел бы я посмотреть на ее муженька, — сказал он, садясь, и добавил: — На этого шмока[11].

На вечер была назначена встреча одиночек, но перспективы ее радужными никак не назовешь. Язвительный субъект, подсевший ко мне в баре, сказал:

— Ну, не знаю. Я плавал утром. Плавал днем — в закрытом, в открытом бассейне — Б-г ты мой, где они только таких набрали? Когда же красотки-то приедут?

Перед ужином я решил прогуляться. Все пять здешних вестибюлей обшиты сосновыми панелями, и оно бы и хорошо, если бы повсюду, где только можно, не натыкали пластиковых растений. В лавчонке у олимпийских размеров открытого бассейна продают пластиковую кукурузу, в главном здании в сувенирной лавчонке «Моп амі»[12] и «Всякой всячине» можно заапастись пластиковым виноградом. Среди тех, чьи фотографии украшают Стену Славы, кардинал Спеллман, Йоги Берра, Ирвинг Берлин, губернаторы Гарриман и Рокфеллер, Ральф Банч, Зиро Мостель и Герман Вук[13]. От закрытого бассейна на удивление простого дизайна все еще несет дезинфекцией, совсем как от самого современного бассейна моего детства в «У». Я поспешил уйти от бассейна куда подальше. У «Гроссингера» собственное почтовое отделение, он имеет право клеймить своим штемпелем — «“Гроссингер”, Нью-Йорк» — почтовые отправления. Имеется тут и Гроссингеровское озеро — «для умиротворенного слияния душ», поле для гольфа с восемнадцатью лунками, конюшни, открытый каток с искусственным льдом, лыжня и горка для тобоггана, «Оздоровительный клуб для него и для нее» и, конечно же, взлетно-посадочная полоса — взлетное поле Дженни Гроссингер — по соседству с комплексом.

К ужину дамы преобразились. Бигуди сменили норковые палантины.

— Еврейское защитное покрытие, — так назвал эти палантины, впрочем, вполне благодушно, один из гостей, с той самоиронией, которая искупает «Гроссингера», и отчего, к слову сказать, писать о «Гроссингере» — занятие крайне щекотливое.

Полагаю, проще всего — вдобавок известные основания на то есть — представить Катскиллы в карикатурном виде. В виде Диснейленда с кнышами. В конце концов, куда ни кинь взгляд — в глаза бросается нечто несуразное. В «Конкорде», к примеру, венецианские окна огромного зала выходят на парковку. Есть тут и номера аж с двумя ванными комнатами. (Это такой трюк. Люди на это клюют. Есть о чем порассказать.) Все самые крупные отели завели сейчас закрытые катки, как объяснила мне дама, управляющая «Лорелз»: наши гости не хотят кататься на воздухе: там слишком холодно. Озера, надо признать, пока еще не залили бетоном, чтобы возвести на их месте искусственные бассейны с очисткой, но, за этим единственным исключением, предназначение всех новаций — оградить гостей от природы. К примеру, в большинстве крупных отелей домики, расположенные на их территории, соединены с главным зданием системой застекленных, а то и подземных переходов, чтобы, невзирая на расходы, уберечь гостей от огнюдь не сурового климата Катскиллов.

К чему я веду, а к тому, что нет ничего легче, даже не слишком утруждая себя отбором деталей, представить и «Гроссингер», и Катскиллы, и людей, которые туда ездят, в гротескном виде. Но этот соблазн преодолеваешь, так как Катскиллы не сводятся к гротеску. С другой стороны — что есть, то есть — впечатление округ Салливан производит нелепое, и посмотри я на это сквозь пальцы и превознеси, к примеру, взамен слезливую «задушевность» Дженни Гроссингер или ее же «традиционное благоговение» перед псевдоученостью, я проявил бы толерантность, а что это как не либерализм самого неблагоприятного толка.

И вот еще что. Архетипический гость «Гроссингера» принадлежит к тому классу американцев, который чаще всего служит мишенью для нападок. Даже когда «Комментари»[14] выдвигает еще один отряд новеллистов, нерегулярные войска «Партизан ревью»[15] залегают в кустах, держа штыки наизготове. Сол Беллоу смотрит в оба, Альфред Кейзин[16] осмысляет, Норман Мейлер навастривает нож, и кто знает, какие мины закладывает следующее поколение еврейских писателей в эту самую минуту. Существовала ли когда-нибудь группа, которую так преследовали бы начисто лишённые сантиментов отряды хроникеров? Так терзали бы моралисты? Так стыдили бы за то, что они сумели разбогатеть? До них писали о люфтваффенцах, неимущих мечтателях — портных, закройщиках, бакалейщиках, столь любимых Бернардом Маламудом. После них один за другим явились самонадеянные университетские юнцы Филипа Рота, американцы, которым случилось расти в еврейских семьях, но вот к вклинившемуся между ними поколению — этой не слишком обаятельной ершистой компашке, — выкарабкавшемуся вместе с остальным средним классом Америки из Депрессии в благополучие, — к нему еврейские писатели расположены меньше всего. В пьесах Клиффорда Одетса они представляли поганцами. Сборщиками квартплаты. Затем их разделал под орех Джером Вайдман, а там явились Ирвинг Шоу и Бадд Шульберг[17]. По правде говоря, за все это время на их защиту встал один Герман Вук, из всего арсенала вооруженный лишь рогаткой клише. Ну а это не защита, а один конфуз.

И вот они в «Гроссингере», вот они — пожива для сатириков. Манна небесная для социологов. Вот они — еле-еле душа в теле, а все равно хорохорятся, их мучают изжога, последствия раковых операций, бесконечные кампании по сбору средств на помощь Израилю, засидевшиеся в девках дочери, сыновья, отправившиеся помогать неграм одержать верх в Миссисипи. «Гроссингер» — это их мечта об изобилии, воплощенная в жизнь, но если вам она кажется смешной, карикатурно преувеличенной, то и завсегда так и видят ее такой же. По правде говоря, как бы я ни язвил касательно норковых палантин и сватовства, они уже осмеяны и не раз заезжими комиками или гостями. Более того, если бы чистый душой гой рискнул хотя бы подумать о таких шутках, которые в ходу в «Гроссингере», не то что произнести их прилюдно, на него обрушился бы гнев Антидиффамационной лиги «Бней-Брит».

У «Гроссингера» гостям подают традиционные блюда, но в переизбытке, а ведь многим из них в детстве не доводилось есть досыта. Наезжают сюда также ведущие телевизионные комики — только здесь их настоящая публика. И они это ценят. Тут они демонстрируют настоящее остроумие: ведь по телевизору они вынуждены отпускать пресные шуточки, потому что изюминка, характерная для еврейского юмора, повышению рейтинга Нильсена[18] не способствует.

То ли дело «Старая песочница», как окрестила «Гроссингер» одна катскилльская реклама. Но лучше, чем рекламщик отеля и загородного клуба Кушера, как ни тщишь, не скажешь: «Вам бы и райские

кущи не понравились — там же негде поиграть в гольф. Зато у Кутшера...» Здесь вам подадут столько кнышей, сколько влезет, в «Браунз» их сделают еще вкуснее, переименовав в «Roulade[19] из свежей куриной печенки». В том же духе наш старый знакомый куриный супчик с локшен в другом меню возродится, как «куриный бульон с тонкой вермишелью».

Еда у «Гроссингера» — а ничего лучше я в Катскиллах не едал — превкусная, если вы любите кошерную кухню. Однако войти в просторную столовую, где одновременно можно накормить тысячу шестьсот человек, — суровое испытание для одиночек.

— Мужчины постарше хотят сидеть за одним столом с молоденькими, — сообщил мне метрдотель Дэвид Гейвел, — девушки — с импозантными мужчинами. Им нужно запасть свиданиями на Нью-Йорк впрок — там-то они торчат всю неделю одни-одинешеньки. А у них, сами понимаете, в распоряжении всего два дня, вот они и торопятся, а что им остается? Как поедят, тут же требуют их пересадить. А мужчины, те сплошь и рядом жалуются: «Девушка, даже когда разговаривает со мной, строит глазки через мое плечо зубному врачу за соседним столом. С какой стати я буду назначать ей свидание, если она смотрит по сторонам?»

Я заглянул в местную газетку «Тэтлер»[20], валявшуюся на моем столе, — она издается ежедневно — и увидел, что ротатор волшебным образом превращает болезненно застенчивую вековуху в «блистательную, обворожительную» Барбару, плоскую, как доска, девицу в «забавницу-резвушку» Иду, а добродушную квашню в «исполненную обаяния Мириам, из-за за которой вы просто не сможете пройти мимо стола 20F». Отметил я также, что среди прочих у «Гроссингера» побывали Пэдди Чаевски и Пол Гэллик[21]. Одно время издателем «Тэтлера» был Дор Шари, а Шелли Уинтерс, Бетти Гаррет и Роберт Альда[22] в нем сотрудничали. И сейчас студенты со всей Америки борются за место в отеле. За неделю здесь можно заработать сто пятьдесят долларов, и, как говорят в «Гроссингере»: «Не скупись, на следующий год помощник официанта окончит университет и, глядишь, будет пользоваться тобой от язвы». Моими соседями за столом оказались два застарелых холостяка, отроковица с кокетливой тетушкой и обвешанная украшениями вдовушка за шестьдесят.

— Просто больно смотреть, сколько еды пропадает, — сказала вдовушка, — это же преступление. Моего бы песика сюда — то-то бы он порадовался.

— А где он?

— Умер, — она похлопала накладными ресницами, а в это время, перекрывая треск, из громкоговорителя донеслось объявление о вечере для одиночек.

— Напоминаем, исключительно для одиночек.

Отроковица адресовалась к тетушке:

— Опять будешь танцевать с Рэем?

— Почему бы и нет? Он дивно танцует.

— Кто бы спорил. Только он фейгеле.

Гомосексуалист.

— Видите вон ту девицу в мексиканского производства индейской шали? Так вот, она сказала своей мамаше: «Пойду на вечер одиночек. Если не вернусь до утра, считай, что я обручилась». Это ж надо быть такой оптимисткой!

Народу вечер одиночек собрал мало. Полный провал. Холостяк заскакивал в зал, выругавшись себе под нос, корчил рожу и был таков, а за компанию с ним линял и еще какой-нибудь холостяк. Разодетые в пух и прах дамы оставались в одиночестве — их обихаживали штатные служители: по очереди кружил то парикмахер, то танцмейстер в расчете на скорое воздаяние в своей профессиональной роли. Язвительный субъект, мой давешний приятель, снова занял свое место у стойки.

— Послушайте, — обратился он к одному из служителей, — где вы таких образин раздобыли? Вы что, договорились с Нью-Йорк-Сити, чтобы они посылали к вам всех вековух?

Служитель поведал мне — с придыханием, — что в этом самом баре Эдди Кантор открыл Эдди Фишера[23], тогда никто о нем и слыхом не слыхал, он пел себе с оркестром, только и всего.

— Если бы мне в то время сказали, что Элизабет Тейлор подпустит Фишера к себе на пушечный выстрел, — от переизбытка чувства он запнулся. — Остальное, — сказал он, — достояние истории.

На террасу начали стекаться дамы, за ними волоклись мужья, теперь палантины, перебросив через руку, несли они. В Эстрадном театре только что закончилось очередное пятничное «Звездное ревью».

— Как вам ревью? — спросил кто-то.

— Хорошо идет под гефилте фиш.

Вот луч прожектора высветил Прентиса Миннера-четвертого. Миннер, одаренный, воинствующий негр, начал с зовущей на бой песни о гражданских свободах. Он спел: «От Сан-Франциско до острова Нью-Йорк — это твоя земля и моя»[24].

— А «Седраха»[25] вы знаете? — крикнул кто-то из зала.

— А «Старину Реку»?[26]

— А как насчет «Цу на, цу на»?[27]

Миннер пошел на компромисс. Он спел ««Цу на, цу на», но с новыми словами, словами от КОР[28].

Служитель покинул меня, подсел к моему приятелю из бара.

— Нехорошо это, сесть за стол и с ходу сказать даме, что она... э-э... в теле: ведь вы видите ее впервые. Это некультурно. — И сообщил, что тому снова придется пересесть.

— Ладно, будь по-вашему. Ну, я люблю женщин. Что я теперь — поганец, что ли?

Я пораньше отправился к себе в номер, запасшись гроссингеровскими списками данных. Чтобы наполнить открытый бассейн, читал я, требуется два с половиной миллиона литров воды, Тони и Люсиль[29] познакомили Америку с мамбо. Генри Кэбот Лодж[30] посетил «Гроссингер», оказал, как говорится, честь. Так же, как и Роберт Кеннеди. Мог бы я тут якшаться и с бароном Эдмоном де Ротшильдом и Рокки Марсиано[31]. Первым «Гроссингер» поименовал «Линди при куцах» Деймон Раньон[32]. Девять чемпионов мира по боксу тренировались здесь перед матчем на титул. Барни Росс — а он первым из ортодоксальных евреев стал чемпионом в легком весе, — неукоснительно избегал бурных развлечений, которым в 1934 году предавались все. Чего никак не скажешь об этом гое Ингмаре Йоханссоне, последнем из чемпионов, тренировавшихся в «Гроссингере».

Потру я удержался от искушения — отказался от запеченной в фольге картошки, которой соблазняли тех, кто рано встает, пренебрег и селедкой, как печеной, так и жареной, вафлями, арбузом, черной смородиной, клубникой, бубликом с копченой лососиной и гренками. Довольствовался апельсиновым соком, кофе и выскользнул наружу — покурить по-быстрому. В шабат курить в столовой и главном вестибюле, начиная с захода солнца в пятницу и до заката в субботу, запрещается. Лу Гольдштейн, распорядитель дневных программ, вел на террасе изобретенную им игру «Саймон говорит», уже завоевавшую известность. На террасе собралась, по меньшей мере, сотня азартных игроков и вдвое больше придиричивых зрителей.

— Саймон говорит: поднимите руки. Саймон говорит: а теперь — наклон от талии вперед. От талии, дама. И это, по-вашему, талия? Ой! И это, по-вашему, поклон? Как вас зовут?

— М-м, — не разжимая губ.

— Отлично. Саймон говорит: как вас зовут?

— Сильвия.

— Ничего не скажешь, прекрасное еврейское имечко. Ну и имена теперь дают. Дезире. Дрексель. Вы откуда?

— Из Филадельфии.

— Выбывайте из игры.

Один из зрителей, приложив руку ко рту рупором, выкрикнул:

— Расскажите тот анекдот про двух гоев.

— Мы таких слов не употребляем. К «Гроссингеру» приезжают люди разных вероисповеданий. Кого только, да будет вам известно, у нас нет. Ну же, ну, дамочка. Садитесь. Мы уже оценили ваш наряд. В прошлом году одна дамочка тоже вот так тут стояла, а я и спроси ее, что вы думаете о сексе. А она мне: секс, ничего не скажешь, отличный универмаг[33].

Гольдштейн сказал, что у него есть объявление для мужчин: сейчас начнутся соревнования по метанию подков, но метать подковы охотников не нашлось.

— Слушайте сюда, — сказал он, — у «Гроссингера» вас не утруждают. Подкову метнете вы, но подбирать ее будет служитель. И метать ее опять же нужно не вверх, а вниз. Ну что, атлеты, за мной.

Я не последовал за ним, решил посмотреть, как косметолог учит дам искусству макияжа. Для демонстрации потребовался волонтер, вперед вышла дородная матрона, косметолог помог ей подняться на возвышение.

— Я знаю, — начал он, — что кое-кого из вас беспокоят мимические морщины у рта. Что ж, вот эта мазилка, если ее правильно наложить, заполнит все углубления... Вот так, теперь вы видите, какая разница между правой и левой стороной лица?

— Нет.

— Уверен, что дамы в первых четырех рядах ее заметили.

У «Гроссингера» есть все — в том числе и легенда. Легенда о Дженни[34], «ЖИВОМ СИМВОЛЕ “ОТЕЛЯ С ДУШОЙ”», как не устают напоминать заголовки «Гроссингер ньюс». Куда ни кинь глазом — фотографии Дженни с разнообразными знаменитостями. «Наша эмблема, — сообщает гроссингеровский проспект, — прославленная улыбка нашей дорогой Дженни». Романтизированный, но вполне дюжинный портрет Дженни маслом украшает главный вестибюль. Имеется и песня «Дженни», Дженни участвовала в программе «Это твоя жизнь»[35] — событие настолько эпохальное, что в ненастные дни гостей иногда убаюкают, показывая им запись программы. Но Дженни — теперь ей за семьдесят — уже не под силу благословлять всех новобрачных, приезжающих в отель. Не может она и так часто, как прежде, «безмятежно скользить» по огромной столовой, поэтому многие ее функции теперь перешли к даме помоложе, миссис Сильвии Джейкобс: она ведает отношениями с гостями, и на ее устах неизменно играет улыбка.

— Дженни, — поведала она мне, — любит всех людей, независимо от расы, цвета или вероисповедания. Что по прозорливости, что по обаянию ей нет равных. Она — воплощение грации и благородства больших аристократок.

Дженни лично выбрала миссис Джейкобс замещать ее в роли хозяйки здешних мест.

— Б-г, я думаю, наделяет людей разными талантами, дары это богоданные, голос, к примеру, — сказала миссис Джейкобс. — Так вот я рождена для гостиничного дела. За последние полвека я лучше всех воплощаю идеи Дженни Гроссингер. Меня здесь отождествляют с ней — какое вам еще нужно доказательство.

На всякий случай — буде дальнейшие доказательства все же потребуются — миссис Джейкобс предъявила письма гостей, возносящие ее таланты свахи, ее умение поднять настроение гостей. Вы, свидетельствует одно из писем, — это что-то сверхъестественное. У вас прямо-таки атомная энергия.

— На нас работают наши традиции, — сказала миссис Джейкобс, — не говоря уж о дивной природе и прекрасных видах, а они здесь в изобилии. Так что мы отлично обходимся без Милтона Берла. В «Гроссингере» всего за семьдесят пять долларов в неделю любая стенографистка может запросто общаться с миллионером. И этой стороне нашей деятельности мы, знаете ли, придаем большое значение.

— Много к вам поступает жалоб от гостей? — справился я.

Миссис Джейкобс одарила меня чарующей улыбкой.

— Жалоба, — сказала она, — для нас не проблема, а вызов. Я благодарю тех, кто жалуется.

Миссис Джейкобс устроила для меня экскурсию по дому Дженни, коттеджу «Радость», — он находится по соседству с Миллионерским коттеджем и напротив Папиного. На рояле стоит подписанная фотография Хаима Вейцмана, первого израильского президента, на столике рядом — фотография Джека Бенни[36], тоже с автографом. Одну стену с пола до потолка покрывают почетные грамоты и т. д. Адреса и дипломы, аттестующие Дженни «Женщиной года», включая и диплом — «Самая благородная женщина года» от Балтиморского общества помощи благородным женщинам. Имелся тут и диплом от журнала «Уиздом»[37], удостоившего Дженни титула «Человека чести».

— Дженни, — поведала мне миссис Джейкобс, — на редкость скромна. Не было случая, чтобы она не уделила час в день изучению какого-нибудь предмета, а перед женщинами, у которых есть степень, она прямо-таки благоговеет...

У самой Дженни всего одна степень — почетного доктора гуманитарных наук, присужденная ей в 1959 году Уилберфорским университетом штата Огайо[38].

— Я никогда не видела, чтобы Дженни была так растрогана, как в тот день, когда ей присуждали степень, — поделилась со мной миссис Джейкобс.

Миссис Джейкобс поднесла мне коробочку печенья, чтобы я подкрепился, пока доберусь «дотуда» — «дортен» на идише, — в «Конкорд». Если Дженни Гроссингер — доктор Швейцер Катскиллов, то Артура Винарика можно считать их доктором Стрейнджлавом[39]. Винарик, в прошлом парикмахер,

заработав состояние на тонике для укладки волос «Джерис», в 1935 году приобрел «Конкорд» за десять тысяч долларов и остается его водителем и вдохновителем и поныне. Ему за семьдесят. В первую нашу встречу я сморозил глупость, спросив Винарика: доводилось ли ему бывать на роскошных курортах.

— Гаражи с драпри — вот что это такое, — отрезал Винарик. — Склады.

Нашу беседу прервал гость в бейсболке и вздетых на нее темных очках.

— В чем дело, Винарик, неужели вы построили всего одно новое здание в этом году?

— Три.

Одно из них просто-таки двор короля Артура, где «вас ждет волнующее рандеву в снегах... где каждый мужчина чувствует себя Галахэдом или Ланселотом, а каждая девица — Гвиневрой или прекрасной Элайн»[40]. Винарик — он одержимый строитель — как-то спросил комика Зиро Мостеля:

— Ну и что мне еще сделать? И чего еще тут не хватает?

— Застекленных джунглей, Артур. Чтобы охотиться на тигров в оранжерее. В шабат охотники надевали бы ермолки.

Однако вряд ли вероятно, чтобы хоть кто-то в «Конкорде» носил кипу: ведь переместиться из «Гроссингера» — дортен — означает перемахнуть через одно поколение евреев, а именно сменить хаймише (уютное), пусть и утопающее в патоке пристанище, на хром и бетон. Обходительным и по должности человеколюбивым сотрудникам одного отеля далеко до компьютерной четкости служителей другого. Для «Конкорда», к примеру, одиночки тоже большое место, но здесь, по-моему, не лезут из кожи вон, чтобы пересадить их получше. Одиночки и брачные пары, молодые и старые обозначаются на карте военных действий в столовой разноцветными булавками.

«Конкорд» — самый большой и шикарный из Катскиллских отелей. «Сейчас, — написал на днях Уолтер Уинчелл[41], — он приносит тридцать миллионов в год». Фантастическое место. Роскошный лайнер, навечно поставленный в сухой док. Высотой в девять этажей, с огромным вестибюлем, плавно изогнутой лестницей, крытой красным ковром, с бесконечными коридорами, ведущими туда, сюда и куда только не, «Конкорд» легко управляется с двумя с половиной тысячами гостей, которые — как пить дать — отлично управляются с девятью тысячами латес и десятью тоннами мяса ежедневно. С потолка главного вестибюля свисают затейливые люстры. Самый большой из здешних ночных клубов — «Имперский зал» вмещает две с половиной тысячи человек. Однако пытаться описать «Конкорд» в точных цифрах небезопасно. Потому что не успел я зарегистрироваться, как взамен главной столовой возникла еще более просторная, и не исключено, что со времени моего отъезда открылось еще пять соединенных между собой конференц-залов, а их в свою очередь переоборудовали в закрытый весенний тренировочный лагерь для «Метс»[42]. Тут нет ничего невозможного.

— Много лет назад, — поведал мне здешний служитель, — какой-то гость сказал Винарику: и это вы называете зал, да у меня дома уборная почище вашего зала. Винарик признал правоту гостя и — и давай строить. «У нас они за городом будут жить, как в городе, — возвестил он. — Как нам к этому подойти? Солнце — ну что солнце? — где его нет. А раз так, что нам предпринять?»

А предприняли они вот что: завели три поля для гольфа, последнее с восемнадцатью лунками, наняли пять оркестров, выступать в ночной клуб приглашали исключительно знаменитостей (Милтона Берла, Сэмми Дэвиса-младшего, Джуди Гарленд, Джимми Дуранте[43] и т. д.), поместили в один из вестибюлей штатного графолога (Ларри Хилтона не нужно представлять, всем известны его исполненные юмора «Наглядные лекции...»), в другом — перед хранилищем — на надувной подушке величаво восседал охранник с револьвером и патронташем, наняли как можно больше спасателей, распорядителем водного спорта поставили Бастера Крэбба[44] («По сравнению с этим великолепным открытым бассейном, — написал недавно Крэбб, — все другие бассейны смахивают на те лужицы, куда я водил бултыхаться Джейн и обезьяшек...»), купили машину, первую в Катскиллах, чтобы покрывать лыжню искусственным, разноцветным снегом («От цветного снега нам пришлось отказаться: у некоторых гостей он вызывал аллергию»), в нижнем вестибюле соорудили сводчатую торговую галерею, прозванную Малой Пятой авеню.

Мак Кинсбраннер, приветливый менеджер «Конкорда», устроил мне экскурсию, начал ее он с торговой галереи. Там я прочел объявление:

Í Á ÇÀÐÛÄÄÉ ÑÄÏ ÈÕ ÒÄËÄÏ ÒÏÄ

ÑÏçÄé éäððéí óñü !

*Ä ÍäðÄé äð-éðäð ò ñðüäé è òü ñí ÍæäüÍÄÏ éñäðü
éäððéí óí äñéí ðäçí äñí 12517 äñäñ çä 50 öÄÏ òÏÄ*

Í ä äñçíäâðüéí è äéçäðäé éðäñéäí è

За следующей дверью Тони и Маршия сулили: зайдите к нам, и по выходе от нас вам не будет равных в твисте, боссанове, пачанге или ча-ча-ча.

— У нас в эту самую минуту ведется строительство стоимостью в пять миллионов долларов. Люди больше не ездят в горы отдыхать, — сказал Кинсбраннер, — туммель — вот что им нужно.

«Туммель» на идише означает «шум», и остривших без передыху катскиллских комиков прежних времен называли туммлеры, буквально — «шумовики».

— Прежде мы, знаете ли, много занимались ритмической гимнастикой, теперь — нет. К нам теперь приезжают люди постарше. Гольф — это да, но... словом, я вам скажу, кого мы обслуживаем в этих отелях, — пищеголиков, так я их окрестил. Как бы там ни было, я вел занятия — я о гимнастике говорю, — и вот показываю я одно упражнение, «велосипед» называется, оно для толстяков, да вы знаете: крутите ногами туда-сюда, туда-сюда, и вдруг трах-бах — у нее живот лопается, кишки наружу. Дама в теле. Вот так вот — прямо-таки наружу. Прибыли за год как не бывало, гимнастике — конец.

Мы пошли посмотреть оздоровительный клуб. ЧЕРЕЗ ЭТОТ ПОРТАЛ, гласило объявление, ПРОХОДЯТ САМЫЕ ЧИСТЫЕ ЛЮДИ В МИРЕ.

— Это объявление распорядился повесить я, — сказал Кинсбраннер, — прежде я был школьным учителем.

Другое объявление гласило:

*ΟΑΪΟΪΕ
ΟΑΪΑΪΕΪΝΟΑΪΕΒ ΔΑΑΪΕ*

Ϊ νια Ϊ εοααΪ Ϊ ι οα

Ϊ νια εα, εγυααΪοαΪ, Ϊ ταιοΪ οοΪ νιοΪ

οααα Ϊ ααΪ α: αΪ υ

В клубе для одиночек Кинсбраннер сказал:

— Что и говорить, с ними хлопот полон рот. Если одинокая дамочка никого здесь не заарканит, по возвращении в Нью-Йорк она говорит, что у нас плохо кормят. Не скажет же она, что на нее никто не польстился. Поэтому я всегда им говорю: что бы вам приехать в прошлый уик-энд. Уф!

«Конкорд», да и большинство Катскиллских отелей не в сезон принимают всевозможные конференции. Пока я жил в отеле, здесь гуляла компания страховых агентов практически из всех штатов с женами. Их девиз гласил:

*Ϊ Α ΑΝΑ ΟΪ ΣΪΕΪ ΟΪ,
× ΟΪ ΑΕΑΪΝΟΕΘ*

ϸΑ ΕΝΕΕΪ × ΑΪ ΕΑΪ

ΝΟΔΑΟΪ ΑΥΘ ΑΥΪ ΕΑΘ

Группы, представляющие разные регионы, надели маскарадные костюмы и так проследовали в столовую на ужин. Мужчины нацепили картонные усы и лихо заломленные панамы, их жены робко виляли бедрами в гавайских юбках. Войдя в столовую, они тут же выстроились в ряд и грянули зажигательную песню своей компании на мотив «Мэкки-Ножа» из «Трехгрошовой оперы» Бертольда Брехта и Курта Вейля[45]. Начинаясь она так: «Джек Риган, вместе с тобой, мы идем за фирму в бой...» Затем они склонили головы — молились за компанию; пока пели американский гимн, держали зажженные бенгальские огни.

«Конкорд» огражден проволочным забором. В его штате тридцать охранников. Но Мак Кинсбраннер, к примеру, не против того, чтобы по воскресеньям посторонних пускали бродить по отелю.

— Многим из них, — сказал он, — «Конкорд» еще не по карману. Наши гости выбились в люди, так им, знаете ли, хочется это показать. Хочется, чтобы видели: они могут себе позволить наш отель. Ну так пусть себе всякий, кому заблагорассудится, приходит и смотрит. У них будет к чему стремиться, чего добиваться.

До «Конкорда» не дотянуться ни одному из кохалеин[46] (буквально: готовь сам), поселков бунгало, которые и поныне существуют в округе Салливан. Таких, как «Номера Ичика», или «Вон

Repos»[47], или «Коттеджи Альтмана». «Коттеджами Альтмана» управляет Эфраим Вейссе — само обаяние — беженец, переживший четыре концлагеря.

— В Катскиллах если и есть что хорошее, — сказал Эфраим, — так только воздух. Бизнес? Какой, к черту, бизнес. Эти бунгало мне нужны, как дырка в голове. — Он пожал плечами, усмехнулся. — Я пережил Гитлера, переживу и Катскиллы.

Другие большие отели, не такие популярные, как «Гроссингер» или «Конкорд», стали специализироваться. У «Рэли», к примеру, пять оркестров, он равняется на молодые пары. НАСЛАДИТЕСЬ «LA DOLCE VITA» («сладкой жизнью»), в «РЭЛИ» — так «Рэли» рекламирует себя.

— У нас останавливается отвязная молодежь, — сказал мне владелец «Рэли».

«Браунз», не уступающий «Рэли» в пышности, скорее отель семейного типа. Когда-то у них в штате состоял Джерри Льюис, и он до сих пор фигурирует во всех их объявлениях. Они придают большое значение рекламе. Здесь играют не в «Саймон говорит» или другие вариации этой игры, а в ««Браунз» говорит». В ту самую минуту, когда я вошел в вестибюль, один из сотрудников отеля развлекал группу дам.

— Наша игра, — выкрикивал он, — называется не бинго. «Браунз» — вот как она называется. Кто выигрывает, кричит «Браунз».

Миссис Браун сообщила мне, что в ее отеле останавливались многие выдающиеся люди: «В том числе Джейн Мэнсфилд и мистер Хаггерти[48]».

Берни Миллер, здешний штатный туммлер, повел меня посмотреть предмет их особой гордости — «Театр-клуб Джерри Льюиса».

— Многие из звезд первой величины вылупились здесь, — поведал он мне.

Из всех отелей, которые я посетил в Катскиллах, только «Лорелз» не держит кошерной кухни, к тому же и впрямь построен на берегу озера. Озера Сакетт. Но — вот ведь какая странность — ни в столовой, ни в спальнях самых дорогих номеров окна не выходят на озеро, и, как и в других крупных отелях, в «Лорелз» имеются и закрытый, и открытый бассейны, катки, оздоровительные клубы и один-другой ночной клуб.

— Люди больше не хотят развлекаться сами, — сказала мне Арлин Деймен, молодая дама, управляющая отелем на пару с мужем, — прежде молодежь купалась по ночам, теперь не то — они опасаются испортить прическу. Посмотреть на них — и не подумаешь, что они приехали в горы.

И в завершение две запавшие в память картинки жизни Катскиллов (округ Салливан).

Покидая «Лорелз», я — правда-правда — увидел, как молодая пара загорает под соллюксом у подогретого закрытого бассейна, притом что день был теплый, в самый раз для купанья в озере за окном.

В «Браунз», где «ЕСТЬ ВСЕ И ДАЖЕ БОЛЬШЕ», гости, и таких немало, презрев здешние — а каких тут только нет — развлечения, засели на террасе с видом на автостраду: смотрели на пролетавшие мимо машины, на входящих и выходящих. Судя по всему, для них по-прежнему нет ничего привлекательнее крылечка, при условии, что прохожие понимают: и отель, и все в нем вам по карману и сидите вы здесь по доброй воле.

[1]. Катскиллы — горный хребет в юго-восточной части штата Нью-Йорк, излюбленное место отдыха нью-йоркских евреев, горнолыжный курорт. В нем расположено множество гостиничных комплексов. Один из самых популярных — гроссингеровский. В 1980-х курорт пришел в упадок, но сейчас возрождается. — Здесь и далее прим. перев.

[2]. Джерри Льюис (р. 1926) — американский актер, писатель, режиссер кино, певец.

[3]. «Борщковый пояс» — так прозвали сеть отелей, пансионатов, меблированных комнат в Катскилльских горах, где отдыхают преимущественно евреи. Назван по популярному у здешних отдыхающих свекольному супу — борщок.

[4]. Здесь: сдержанно (ит.).

[5]. Гроссингеровский комплекс расположен неподалеку от города Либерти (Свобода).

[6]. Тюдор — стиль английской архитектуры эпохи Тюдоров (конец XV — начало XVII века).

[7]. Эдди Кантор (1892–1964) — американский эстрадный актер и певец.

Милтон Берл (1908–2002) — комедийный актер, стал первой звездой телевидения. В 1948 году телешоу М. Берла было самым популярным часом теленедели.

[8]. Дженни Гроссингер (1892–1972) — дочь основателей «Гроссингера».

[9]. Макс Лернер (1902–1992) — американский политолог, педагог, публицист. Норман Казенс (1915–1990) — американский политолог, журналист и писатель, активно боролся за запрещение атомного оружия.

[10]. «Из России с любовью» — один из романов Яна Флеминга о Джеймсе Бонде.

[11]. Здесь: недоделанный (идиш).

[12]. Мой друг (фр.).

[13]. Фрэнсис Джозеф Спеллман (1889–1967) — один из самых влиятельных прелатов католической церкви в США; в 1953 году поддерживал «расследование антиамериканской деятельности» под руководством Маккарти, позднее — участие США в войне во Вьетнаме. Йоги Берра (р. 1925) — американский бейсболист; играл в составе «Нью-Йорк янкиз»; считался лучшим игроком Американской лиги в 1951, 1954 и 1955 годах. Ирвинг Берлин (1888–1989) — американский композитор, автор эстрадных песен, мюзиклов, музыки к кинофильмам. Уильям Аверелл Гарриман (1891–1986) — государственный и политический деятель, дипломат; губернатор штата Нью-Йорк с 1955 по 1958 год. Нелсон Олдрич Рокфеллер (1908–1979) — государственный и политический деятель, лидер либерального крыла Республиканской партии; с 1958 по 1973 год — губернатор штата Нью-Йорк. Ральф Банч (1904–1971) — английский социолог и дипломат, лауреат Нобелевской премии мира (1950). Зиро Мостель (1915–1977) — знаменитый бродвейский актер. Герман Вук (р. 1915) — популярный американский писатель и драматург.

[14]. «Комментарии» — журнал, основанный Американским еврейским комитетом в 1945 году. Журнал публикует материалы на темы политики, иудаизма, о социальных и культурных проблемах.

[15]. «Партизан ревью» — политический и литературный ежеквартальный журнал антисталинистского направления. Многие из его знаменитых авторов были детьми еврейских иммигрантов. Существовал с 1934 по 2003 год.

[16]. Альфред Кейзин (1915–1998) — американский критик, профессор.

[17]. Клиффорд Одетс (1906–1963) — американский драматург, в 1930-х годах большой популярностью пользовались его пьесы, где люди состоятельные представлялись угнетателями. Джером Вайдман (1913–1998) — американский писатель, автор многих романов и сборников рассказов, в основном из жизни американских евреев среднего класса. Бадд Шульберг (1914–2009) — американский

писатель; особо известен один из его романов — «Что движет Сэмми?» — о еврее, беспринципно прокладывающем себе дорогу.

[18]. Рейтинг Нильсена — данные об относительной популярности коммерческих телевизионных программ в США.

[19]. Зразы (фр.).

[20]. Болтун, сплетник (англ.).

[21]. Пэдди Чаевски (1923–1981) — американский драматург, сценарист; написал сценарии к фильмам «Марти», «Телесеть» и др. Пол Гэллик (1897–1976) — американский писатель.

[22]. Дор Шари (1905–1980) — американский режиссер, писатель и продюсер. Шелли Уинтерс (наст. имя Шелли Шриффт; 1920–2006) — американская актриса кино, театра и телевидения; дебютировала в «борщковом поясе»; много играла в мюзиклах. Бетти Гарретт (1919–2011) — американская актриса и певица. Роберт Альда (1914–1986) — американский актер, певец, танцор, много играл в водевилях.

[23]. Эдди Фишер (1928–2010) — американский эстрадный певец и актер. В 1959 году женился на Элизабет Тейлор.

[24]. Одна из самых известных песен в Америке. Ее автор, композитор и певец Вуди Гатри (1912–1967), придерживался лево-радикальных взглядов.

[25]. «Седрах» — популярная в 1960-х годах песня (слова и музыка Брука Бентона, 1931–1988). Речь в ней идет о Седрахе, Мисахе и Авденаго (книга пророка Даниила, 3:12-30), которые отказались поклоняться золотому тельцу, за что были брошены в раскаленную печь, но не сгорели.

[26]. «Старина Река» («Old Man River») — песня о тяготах жизни негров из мюзикла «Плавучий театр» (музыка Джерома Керна, слова Оскара Хаммерштейна) по роману популярной американской писательницы Эдны Фербер.

[27]. «Цу на, цу на» («Выходите, выходите, пожалуйста») (ивр.) — песня, написанная Иссахаром Майроном (урожд. Стефаном Мичровски), польским эмигрантом, и Йехиэлем Хагизом.

[28]. КОР (Конгресс расового равенства) — общественная организация афроамериканцев, основанная в 1942 году. Выступала за права американских негров на самоуправление в тех районах, где они преобладают.

[29]. Тони и Люсиль — знаменитая танцевальная пара. В «Гроссингере» давала уроки танцев гостям, вела танцевальные вечера. Такие пары работали во всех крупных отелях.

[30]. Генри Кэбот Лодж (1850–1924) — американский политический и государственный деятель, дипломат.

[31]. Рокки Марсиано (1923–1969) — боксер, чемпион мира 1952 года. Защитил этот титул шесть раз.

[32]. «Линди» — нью-йоркский ресторан еврейской кухни; служит местом встреч театральных деятелей, своего рода неофициальная театральная биржа Нью-Йорка. Деймон Раньон (1884–1946) — американский журналист и писатель; красочно описывал Нью-Йорк и его обитателей — от актеров до гангстеров.

[33]. Имеется в виду дорогой нью-йоркский универмаг «Сакс».

[34]. *Дженни* — имеется в виду *Дженни Гроссингер*.

[35]. «*Это твоя жизнь*» — телевизионная программа о жизненном пути кем-либо известного человека. В программу приглашаются его коллеги, знакомые и т. д.

[36]. *Джек Бенни* (наст. имя *Бенджамин Кубельский*; 1894–1974) — популярный комедийный актер. С 1932 года вел популярнейшую программу на радио, в 1950-м перенес ее на телевидение.

[37]. «*Уиздом*» («*Мудрость*») (англ.) — журнал, посвященный астрологии, целительству и т. д.

[38]. *Уилберфорский университет* — старейший частный афроамериканский университет.

[39]. *Доктор Стрейнджлав*, персонаж черной комедии американского режиссера и продюсера *Стэнли Кубрика* (1928–1999) «*Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал волноваться и полюбил атомную бомбу*» (1963), бывший нацист, обезумевший человеконенавистник, замышляющий уничтожить чуть не все человечество.

[40]. *Король Артур*, *Галахэд*, *Ланселот*, *Гвиневера*, *Элайн* — герои многочисленных легенд, сказаний и романов о рыцарях *Круглого стола*. *Галахэд* и *Ланселот* — самые доблестные из рыцарей *Круглого стола*, *Гвиневера* и *Элайн* — образцы женственности.

[41]. *Уолтер Уинчелл* (1897–1972) — журналист, радиокорреспондент. Считается отцом светской хроники, писал также о политике и экономике.

[42]. «*Метс*» — нью-йоркская бейсбольная команда.

[43]. *Сэмми Дэвис-младший* (1925–1990) — американский танцор и певец, теле- и кинозвезда; *Джуди Гарленд* (1922–1969) — певица и актриса театра, кинозвезда; пела в кабаре, выступала с концертами. *Джимми Дуранте* (1893–1980) — певец, пианист, киноактер.

[44]. *Бастер Крэбб* (1908–1983) — спортсмен, олимпийский чемпион по плаванию, киноактер, один из исполнителей роли *Тарзана*.

[45]. *Курт Вейль* (1900–1950) — немецкий композитор, в 1935 году эмигрировал в США.

[46]. *Комната или бунгало с кухонькой (идиш)*.

[47]. *Буквально* — приятный отдых (фр.).

[48]. *Джейн Мэнсфилд* (1933–1967) — американская актриса театра и кино, сексапильная блондинка. *Дон Стансаук Хаггерти* (1925–2004) по прозвищу *Крутой Хаггерти* — знаменитый борец-вольник.

ЛЕХАИМ МАРТ 2012 АДАР 5772 – 3(239)

עִיטֵי אֵלֶּיךָ

ОДЕССА

Перевод с идиша Бориса Розенфельда

вода эта не та вода, и он не желает платить, и можете забрать обратно свою содовую воду, говорит он. Ну! Так что мне вам сказать, в конце концов?

А пусть себе еврейчики на здоровье пьют содовую воду. Я вам расскажу лучшую историю.

В один прекрасный день подходит к моей лавочке денщик генерала и покупает у меня пять сифонов содовой воды. И платит мне пять раз по пять, двадцать пять копеек. Ну так прекрасно, хорошо, все как у людей, как должно быть. Так таки правда, что Г-сподь все-таки живет в Одессе, и Он помогает, чтобы еврейчики тоже жили, как Б-г в Одессе.

Но надо же было случиться, что после того, как генерал выпил содовую воду, не про вас будь сказано, не про евреев будь сказано, он начал икать. Начал он икать от жениной стряпни или от моей содовой воды — это неизвестно.

Но если генерал заикался, то надо знать, откуда это, отчего это и почему это. И когда находят, что это я продал содовую воду — бедняк, голодранец и еще еврей к тому, — то генерал недолго думает и издает приказ, что евреи не имеют больше права торговать содовой водой.

Гвалт, крик, шум, гам.

Ну так что, если генерал икнул, так надо всех евреев лишать парносе?[2] Но генерал есть генерал, что толку плевать в его сторону? И если нет — так нет. Пропало.

Пришло мне в голову сделать лоток и продавать «цицес»[3]. Цицес. Я знаю? Молитвенники, еврейские календари. Так решил я себе.

Ну, с «цицес» я могу быть спокоен, что их у меня генералы не купят, не будут они икать и не заберут у меня заработок от них. «Цицес» — это еврейский, это живой заработок, постоянный, надежный заработок.

Вопрос лишь в том, кому нужны «цицес» в Одессе? Потому что вы должны знать еще раз, что у нас в Одессе два сорта евреев.

Один сорт евреев, что носят «цицес», и другой сорт евреев, что не носят «цицес». Так те, кто имеет и носит «цицес», им не нужны «цицес». А те, кто не носит их, так они их не наденут, если вы даже отдадите бесплатно им все «цицес».

Ну так не нужны «цицес», будут другие вещи. Я знаю? Молитвенники, еврейские календари. Так это будут еврейские календари.

Вопрос опять в том, кому в Одессе нужен еврейский календарь? Какой еврей должен знать, сегодня понедельник или сегодня вторник? Он в понедельник бедствует и во вторник бедствует. Что из того, что он будет знать, какой сегодня день?

Пришло мне в голову, что еврейские биржевики, те, что торгуют на бирже, должны иметь еврейские календари. Потому что они крутятся, бедняжки, целые дни, крутятся со своими тросточками, грызут орешки. Я знаю? Работа эта не такая уж и тяжелая, но и заработка у них нет. Ну а коли нет заработка и становится на душе тяжело, то должна быть и для них какая-то передышка. Надо ведь знать, когда придет Пасха, когда читать поминальную молитву. Еврей есть еврей. Они должны иметь свои календари.

Недолго думая, я перехожу улицу, к той стороне ее, где находится биржа. Я вижу, как биржевики крутятся там. Этот крутится вокруг этого, а этот крутится вокруг этого. Втискиваюсь в середину, и мы все крутимся. Я знаю? Я тоже кручусь.

Так кручусь я неделю, и две, и три, пока не спохватываюсь, что уже скоро Рош а-Шоно[4], а я еще ни одного еврейского календаря не продал.

Как всякий деловой человек, я знаю, что в каждом деле в первую очередь важен новый покупатель. Имеете вы первого покупателя, тогда и остальные придут.

Вопрос лишь в том, где взять первого покупателя? И так, крутясь и вертясь в поисках первого покупателя, я спохватываюсь, что уже прошел Рош а-Шоно и еврейский календарь уже прошлогодний. Ну!

Стой, беги, лети — такое дело!

Еще только вчера ночью календарь был как все календари, а сегодня утром дак он уже прошлогодний. Как может быть такое дело? Но иди, кричи — к кому?

Так говорят, что Б-г живет в Одессе, но когда Он нужен, то Он в Варше, в Петербурге, в Вильне. Я знаю где?

Так вот я стою, сам со своим несчастьем, с прошлогодними календарями, и не знаю, как и что делать. Но что же делать все-таки? Евреи у меня уже прошлогодние календари не купят. И так, стоя посреди улицы и оглядываясь, я замечаю, что на той стороне ее, у «Фанкони»[5], поближе к улице, сидит генерал Толмачев и пьет кофе.

Запало мне в голову, что раз уж евреи не купят у меня прошлогодние календари и если это не товар для еврейских биржевиков, дак, может, это товар для «гоешер»[6] генерала?

Недолго думая, я перехожу улицу и подхожу к столикам. И здесь я слышу, как генерал зовет кельнера и обращается к нему.

Что за кельнер?

Это этот рыжий татарин, такой рыжий, с опухшим лицом, таким, как большой кусок теста, с двумя изюминками-глазками. Ну вы знаете, такой, такой...

Думаю я про себя, о чем это может генерал разговаривать с таким типом, что запустил себе такую физиономию? Ну!

Останавливаюсь я невдалеке и слышу, что генерал говорит ему, что, так как он забыл свой золотой портсигар с гаванскими сигарами у себя дома, просит он, чтобы кельнер перешел через улицу, четыре дробь один, и попросил у генеральши, у жены генерала, чтобы передала она портсигар с гаванскими сигарами. И если она не поверит ему, то он даст ему примеры, что он забыл свой золотой портсигар с гаванскими сигарами у большого самовара на маленьком столике.

Закончив разговор с кельнером, он повернулся и, увидев меня, закричал: «Что ты стоишь, что тебе надо?»

Руки-ноги у меня отнялись, но я набрался смелости и говорю ему: «Герр генерал, — говорю я ему, — я виноват, но я имею для вас товар, — говорю я, — единственный в мире».

«Мне ничего не надо, — говорит он, оглядев меня, — проваливай отсюда, я имею все на свете».

«Господин генерал, — говорю я, — вы можете иметь все на свете, но то, что я имею для вас, этого вы не имеете».

Думает он, что я сумасшедший, что значит — я имею вещь, что он не имеет.

Подойдя поближе, я говорю ему: «Герр генерал, если бы я предложил вам золотой портсигар, я знаю, что вы имеете уже один; если бы я предложил вам гаванские сигары, я знаю, что вы имеете лучше, чем мои, и жена ваша лучше и красивее, и самовар, и столик, все у вас больше и красивее, — говорю я. — Но а если я предложу вам еврейский календарь, что вы на это скажете?»

Думает он, что я сумасшедший. Сумасшедший туда, сумасшедший сюда, но ведь я поймал его на слове. Все на свете он имеет, а этого не имеет.

Вынимает он полтинник и покупает у меня еврейский календарь. Ну, как вам нравится такое дело?

Гвалт, гвалт, кричу, где была моя голова все это время? Зачем мне нужно было крутиться среди еврейских биржевиков? Я же могу торговать с «гоешер» генералами, я могу уже торговать.

Вопрос лишь в том, где взять второго генерала, где взять? Я смотрю туда, я смотрю сюда. Раскинул я мозгами, коли уж нет генерала, чем плоха генеральша, жена генерала?

Знать я знаю, что она живет через улицу, четыре дробь один. Недолго думая, я перехожу улицу и звоню в звонок. Выходит здоровая, толстая гоя, такая, ну вы знаете.

«Виноват, мадам, — говорю я. — Но ваш муж сидит там, у “Фанкони”, и пьет чашечку кофе, и он меня попросил, чтобы я подошел к вам и продал вам календарь. Если же вы мне не поверите, то он дал мне приметку, что он забыл свой золотой портсигар с гаванскими сигарами возле большого самовара, что на маленьком столике, и он послал кельнера с толстым лицом, с опухшим лицом, похожим на...»

Она не дает мне кончить, вынимает рубль и покупает у меня еще один календарь.

Гвалт, гвалт, кричу, где была моя голова, почему это мне давно не пришло в голову, что генералу нужны еврейские календари? Так раз уж ему нужны еврейские календари, думаю я себе, почему бы мне ему не всунуть третий календарь? Вы, наверное, спросите, что «гоешер» генерал будет делать с тремя еврейскими календарями? Дак я вас спрошу, а что он будет делать с первыми двумя, что он будет делать?

Вот же он здесь, этот генерал, это же тот генерал, который лишил меня такого светлого заработка — содовой воды. Это ж тот генерал, что вынудил меня взяться за такое несчастье, как еврейские календари, что сегодня это календарь, а завтра это уже вчерашний день. Как это может быть?

Ну, и раз уже так, раз уж он вынудил, чтобы я торговал вчерашним днем, могу же я всучить ему прошлогоднюю лихоманку, могу же я ему всучить?

Недолго думая, я перехожу улицу и подхожу к столикам, и вот так, как я подхожу к столикам, я слышу, что генерал зовет меня.

Э-э-э-э, это уже мне не нравится. Ладно, если мне нужен генерал, я понимаю. Но для чего генералу нужен я? Наверно, он спохватился, что календари вчерашние, и зовет меня к себе. Плохо. Конечно, я знаю, что генерал понимает в еврейских календарях, как свинья в гавайских сигарах. Я могу напомнить ему, что еврейский не такой, как русский. Русский ведь читается слева направо, а еврейский читается справа налево, и так таки идут и еврейские календари также. Русский идет с года на следующий год, еврейский календарь с прошлогоднего к этому году.

Но если он мне не поверит и стукнет меня, что я буду делать, звать хворобу на него, звать? Дак лучше всего, если генерал зовет — уходи.

Я втискиваюсь в улочку, но слышу, что гонятся за мной. Кричат, догоняют. Кто бежит за мной — этот кельнер, рыжий татарин с опухшим лицом, как большой кусок теста, с двумя изюминками вместо глаз. Он гонится.

Ладно, если татарин запускает себе такую физиономию, то большим умником он не может быть. Но бить еврея, дак татарин тоже мастак. Что делать? Бежать у меня нету сил, иди обратно я боюсь. Остается стоять. Стою я.

Так вот как я стою, подбегает он ко мне со скандалом, с криком, с гвалтом.

— Что ты бежишь, что ты бежишь? Ты что, не слышишь, что генерал зовет тебя?

Я говорю: «Что он хочет от меня, генерал, что он хочет, что он прицепился ко мне? Я имею лишь один календарь, я не могу продать ему, мне самому он стоит два рубля, так он мне дает рубль. Знаешь

что? Я не имею уже сил. На тебе этот календарь, дай мне полтинник, возьми у генерала рубль. Дак ты сделаешь 50 копеек, и мне останется 50 копеек».

Ну, что вы на это скажете?

Уж коли Б-г живет в Одессе, разве Он оставит Своих еврейчиков?

Ха, ха, ха!

Ой, Одесса, Одесса, Одесса, ох уж этот городок Одесса! Ах, ах!

[1]. *Толмачев Иван Николаевич (4.01.1863 – 28.06.1932, Берлин), генерал-майор. 2.12.1907 назначен на должность градоначальника и временного генерал-губернатора Одессы. 15.11.1911 отстранен от должности градоначальника. Его методы управления отличались произволом и беззаконием, поощрял политические убийства и еврейские погромы. Активный деятель «Союза русского народа», покровитель «Черной сотни» в Одессе. Временным генерал-губернатором оставался до 1914 года.*

[2]. *Парносе (идиш) — заработок.*

[3]. *Цицис (идиш) или цицит (ивр.) — шерстяные кисти, прикрепляемые к «маленькому талиту» — прямоугольному куску ткани, который религиозный еврей надевает под одежду.*

[4]. *Рош а-Шоно (идиш) — еврейский Новый год.*

[5]. *«Фанкони» — популярное кафе в Одессе.*

[6]. *Гой, гойка (идиш) — иноверец, иноверка.*

ЛЕХАИМ МАРТ 2012 АДАР 5772 – 3(239)

יְאֹאֲבֵב יְאֵי אֲבֵ

НАДЯ

Я больше десяти лет не была в Москве. Все собиралась, собиралась, да каждый раз что-нибудь мешало. Не то что я не хотела, но когда приходил желанный отпуск, то хотелось куда-нибудь, где еще не бывала. А Москва — что Москва? В Москве я все-таки тридцать лет прожила!

Зря я так себя уговаривала. Наверное, просто боялась. Боялась, что притупившаяся вроде тоска опять за горло возьмет. Опять же зря. Москва мне хоть и понравилась, но была уже другой. Нет, не хуже, даже лучше, но чужой. Опять же повод для поездки был такой, что особенно не расчувствуешься, не поностальгируешь. Заболела сестра, и я прилетела, собственно, не по родной Москве гулять, а за ней ухаживать.

В отделении районного онкоцентра было бедненько, но чистенько. На первый взгляд. Особенно если снять очки. На второй взгляд в очках оказалось бедненько и относительно чистенько... по сравнению, например, с вокзалом. Но все равно, я ожидала, что будет хуже. В палатах, в конце концов, могут и родственники убраться. Если кого отсутствие стерильности раздражает, то может сам взять ведро, тряпочку, благо стоят они в местах вполне доступных. А для особо брезгливых и перчаточки резиновые имеются в наличии. Для особо педантичных и плакатики соответствующие висят: «Берегите труд уборщиц!», «Соблюдайте чистоту!» В общем, все нормально! Ну, особы голубых кровей типа жен и тещ новых русских в районных больницах не лежат. Это понятно. Но так вообще-то публика вполне приличная. Вон одна тележурналистка лежит, вон главный врач из Челябинска. Олигархов, конечно, нет, но пара еврейских лиц все же мелькает в коридоре. Врачи, правда, на разбитых «Жигулях» или вообще на городском транспорте приезжают, но лиц со следами вчерашнего и позавчерашнего тоже не видно. Охранники на входе жлобского вида, естественно, но во вполне допустимых пределах. Медсестры, опять же, от естественной благодарности родных и близких не отказываются, но так уж откровенно в карман тебе не глядят и со всеми одинаково милы и благожелательно равнодушны! В общем, бедно, но вполне достойно! По-человечески! Тем более что у меня некоторый опыт пребывания в наших израильских больницах уже тоже, к сожалению, имеется. Как говорил мой папа:

— Эх, к этой бы технике да наших врачей вместо ваших инженеров — цены бы израильской медицине не было!

Эх, да что уж там!

Что и говорить, попав в такое место, человек становится философом: перестает обращать внимание на всякую ерунду, сосредотачивается на главном — на себе. Обычно люди с самой разной психикой проходят через одни и те же психологические стадии: паника, страх, надежда, отчаяние, опять надежда, потеря интереса к окружающим, повышенное любопытство к диагнозу и ходу лечения у соседей по палате, уверенность, что у тебя все гораздо хуже, сменяющаяся уверенностью, что у тебя все гораздо лучше. Жалость к себе, перемежающаяся приступами острой жалости к товарищам по несчастью. Убежденность, что тебе повезло с врачом, сменяющаяся завистью к пациентам из соседней палаты, куда врач заходит чаще.

Мы находились на той стадии, когда соседи по палате уже не очень интересны, но пока еще не начали раздражать активно. Где-то после операции, но до снятия швов. Мы начали потихоньку гулять по коридору, были ласковы друг к другу, и домашние умиляли нас своей заботой. Мы были благостны и полны надежды.

Она пробежала мимо стремительно, обдав нас таким уже родным запахом хлорки и туалета. Потом резко затормозила, обернулась и, сверкая безумными глазами, неожиданно выпалила скороговоркой:

— Девчонки! Я слышала сейчас по радио, что нам прибавят пенсию!

Сестра отреагировала слабой улыбкой, а я, поддерживая свой извечный образ социально близкой рубахи-парня, пардон, бабы, ответила оптимистически:

— Эх, от их решений до наших пенсий еще так далеко!

Это было стратегической ошибкой! Она остановила начавшийся было бег, повернулась к нам всем своим худым телом, поставила на пол ведро и, не выпуская из рук швабры, сделала несколько быстрых шажков в нашу сторону. Перейдя на громкий свистящий шепот, она выпалила:

— Ах, девчонки-девчонки! Я тут случайно смотрела одну передачу, и там нам все объяснили! Оказывается, они на своем тайном собрании решили, что каждая страна должна уменьшить свое население! Венгры за счет цыган, ну, там всего пять тысяч. Чехи — за счет словаков. Не помню уже сколько. А нам они постановили одиннадцать миллионов!

— Одиннадцать миллионов чего? — оторопело спросила я.

«Никогда не разговаривайте с неизвестными!» — пронеслось у меня в голове, а на еще более глубоком подкорочном уровне приятно отметилось, как несомненный признак моей начитанности.

— Да нас же, русских! — отвлекла меня от приятных мыслей она.

Разговор принимал явно интересный характер.

— Да кто — они? — спросила я, предвкушая ответ.

— Как кто?! Ну, они же, евреи, — она явно была удивлена моей недогадливостью.

Я почувствовала, как напряглась сестра.

— Все-все, пойдем. Я не могу этого слышать! — тихо сказала она.

Мне было жалко прерывать такой обещающий быть интересным разговор. Но сестру было жалко больше. Чтобы закончить разговор, я быстренько пояснила, что девушка попала в точку, что как раз две участницы того знаменитого шабаша сионистских мудрецов перед ней. С моей стороны это было, конечно, не очень тактично — так огорчить бедную, ничего не подозревающую женщину! В самом деле, ну как признать в этой бедной парочке — слабенькая, худенькая больная и вполне по-человечески ухаживающая за ней родственница — представителей этих жирующих за счет трудового народа кровопийц. Откуда же ей было знать, что мы самые что ни на есть «эти», а я так вообще израильтянка! Хотя, с другой стороны, чтобы принять нас за славянок, требуется очень богатое воображение! Ну, с этим у нашей визави, видимо, было все в порядке! Немного оторопев от моей бестактности, она быстро взяла себя в руки и, подхватив ведро, уже убегая, напомнила нам о преступлениях израильских агрессоров против несчастных палестинских детей, своего начальства против нее лично и наших предков против Христа и всего прогрессивного человечества!

Сестра держалась за сердце. Я всячески пыталась показать ей всю комичность ситуации и даже припомнила несколько семейных баек на ту же тему. Я, надо сказать, коллекционирую подобные истории. Живу я уже двенадцать лет в Израиле, запас мой поистощился и я уже предвкушала, как, вернувшись домой, буду в лицах пересказывать этот забавный эпизод. Эх, жаль, мало поговорили! Ну, ничего, я еще ее где-нибудь отловлю. Тем более что дама эта была из нашего отделения, и я давно на нее обратила внимание.

Звали ее Надя. Она работала в нашем отделении уборщицей. Это именно ее труд не берегли больные и их близкие, пользуясь местами общественного пользования. Могли бы ведь и на улицу ходить по части своих нужд. Надя появлялась в отделении часов в девять-десять утра. Надевала на свои линялые джинсики и футболку, у которой в молодые годы был, наверное, какой-то цвет, линялый же ситцевый — осенний — халатик, на котором позапрошлым летом росли полевые цветочки, натягивала на свои длинные костлявые руки огромные резиновые перчатки и начинала бурную деятельность. Деятельность эта заключалась в том, что она очень быстро перемещалась по отделению, гремя ведрами и неся, как боевое оружие, свою швабру, из конца в конец и обратно. Была она всегда очень деловита и серьезна. Лицо ее, не отличавшееся приятностью, вообще, надо сказать, ничем, кроме настороженных безумных глаз, не отличавшееся, пересекала глубокая морщина. Надя все время была при исполнении и о чем-то все время думала. Теперь я знала, о чем она думает! Всем своим видом она давала понять окружающим, кто здесь работает, на ком все здесь держится! Я ни разу не видела, чтобы она с кем-то разговаривала или чтобы к ней кто-нибудь хоть раз обратился.

Особенно она выделялась на фоне неторопливых, спокойных и улыбающихся медсестер. Была там одна сестричка, уже не молодая и грузная, которая разговаривала бодрым громким голосом, все время что-то жевала и на призывы больных неизменно отвечала, не двигаясь с места:

— Бегу, бегу. Ох, как же я к тебе бегу!

Потом, неторопливо доев свое яблоко, она вразвалочку, медленно переставляя свои большие больные ноги в огромных мужских полуботинках, ползла в направлении зова, не переставая петь гренадерским басом свое «Бегу, бегу». При этом она быстро-быстро махала руками, как будто и в самом деле бежала со всех ног к вызывающему. Никто всерьез не обижался на сестричек и не ругал их. Положение среднего медперсонала хорошо известно, и, по-моему, люди благодарны им, что за такие зарплаты они вообще приходят на работу. Ну, может, попытается какой больной сделать лишний укол в утреннюю смену. Чтоб не затруднять потом Гренадершу своей мышцей. Да и сама она простодушно сказала мне как-то:

— Я могу, конечно, вколоть твоей больной болеутоляющее на ночь, но ведь она потом от моего укола не заснет! Руки мои, сама видишь, уже не те. — И она мне показала свои огромные опухшие натруженные руки.

О чем речь! Мы прекрасно в дни ее дежурств обходились таблетками!

Второй раз мы столкнулись с Надей после обеда. Она бегала вокруг ведер с остатками еды, а я подошла к мойке вымыть тарелку сестры. Надя увидела меня, низко наклонила голову и ринулась к крану, ожесточенно принялась посыпать его порошком, загородив от меня своей тощей спиной раковину. Наверное, опасалась, что я пришла выпить из крана всю воду! Ее жалкий пегий хвостик подрагивал на затылке в такт нервным движениям лопаток, выпирающих из-под пожухших цветочков на халатике. Потом она бросила тряпку, уперлась руками в раковину, повернула ко мне голову и сказала достаточно громко:

— Я, между прочим, никогда ни одного еврея не обидела!

После этого достойного ответа мировому сионизму в моем лице она побежала своей деловой походкой в дальний конец коридора. Я, как говорится, ничего ей не сказала, только сказала:

— Спасибо тебе, Надя, от всех евреев и от меня лично!

На самом деле мне хотелось ей крикнуть, мол, куда же ты, стой, остановись, давай поговорим! Но выпад был мой верен — Надя остановилась, застыла на минуту и сказала:

— В вас хоть то хорошо, что вы не скрываете, что вы — евреи. А то вечно: я армянин, я поляк. А сам в душе еврей! — И побежала.

Потом мы еще несколько раз сталкивались, и каждый раз обменивались такими же содержательными и высокоинтеллектуальными мыслями. Еще какое-то время я развлекалась, пересказывая наши с ней беседы окружающим и собирая довольно однообразные реакции людей. В основном народ реагировал адекватно и разнообразием меня не радовал, но все же тележурналистка оказалась на высоте. Она долго уверяла меня, что ничего похожего раньше, до перестройки, не было, что лично она никогда ни с чем подобным не сталкивалась. В конце концов я спросила ее напрямик, «не еврей ли вы, товарищ факир»,

раз она так точно знает, что ничего подобного не было в дни нашей молодости. Она так искренне замахала на меня руками и воскликнула:

— Что ты, что ты, не дай Б-г!

Она вообще была очень верующим и культурным человеком. Однажды даже спросила у сестры:

— Как же все-таки вы, евреи, такие умные, в принципе, люди не поняли своего счастья и не приняли Христа. Раз уж вам так повезло раз в жизни и у вас он, Христос, родился!

Потом история с Надей перестала меня забавлять, сестре становилось лучше, и я черпала вдохновение из других более достойных источников.

Наконец настал день выписки. Я пришла в больницу в последний раз. Обошла всех моих новых и старых знакомых. В этой больнице нам в самом деле очень повезло на врачей, сестер и вообще людей. Здесь работала старшая сестра моих близких друзей. Она очень помогала нам и словом, и конкретным делом. Поддерживала, успокаивала, поила чаем, объясняла, договаривалась, волновалась. Но и незнакомые люди, кажется мне, искренне переживали за нас и хотели нам помочь. Я вышла из больницы. Попрощалась в последний раз с охранником на входе, который упорно не хотел мне улыбаться все эти три недели, как я ни старалась быть с ним любезной. Сегодня даже он был ко мне благосклонен! В дверях я столкнулась с Надей. Она резко остановилась, потом дернулась в сторону, но, устыдившись своей нечаянной растерянности, опять рванулась к двери.

— Надя! Всего тебе хорошего! Мы выписываемся завтра, — сказала я ей, честное слово, не ерничая.

О Г-споди! Что это было? Надя остолбенела. Руки безжизненно повисли вдоль ее нелепого макаронобразного тела. Она подняла на меня свои глубокие, полные муки глаза, посветлела лицом и — сначала тихо, а потом окрепнувшим голосом сказала:

— Спасибо! Я вам желаю всего-всего самого-самого хорошего!

Уже дойдя до ворот, я обернулась. Надя все еще стояла у дверей больницы и махала мне рукой. До меня донеслось:

— Здоровья вам! Берегите там себя! С арабами не связывайтесь сами! Ну их!

Она улыбалась, кажется. Или плакала?

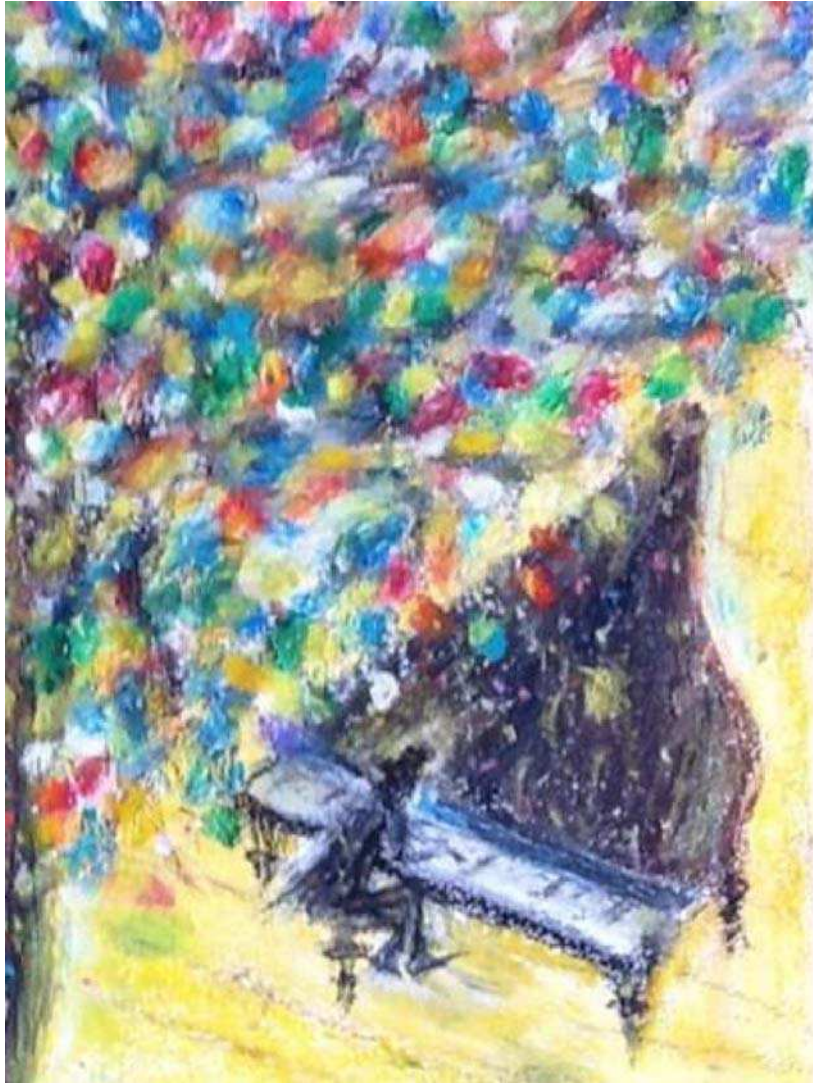
Ну почему, почему мне до сих пор стыдно?

ЛЕХАИМ МАРТ 2012 АДАР 5772 – 3(239)

נֹנְאִי אֵלָא × אֲדִי אֲבִיאָא

ДВАДЦАТЬ ДВА ПИСЬМА ВИРТУАЛУ

יְדִיאִי עֵאָאִ עֵאָ עִי עֵאָ «יְעֵאָ עֹדִי אֵלָב יְיָ × אֵאָ»

posted via Susanna's iPad

To: squirrel@nowhere.com

19th December: 2006. 5:14 p. m

SUBJECT: KOMPIUTERNOI MYSHKOI PO EKHRANU

Всюду пишут, что основное событие прошлого века — Интернет. Сведения потекли по другим каналам и с другой скоростью. Сложились другие взаимоотношения с информацией, даже, говорят, может измениться генетический тип. Я читала, что ген не закрыт, а открыт влияниям, в том числе реагирует на изменения потоков информации. Я на какое-то время увлеклась рисующей компьютерной мышкой. Тогда еще не было карандашиков, рисующих прямо по экрану. Это на нашем самом первом компьютере, таком огромном, что его привезли как ребенка на каталке — спеленутым. (Когда-то я программировала в университете, писала дипломную по квантовой физике. Это сейчас появились элегантные маленькие ноутбуки, а тогда вычислительный центр занимал целый квартал.) Когда я рисовала, мне представлялось, что я делаю это люминесцентными трубками. Рисунки жили только на мониторе, потому что зависели от экранного свечения. Вне экрана этот зверь существовать не может. Свечение теряется при переводе на принтер. Увы, получается трупик. И увеличивать его можно только до 500 кб.

attachmentN2

02 ZVER.JPG 620kb

To: squirrel@nowhere.com
27th December. 2006. 5:42 a. m
SUBJECT: POSAZHU!

Выполняю обещание, данное самой себе и адресатам — записывать запомнившиеся случаи из прошлого.

ÑĚÓ×ÀĚ¹ 1

Было это в годах семидесятых, у меня еще Лиза была маленькая. Шла я за продуктами по нашему рижскому Особторгу (по послевоенной привычке мой дедушка так называл центральный в городе универмаг). А там всегда была толпа, почти давка. Иду и чувствую: кто-то сзади все время меня пинает — мол, поворачивайся живее. Я оборачиваюсь. За мной толстенная бабища с огромной хозяйственной сумкой, скроенная как снежная баба: три шара — небольшой, побольше и еще побольше, поставленные друг на друга, глаза-щелочки, про такие говорят: заплывшие жиром. Бабища говорит: «Ну-ну! Я тебя посажу!» Не ргнулась, а сказала так обыденно, словно «отвесьте мне триста грамм».

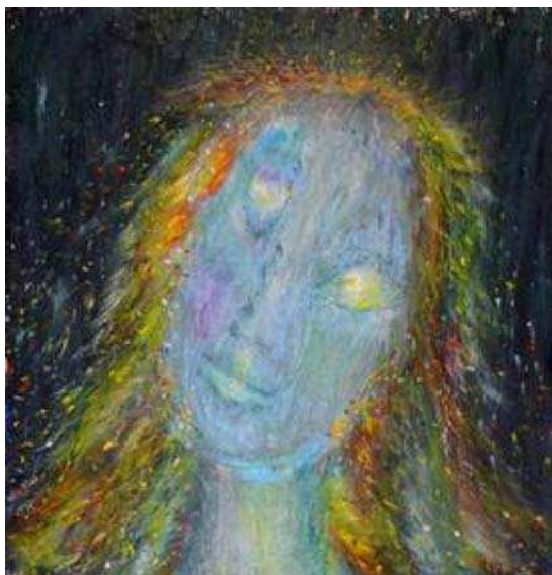
0o: squirrel@nowhere.com
8th January. 2007. 3:15 p. m
SUBJECT: OXFORD

Первое письмо в 2007 году. Уже из Оксфорда. Мы в New College. Новый Колледж очень старый, 14 века. Если бы мне году так в семидесятом сказали, что я месяц проведу в Оксфорде, я бы посмотрела на собеседника, как на сумасшедшего. Мы тогда вообще не верили, что заграница существует. «... А уж Англии точно нет...» — строчка Кушнера. Мы же в прошлом советские, нас большую часть жизни ни в какую за границу не пускали. Лиза работает гидом. Туристы — в основном наши бывшие соотечественники. Одна Лизина подопечная воскликнула: «Сам факт, что я в Лондоне!» Это надо видеть скорее, а то все исчезнет!! Исчезнет наша квартирка в замке 14 века — большая комната с камином и мраморной полкой над ним (в английском есть отдельное слово для каминной полки — mantel), над камином картина с подсветкой — портрет некоего оксфордского дона, старинный книжный шкаф. Выдали огромный железный ключ от двора, так я представляла ржавые ключи от средневековых городов. Этим ключом мы сами отпираем старые деревянные ворота. В нескольких шагах от входа в квартиру капелла с деревянным готическим резным алтарем. В ней «Св. Иаков» Эль-Греко. Никогда не видели с нее репродукций. Невозможно смотреть на это все одним. Хочется всех зазвать в гости. «Сколько бы вышло портянок для ребят!» В гостиной раскладывается диванчик. Немедленно сюда!!

Посылаю тебе свою картинку "Карнавал". Техника: масляная пастель "Сенель".

attachment N4

07KARNAVAL.JPG

540K Ĩ ðĩĩ ĩò ðàòũ ĩããðçè òũ Download

00: squirrel@nowhere.com

*9th January. 2007. 6:31 à m
SUBJECT: OXFORD*

В зале, где обедают и ужинают, снимался фильм про Гарри Поттера. Во дворе — один из самых больших дубов в Англии, дерево-лес. Стадо оленей в парке Мадлен-колледжа — с 17 века. Традиция совместных трапез в Оксфорде очень давняя, когда-то преподаватели не имели права жениться. Женщин стали принимать в колледжи с начала 20 века. На ужине все в мантиях. Р. тоже обязан надеть мантию, на вешалке висят свободные. Он долго путался в ее бесчисленных стволах-складках. Мы с Катрионой помогали, а девушка-дежурная, понимавшая по-русски, смеялась. Катриона Келли в этот вечер вела ужин, она постучала молоточком, произнесла что-то вроде «Бре-ке-ке-ке-кекс» (так мне, во всяком случае, послышалось), после чего все приступили к ужину.

To: squirrel@nowhere.com

11th January. 2007. 13:21 p. m.

SUBJECT: OXFORD

При записи в одну из здешних библиотек нужно подписать бумагу с заверением о том, что ты не знаком лично с неким Уильямом из 13 века, устроившим здесь поджог, и что ты обязуешься никогда, ни при каких обстоятельствах не иметь с этим Уильямом дела. Все это на полном серьезе, течение времени высокомерно игнорируется. Мне непременно скажут, что это островное сумасшествие. Здесь внутренние традиции важнее внешних событий. Бывают традиции-бастионы: семья соберется к воскресному обеду в пять вечера, даже если в это время объявят мировую войну. Мать в блузке с белым воротничком ждет, приборы лежат, скатерть накрахмалена, салфетки сложены. Книжный шкаф стоит века, как готический собор, и каждый фолиант в нем более незыблем, чем современный шаткий дом.

attachment 1 5

07 SAN-DZHORDZHIO MADZHORE.JPG

Posted via LiveJournal

To: squirrel@nowhere.com
20th January, 2007. 6:28 à m
SUBJECT: OXFORD

В Оксфорде есть комитет по привидениям. Привидения все наперечет, они должны быть зарегистрированы. По крайней мере, два авторитетных свидетеля должны заявить, что такого-то числа в таком-то месте повстречали привидение. А то каждый будет протезировать своему привидению или выдавать за него кольшущуюся занавеску, ветку, стучащую в окно, тень кота и т. д. Одно из немногочисленных Оксфордских привидений живет в нашем Нью-колледже, где мы пробыли уже две недели. Я подумываю, не отнестись ли к этому всерьез. Знакомая из Иерусалима таки сказала мне, как я и ожидала: «Ну, они там, на острове, совсем с ума сошли».

To: squirrel@nowhere.com
21st March, 2010. 7: 15 p. m
SUBJECT: SIRENA V ASHKELONE

Чтобы не переписывать, вот мой пост из Живого Журнала. У тебя все время рушится Интернет, поэтому посылаю пост с комментариями.

susanchik

Вчера поехали на день рождения в Ашкелон. Ашкелон, как известно, граничит с сектором Газа. Не успели поднять бокалы, как завыла сирена. Хозяйка дома попросила всех встать под притолоку. Ракета, к счастью, до Ашкелона не долетела, разорвалась где-то в безлюдном месте. Потом передали, что несколько человек увезены в больницу в шоковом состоянии. А в общем считается, что ничего не произошло, поскольку никого не ранило.

(5 комментариев) — (Добавить комментарий)
stop_by

2010-03-21. 06:05 p. m. UTC (link)

Я Вам очень признательна за этот пост — ничего не знала — срочно перезвонила
пожилым ашкелонским близким. Спасибо !:)

(Reply to this) (Thread).....

Do: squirrel@nowhere.com
9th October. 2010. 4:13 à m
SUBJECT: SAN GIORGIO MAGGIORE

Про Венецию, в которой мы прожили месяц, напишу отдельно, чтобы не превращать переписку в травелог. Пока посылаю лишь мой рисунок острова Сан-Джорджо Маджоре, где гостевой дом фонда Чини. Поскольку до сих пор не верю, что все это происходило в реальности, опишу потом.

To: squirrel@nowhere.com
21st November. 2010. 3:18 à m
SUBJECT: PLOKHAIA NOVOST'

Сообщаю тебе об уходе художника Бори Лекаря, которого ты знаешь, он приходил к тебе в Лондоне. Помнишь, мы ходили на квартирный вернисаж здесь, в Гило. В маленькой типовой двухкомнатной квартирке он устроил сорок восемь выставок! В их числе была и моя, и Машина. Квартира на вечер превращалась в галерею «Нина», по имени жены, чудесной Нины. В нее набивалось несколько десятков гостей. С ним что-то важное ушло из нашей иерусалимской жизни девяностых и нулевых. Боря был замечательным художником и человеком, но писать о нем пока мне трудно. Стихи памяти Бори Лекаря в аттачменте.

attachment 1 6

ÀÏDÁÈÁÈÀDÐ

ÁÀÈÛÑ ÑÎ ÑÈÁÇÎÉ

1

Зимнее время сменим на летнее,
Солнце на лето, зима на мороз,
Полосы темные, полосы светлые,
Светлые пятна темных полос.
Кружатся пятна, кружатся линии,
Кружатся птицы на проводах.
Кружится желтое, сизое, синее,
В светло-зеленых и серых глазах.
Кружит фонарь, и кружится лужа,
Светлые окна в темных домах,
Светлые пятна в темени кружат,
Светлая живопись в темных тонах.
В темных одеждах, в светлых одеждах,
Кружатся строчки — Блок, Пастернак,
Кружат с отчаяньем, кружат с надеждой,
Кружатся в ритме, кружатся в такт.
Что сочинилось, запомнилось с голоса,
Дождь — это просто ветер в слезах,
Светлые полосы, темные полосы,
Свет отражается в темных глазах.

2

И будет зрение, пока
Многоэтажны облака.
А ты, наверное, уже
На самом верхнем этаже.
Писал туманные холсты,
А стал совсем прозрачным ты.

Не жаль ушедших, им легко,
Прозрачность легче облаков.
Легко уходят в мир иной,
Становятся голубизной.
Они теперь счастливей нас,
Синее самых синих глаз,
Они — прогулка в трин-траве
И седина на синеве.

3

Тень кружевная снова закружится,
Кружится свет и кружится мрак,
Что-то все кружится, что-то не дружится,
Что-то не клеится, что-то не так.
Пишутся строки рябью по луже,
Окно разросло как на дрожжах,
Нет и не будет участи лучше,
Чем отражением быть в глазах.
Шар голубой и улица праздная —
Все померещилось, просто ты пьян,
Синее-синее, красное-красное,
В синем тумане желтый изъян.
Все дорогое дорого, дешево,
Продано, предано — это не так,
Было немало с нами хорошего,
Кроме круженья музыке в такт.

To: squirrel@nowhere.com
24th March 2011. 7:11 à m
SUBJECT: KHRONIKA

ŌDĪ Í ÈÈÀ:

Палестинские террористы выпустили две ракеты «Град» в направлении Ашкелона. Система оповещения «Цева Адом» не сработала. Ракета попала в общественное здание, сообщается о взорвавшемся автомобиле. Осколочные ранения от разлетевшегося стекла получил трехмесячный младенец. Две ракеты «Град», выпущенные в сторону Ашкелона, сбила система ПРО «Железный купол». Незадолго до обстрела Ашкелона ракетному обстрелу подверглась Беэр-Шева, система ПРО «Железный купол» сбила одну ракету, вторая взорвалась на пустыре.

Статистика ракетных обстрелов Израиля с территории сектора Газа (в статистике учитываются только ракетные обстрелы, не указывается общее число пострадавших в результате ракетно-минометных обстрелов):

2011-й год:

Август. 64 обстрела, 120 ракет, не менее 15 ракет сбиты системой ПРО. 1 погибший, 24 человека ранены. (По состоянию на 24 августа.)

Июль. 15 обстрелов, 24 ракеты. Пострадавших нет.

Июнь. 2 обстрела, 2 ракеты. Пострадавших нет.

Май. Ни одного обстрела.

Апрель. 22 обстрела, 41 ракета, 9 ракет сбиты системой ПРО. Один погиб, один ранен в результате ракетного обстрела автобуса.

To: squirrel@nowhere.com
25th March 2011. 12:27 p. m
SUBJECT: KHRONIKA

Выбрались на несколько дней в Эйлат. Не успели собрать пляжную сумку, как позвонила Поля: в Иерусалиме теракт.

ÔDÎ Î ÈÈÀ:

Время публикации: 23 марта 2011 г., 15:23

Теракт возле Центрального автовокзала в Иерусалиме: одна погибшая, десятки раненых. Примерно в 15:00 прогремел мощный взрыв. К месту происшествия прибыли машины «скорой помощи» и полицейские. В результате теракта погиб один человек: женщина, госпитализированная в очень тяжелом состоянии, вскоре скончалась от ран. Число пострадавших превысило 50 человек, сообщили полицейские источники. Трое из них получили тяжелые ранения, пятеро — средней степени тяжести. Полицейские сообщили, что возле пассажирского автобуса компании «Эгед», следовавшего по маршруту 74, сработало взрывное устройство, весившее от 1 до 2 кг. Вероятно, террористы спрятали бомбу в сумке, оставленной на автобусной остановке, возле телефонной будки и киоска под названием «Пицуц шель киоск» («Взрывчатый киоск» — такое название киоск получил из-за теракта, совершенного 15 лет назад). Начальник Иерусалимского округа полиции генерал-майор Аарон Франко сказал, что взрыв прогремел, когда продавец киоска позвонил в полицию, чтобы сообщить о подозрительном предмете. По состоянию на 13:00 24 марта имя женщины, погибшей вчера в результате взрыва бомбы в Иерусалиме, не разрешено к публикации. Радиостанция «Коль Исраэль» передает, что погибла 56-летняя женщина, гражданка Великобритании. В 15:30 было разрешено к публикации имя погибшей: Мэри-Джейн Гарднер. Судя по имеющимся данным, эта женщина, у которой нет близких в Израиле, находилась в Иерусалиме в качестве туристки. Она была доставлена в критическом состоянии в больницу, где вскоре скончалась. Для опознания погибшей были привлечены иностранные дипломатические представительства. Больница «Адасса Эйн-Керем» открыла «горячую линию».

To: squirrel@nowhere.com

9th September, 2011. 8:17 p. m

SUBJECT: JABLOCHNAJA SHKOLA

Есть и приятные события: мне подарили айпад. Он такой тонкий, что выглядит нереальным. Преимущества айпада иногда можно объяснить на пальцах, внятно, а иногда нельзя — это как разница между гением и отличником. Неуловимое не всегда поддается вербализации. Похожие на большую бритву «Жиллетт» пластины напоминают экспонаты на выставке постмодернистского искусства. Живое всегда заводится в хаосе, над путаницей электронной схемы — диодами, кристалликами, полупроводниками, проводками, слотами — появляется одухотворенный смысл. Так непонятный дух однажды осенил колебательный контур. И родилось радио. Неслучайно плато назвали материнским. Во всех этих изделиях на «ай» Стива Джобса и его «яблочной» школы есть граница, где «железо» заканчивается и начинается иное, нематериальное. Рисую в программе для художников Art Rage. Некоторых отпугивает все связанное с компьютером. Хотя самое, казалось, прагматичное, становится самым интригующим. Теперь уже по всему миру устраиваются выставки виртуальных картин. Есть пастель, есть акварель, масло, а есть и такое. Более того, получаются вещи, которые возможны только в этой технике: дымы, свечение, прозрачность. Напоминает живопись на стекле, но не совсем. Вот только это как ранголи, при переносе на бумагу многое теряется, картинка существует только в воздухе. Но я в этой эфемерности тоже что-то нахожу. В Японии есть обычай: достигнув известности, художник меняет имя. Хотя прочла, что уже придумали специальные стеклянные экраны, на которые выводят такую живопись. Поясню: у меня было когда-то сочинение, которое называлось «Ранголи». Это рисунки цветным песком на воде или на земле, которые живут короткое время.

attachment N7

03 У ОКНА JPG

1445K ĭ ðĩĩ ĩ ò ðĩòũ ĩ ããòòè òũ Download

Posted via LiveJournal app for iPad.

To: squirrel@nowhere.com

12th September. 2011. 5:32 p. m.

SUBJECT: NIANIA REGA

Мои родители жили еще по буржуазным довоенным порядкам, и обязательно в доме, где растет ребенок, должен быть «человек», домработница, она же и няня. Так у нас с моих шести лет поселилась в девичьей комнатке за кухней Регина, Рега. Девичья комнатка — это тоже из буржуазной жизни, комнатка за кухней для прислуги всегда была в квартирах. В советское время это уже считалось маленькой полноценной комнатой. По профессии повар, готовила она почему-то невкусно. Ее мясо в рыжем соусе и кроликов я не могла есть. Но переступать пределы кухни и заменять Регу никому не позволялось. Еще Рега познакомила меня с идеей Б-га. До семи лет она была для меня авторитетом. Но я пошла в школу. У первоклассников уже проводились политинформации и уроки атеизма. Явернулась домой и с возмущением заявила Реге, что Б-га нет и она меня обманывала.

Posted via LiveJournal app for iPad

To: squirrel@nowhere.com

12th September, 2011. 7:43 p m

SUBJECT: NIANIA REGA

Когда я пошла в первый класс, Реге поручено было учить меня книксену. Книксен — род реверанса, приседание с поклоном (Брокгауз). «Книксен» — слово уютное, одной породы с «кренделем», «пумперникелем», «штруделем» и другими бытовавшими бюргерскими наименованиями. Женские школы тогда еще не упразднили. Школа, в которую я поступила, была странной смесью женской гимназии, сталинской школы и «Петершуле». Проходя мимо директрисы, нужно было присесть в книксене. Я боялась, что книксен у меня не получится, и дома мы с Регой репетировали. Директриса в нашем детском сознании была высотой с многоэтажный дом или гору. Имя и отчество у нее тоже были большие, длинные — Антонина Афанасьевна. На горе были бугры, они колыхались, от этого она выглядела еще массивней. Вершину горы венчала особая башенка с валиком, призванная делать гору еще выше. Я недоумевала, зачем из такой прекрасной вещи, как свободно распущенные волосы, строить крепостной вал и башни. То, что меня так устрашало, было всего лишь официальной учительской прической. У подножия Антонины протекал синий ручеек из крошечных фигурок в форменных платьицах. Поравнявшись с ней, мы должны были присесть в книксене и на секунду застыть. Маленьким комочкам, оцепеневшим от страха, нам

жили в деревне Волосатая у тети Паши, туда же приехала моя бабушка, сактированная из лагеря. В этой деревне она умерла и похоронена. Мы ничего не знали о второй криминальной жизни Волоса. Иногда он появлялся с редкими книжками. Оказалось, что это библиофильство подкреплялось чисткой квартир с библиотеками. Волос помогал нам делать ремонт, таскал мебель. Сказал: «Тима, если б у меня была такая картотека, я бы тоже ученым стал». Потом его посадили, кажется, за ограбление квартиры отсутствовавшего в ту пору дома работника советского консульства в Мали.

В последние годы о его приключениях мы узнавали из газет. Сейчас в связи с расследованием дела о миллионной афере с земельным участком в Риге он находится в бегах.

To: squirrel@nowhere.com

20th September. 2011.

3:13 p. m

SUBJECT: NO SUBJECT

ÑĖŌ×ĂĔ¹ 3

Áúò èàé òààòđ Āi'áđòá

Мы были на еврейской свадьбе в Риге, где одна гостья все рвалась и рвалась произнести тост. Наконец все затихли, стали ее слушать. Она высоко подняла бокал: «Я хочу выпить. За того, кто делал тейглах!» А потом в сторону: «Разве это тейглах?»

To: secunda@nowhere.com

30th Īñtober. 2011. 4:22 p. m

SUBJECT: DEN ROZH DENIA

Вчера отмечали мой день рождения.

ŌĐĪ Ī ÈĔĀ:

Палестинцы выпустили четыре ракеты «Град» в сторону Ашкелона.

Время публикации: 29 октября 2011 г., 20:08

В Ашкелоне и его окрестностях сработала система раннего оповещения о ракетных обстрелах «Цева Адом». Жители Ашкелона сообщают о трех взрывах, возможно, на территории города. Слышны также сирены машин «скорой помощи». По уточненным данным, в направлении Ашкелона было выпущено четыре ракеты: одна взорвалась на пустыре в округе Хоф-Ашкелон, еще две ракеты «Град» разорвались на территории Ашкелона. По предварительным данным, одна из них попала в жилой дом. Два человека получили ранения, в том числе один — тяжелое. Информация уточняется. Ранее по израильской территории было выпущено не менее 20 ракет и минометных снарядов, два человека получили осколочные ранения, одна девушка была травмирована в результате падения, когда бежала в бомбоубежище.

Погода была теплая, мы сидели в саду, настроение у всех было хорошее. Но в конце дня оно испортилось.

Когда наши гости возвращались домой, в Ашкелон, начался ракетный обстрел города. Один погибший, есть раненые. Вот так всегда, невозможно порадоваться солнцу, сине-желтому дню. У моих родителей, наверное, было сознание жертв, в детстве мне часто говорили: «Смеешься? Скоро плакать будешь!»

ATTACHMENT N 8

MASLICHNAJA GORA VECHE ROM 2020.JPG

Posted via LiveJournal app for iPad

ЛЕХАИМ МАРТ 2012 АДАР 5772 – 3(239)

СУХОЕ ПЛАМЯ

ΓΕΕΕΘΑ ΑΕΕΝΑΑ

Α ι άδσά εμ τείγσσί 80 εάσ μ άίγ δτσεάίεγ ε 10 εάσ μ άίγ μ άδσέ çá á-άσέυί τμ ίδτçεέσά Οδσεάδσά Αίδαι σδσείá. Γσεάί δία γσίε άσού εçάσάευίδσάι «Αçάσέα» ίδσνδσί εέί ε άίί δπσά μάδαιεγ μ-εíáεε ίεμσάεγ á άνμú ε σίί άσ. Γ ίδτçá Αίδαι σδσείá ε «αçάσ-ίίί» ίδτσεά -εσάσάεγί «Έσάσεí á» δάμπεαçίάσάσ Γεεεσά Αεεείάá

Αίάδσε Οάδσετσεεε πσεσάδαι ε Αίίάσάμí Ααίείίεμí ε Γσάσέυίε Αίίάσδ-σέ íá μίάί εάσ «Νίεγδσά», πνái άδσε εíσ ίδτçά άυε ίαίεμá Οδσεάδσί Αίδαι σδσείίί ίί ί γσέάί δίί άίá Νσάίεμσάá Έάί á

Хармс делил писателей на огненных и водных, сухих и влажных. По этой классификации Фридрих Наумович Горенштейн относится к огненно-сухим. Сухое пламя. Огненный сухарь. Абсолютное спокойствие. Четкость. Сухость.

Он недаром стал сценаристом. Черная точка вши на белой блузке злой и несчастной девушки из повести «Искупление» помнится всем, кто эту повесть читал. Более того, можно (от ужаса) забыть всю событийную, сюжетную, сторону напрочь, но вошь, которая выползла во время танца, вошь, которая разом перевернула радость и счастье в позор, горе и унижение, — уже не забудется никогда. Эта деталь сконцентрировала весь мрак повести и закрыла его собой. Может быть, ради этой детали Горенштейн и писал «Искупление», как Пушкин писал весь «Медный всадник» ради четырех строчек про «тяжело-звонкое скаканье».

По бестрепетному, спокойному взглядыванию в трагедию XX века Горенштейн может быть сравним разве что с Андреем Платоновым. Но Платонов не так страшен. У Платонова все же есть влажность: странности стиля, фантастический синтаксис, даже юмор, не менее странный, чем его стиль. У Горенштейна ничего подобного. Все отжато. Подчеркнуто правильная, литературная речь без украшательства, без извивов. Деловая, деловитая проза. Внимание к детали. Анджей Вайда мечтал экранизировать «Дом с башенкой» Горенштейна. Его восхитил золоченый портсигар инвалида. В портсигаре инвалид носил кислую капусту на закуску. Такое не забудешь.

Прочтенный Горенштейн запоминается именно так. Общим ощущением и деталями. Он врезается не в память — в подкорку. Память-то как раз Горенштейна — в точности по Фрейду — отторгает. Можно забыть название рассказа о гибели интеллигентной еврейской семьи, можно забыть фабулу, но саму историю про двух еврейских малышей, привыкших к уюту, ласке, заботе, к культуре и рухнувших в ад советского детдома, запоминаешь кожей.

Чаще всего в связи с Горенштейном поминают Достоевского. Это неудивительно. Одна из пьес Горенштейна так и называется: «Споры о Достоевском». И это глубоко, принципиально неверно. Не было писателя более враждебного Горенштейну, более неприятного и неприемлемого, чем Достоевский. Дело не только в подчеркнутом антисемитизме последнего. В конце концов, самый близкий Горенштейну русский классик — Чехов — тоже был не чужд этой заразе. Дело в другом — как раз в том, что отделяет друг от друга Чехова и Достоевского: в сухости, в строгой отжатости повествования, не допускающей никакой сентиментальщины, никакой мягкости. Один из своих сталинградских очерков Василий Гроссман назвал «Глазами Чехова». Чехов — фамилия сталинградского снайпера. Название получилось двусмысленное или, точнее, двоясмысленное. Глаза Чехова — глаза безжалостного, точного снайпера. Такие же были и у Горенштейна.

Достоевский для него — точка отталкивания, не притяжения. У Горенштейна никогда бы не было такого сентиментального и, в общем-то, фальшивого финала, как в «Братьях Карамазовых». Мальчики собираются у могилки сверстника, которого они мучили всю его короткую жизнь, а под конец опаматовались и принялись холить и лелеять. И вот теперь они все стоят вместе, возрожденные к добру, исправившиеся, покаявшиеся, искупившие свою вину, прощенные Б-гом, то есть автором романа, и слушают речь Алеши Карамазова о вечной жизни и о том, как они сейчас блины будут есть, потому что это тоже вечное и доброе.

Вот такой метафизической сопли ни у Горенштейна, ни у Чехова быть не могло. В вокабуляре этих авторов нет слова «прощение». Они не прощают. В принципе — не прощают. Возмездие есть в их словаре, а прощения и в помине нет. И это ближе к XX веку, чем кающийся интеллигент-убийца Достоевского.

Достоевского помянул в одном из своих нелюбимых отзывов на фильм «Солярис» Станислав Лем. Сценарий к этому фильму по роману Лема писал Горенштейн. Лем не признал свое произведение. Не узнал его. Первый его отзыв был просто за гранью приличий. Когда польскому фантасту и философу сказали, что фильм пользуется невероятным успехом у западных интеллектуалов, Лем ответил: «Картинки хорошие, но вслушались бы эти интеллектуалы в текст. Мои герои говорят языком передовиц из газеты «Правда»». Обидно и несправедливо. Даже хочется огрызнуться: «Пан Станислав, а вы давно «Правду» читали? Хоть бы кто-нибудь там так заговорил...»

Но когда раздражение проходит, замечаешь, что в чем-то важном Лем прав. Его тонкая, печальная, философская, чуть ироничная проза огрубилась, стала резче, безжалостнее. Плакатнее? Газетнее? Остроугольнее... В ней появился непредусмотренный Лемом обертон, каковой он и сам заметил и отметил, когда поуспокоился. Отвечая на какой-то пресс-конференции на вопросы о шедевре Тарковского и Горенштейна, он не менее точно, хотя гораздо более комплиментарно, объяснил причины своего неприятия: писал, мол, в сторону Канта, а русские сняли «Преступление и наказание».

В точку, ибо Лем писал о границах человеческого познания, а Горенштейн — о том, что грех, преступление, проступок неискупимы, не прощаемы и непрощительны. Тебя никто и ничто не может простить, если ты совершил гадость. Нет той Гретхен, которая отмолила бы твой грех, даже если ты гений и Фауст. Если из-за тебя покончила с собой женщина, то возродись она каким-то чудом, ты убьешь ее по новой. Или в космос отправишь болтаться в ракете-спутнике, или аннигилируешь рентгеновскими лучами. Твое преступление с тобой, никуда оно не денется. «Солярис» такой, каким его написал Горенштейн, даже не «Преступление и наказание», но «Преступление и антинаказание», ибо нет ничего в мире, что могло бы стереть или преобразовать преступление. Нет наказания, адекватного преступлению. Поэтому нет ни прощения, ни искупления.

Одна из самых страшных вещей Горенштейна названа «Искупление». Теперь уже не спросишь, не поинтересуешься: думал ли Горенштейн о другом «Искуплении» русской литературы второй половины XX века, о повести Юлиа Даниэля? Очень сомнительно, чтобы Горенштейн, вращавшийся в киношно-писательской московской среде, не знал этого текста, за который автор схлопотал срок.

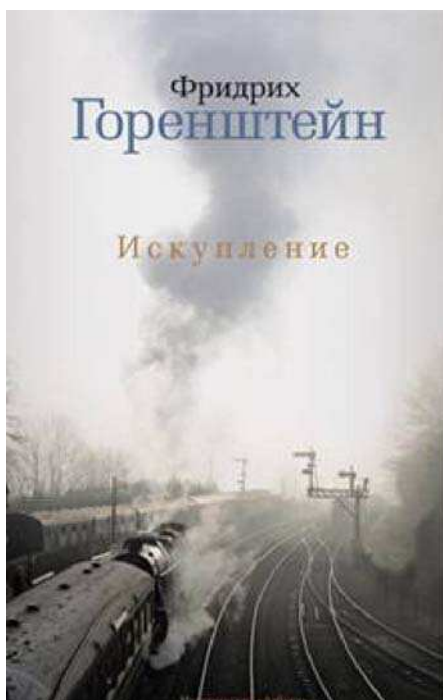
Ничего общего у горенштейновского «Искупления» с даниэлевским нет. За исключением названия, но названия-то большими писателями даром не даются. Потому-то и кажется, что Горенштейн возражает Даниэлю. Не сюжетно, не тематически, а, так сказать, мировоззренчески-настроенчески. Ибо

Даниэль — писатель влажный, водяной. В его мире есть место и надежде, и искуплению. Горенштейн мог бы повторить вслед за Кафкой: «О, в нашем мире бесконечно много надежды, но только не для нас...»

В России не было другого писателя, который столь сурово судил бы человека и о человеке, как Горенштейн. Впрочем, нет. Были. Один уже назван: Чехов. Другой — Шаламов. Причем к Горенштейну ближе всего жесткий пафос ригориста и богоборца Шаламова. Кстати (а может, и вовсе нестати), как и Горенштейн, великого любителя кошек и собак. В одном перестроечном интервью с Горенштейном есть совершенно восхитительное место. Неглупая журналистка принялась расспрашивать Горенштейна о фильме Киры Муратовой «Астенический синдром», справедливо решив, что по степени жестокости и безжалостности он должен прийти писателю по сердцу. К ее немалому удивлению, Горенштейн в пух и прах изругал этот фильм за жестокость и безжалостность по отношению... к собакам и кошкам. Нельзя было показывать собачье-кошачью бойню. Журналистка тихонько заметила, что ведь и по отношению к людям фильм Муратовой... и была резко прервана писателем: «А вас чего жалеть?»

В этом весь он. Сухое пламя, огненный сухарь. Страшный суд. Лазарь Лазарев в мемуарном очерке о Горенштейне писал: феноменальный случай. Писатель, который не стремился к читателям. Ему этого не надо было. Сухое пламя горит само по себе. Читатели от него чаще всего шарахаются. Обжигает, царапает, выцарапывает в душе нечто такое, чего уже не забудешь, даже если бы хотел. Прекрасный русский язык и очень едкие фабулы. Редкий случай русского писателя, адекватного XX веку — убийце, волкодаву. Русские все должны смягчить, осветлить. Вот из этой парадигмы Горенштейн ушел рано, хлопнув дверью. Он бьет по чувствам раньше, чем успевает рассказать историю до конца. Он еще только начал, а ты уже сбежал, причем не только от малодушия, а просто оттого, что все каналы восприятия уже забиты. Но прочитанное-непрочитанное долго не отпускает, может и поселиться насовсем.

Здесь есть один мотив, который нельзя не напеть, раз писатель умер и образ его выкристаллизовался, сомкнулся с его творчеством, стал не столько дополнением, сколько противовесом его безжалостной прозы. Самый трагический писатель русской литературы XX века в жизни (по всем законам житейского, бытового или бытийного равновесия) был едва ли не комической фигурой. В бытовых своих проявлениях он порой напоминал Чаплина. Не артиста и режиссера Чарльза Спенсера Чаплина, а его персонажа, бродяжку Чарли, изо всех сил старающегося выглядеть джентльменом. Потрясенный Лазарев вспоминает, как он впервые увидел автора мощного трагического рассказа, от которого (от рассказа, а не от автора) шарахнулись прочь во всех редакциях советских журналов. Перед Лазаревым стоял молодой человек в костюме-тройке. В Москве уже давным-давно никто не поддевал под пиджак жилетку. Но даже не это поразило Лазарева, а какой-то странный вид этого шикарно-старомодного костюма. Житейски опытная жена критика потом объяснила мужу странность гардероба франта. Тройка была даже не базарная, но самодельная.

То была жажда подтверждения своей реализованности, своего места в жизни. Тот же Лазарев с тем же удивлением вспоминает жуткого вида здоровенный перстень, купленный Горенштейном с первых своих довольно крупных киношных гонораров. Лазарев не преминул посмеяться над таким «удачным» вложением капитала. Посмеялся не без риска, Горенштейн был обидчив и обид не забывал. Но тут Лазарев услышал спокойно-недоуменное: «Тебе не нравится? А по-моему, очень красиво...» Мандельштам называл подобные финты «яростной камер-юнкерской борьбой поэта за свое место в мире». Материальный знак победы. Фиксация удачи. Русская поговорка «на Б-га надейся, а сам не плошай» для Горенштейна звучала по-другому: «Не надейся на Б-га. У Б-га и без тебя хлопот хватает. Сам не плошай». Отсюда его обидчивость, скандалы, самодельная тройка, пугающих размеров перстень или огромный стол на малахитовой основе, купленный на гонорары с французских изданий и с трудом втиснутый в небольшую берлинскую квартиру. Символы. Горенштейн был настоящим мистиком и настоящим материалистом. Символ должен быть материально внушителен, как перстень, как малахитовый стол-гигант.

В жестоком мире нельзя плошать. Погибнешь. Это Горенштейн понял очень рано. Его отец был арестован и погиб. Горенштейн видел дело своего отца, профессора политэкономии. В одной из статей Наум Горенштейн доказывал нерентабельность колхозов. «Идеалист, — откомментировал статью отца сын, — можно подумать, что колхозы создавались для рентабельности». Мать бежала с сыном из Москвы в Бердичев. Сменила фамилию и имя сыну. Сын стал Феликсом Прилуцким и оставался им до самой реабилитации отца. Накануне прихода немцев в Бердичев матери и сыну удалось бежать. Сестры матери были уничтожены нацистами.

В разрешенное советское литературное пространство Горенштейн смог войти единственным рассказом об эвакуации «Дом с башенкой». Дальше — шлагбаум опустился. Путь в официальную литературу был писателю закрыт. Горенштейн это понял. Он природно, стихийно не подходил этой среде. Не так видел, не так изображал увиденное. Не умел сглаживать углы.

Оставался самиздат. Но самиздат предполагает верных, готовых на риск читателей-единомышленников, которых должно быть немало. У Горенштейна не могло и не может быть очень много читателей. Василий Розанов только хвастался: «Я с читателем не церемонюсь». По-настоящему не церемонился с читателем именно Горенштейн. По этой причине круг его читателей не столько узок, сколько глубок или высок. Он, например, стал любимым писателем Франсуа Миттерана. Но стать массово почитаемым и читаемым Горенштейну никогда не грозило. Значит, и самиздатский путь был закрыт. Что оставалось? Писать в стол, ждать своего часа и зарабатывать на жизнь сценарной халтурой.

Надобно особо сказать о сценариях, которые Горенштейн делал для заработка. Строго говоря, и они халтурой не являлись. Оставим за скобками абсолютный кинематографический шедевр «Соляри», не будем говорить об одном из лучших фильмов Никиты Михалкова «Раба любви», но даже залихватский вестерн-истерн «Седьмая пуля» Али Хамраева в высшей степени достойное кинопроизведение.

Горенштейн везде остается Горенштейном. Он всегда гнет свою линию. Подпольщик, яростный фанатик из «Рабы любви», который кричит после документальных кадров умирающих от голода детей-скелетиков: «Это простить? Это им простить?» — горенштейновская тема. Тема человека, не намеренного никому ничего прощать. Лихой командир красного отряда из «Седьмой пули», в упор расстреливающий басмачей во время намаза и тем спасающий свою жизнь, — то самое, горенштейновское: «Не надейся на Б-га, только на себя. На оставшиеся у тебя семь пуль в барабане револьвера».

Момент выхода к читателю был выбран Горенштейном со снайперской, револьверной точностью. Ни раньше ни позже. Раньше — и его раздавило бы всеильное государство. Позже — и он не прорвался бы сквозь базар формирующегося литературного рынка. В конце 1970-х он говорил Лазареву: «Пора печататься». Не просто печататься за рубежом в тамиздате или здесь в самиздате. Нет, первая повесть Горенштейна — «Ступени» — выходит в самиздатском альманахе «Метрополь», где рядом с ним не прошедшие цензуру тексты Василия Аксенова, Беллы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского, Виктора Ерофеева, Юрия Карабчиевского, Семена Липкина, Инны Лиснянской, Владимира Высоцкого — вот в этой компании он врывается в неподцензурную литературу. Вот после такого скандала уезжает и закрепляется в литературе эмигрантской.

Ἐπιπέρι Ἰ ἀδῶν ἀοῖτᾶ ἀ δέεῖν ἃ Ἰ εέεδῶ Ἰ εῶῶεῖτᾶ «Ἐῶῶ εῖρᾶῶ».

Ἰῶῶῖ ἀδῶε αῦε Ἰ αῖ εῖῶῖ Ὀδῶδῶδῶῖ Ἰ Ἰῶῶῖ εῶῶεῖτᾶ. 1975 Ἰῶῶ

За десять лет до падения тоталитарной империи Горенштейн сделал себе имя и вошел в перестроечную литературу уже не только автором сценария «Соляриса», но и как признанный писатель российского зарубежья. Его трехтомник, выпущенный в начале 1990-х издательством «Слово», осел чуть ли не во всех интеллигентных домах России.

О самом себе он не без гордости говорил: «Я — писатель незаконный». Определение странное, но точное. Потому-то и пишется о нем незаконно, неправильно. Вообще-то следовало в начале сообщить, что питерское издательство «Азбука» взялось издать всего или почти всего Горенштейна. Это не собрание сочинений. Серия. Вышли первый том с повестями «Искупление», «Попутчики», рассказом «Дом с башенкой» и мемуарным очерком Лазаря Лазарева, второй том с полным текстом романа «Место». Готовится к изданию том с философским романом «Псалом» и предисловием биофизика Григория Никифоровича, пишущего книгу о любимом писателе.

В четвертый том серии, пока условно названный «Перевоплощения», войдут «Зима 53-го года», «Ступени». Пятый будет посвящен пьесам и малой философской прозе. В шестом будут опубликованы кинороманы «Скрябин» и «Летит себе аэроплан» (о Марке Шагале). Седьмой — киносценарии.

Планируется и восьмой том, с последним, оставшимся в рукописи сочинением Горенштейна, названным автором «Веревочный роман». Горенштейн всегда писал от руки, писал и переписывал, а уже потом диктовал написанное машинистке. Как и положено много пишущим людям, почерк у него был плохо читаемый, так что «Веревочный роман» предстоит еще расшифровать, разобрать, расплести.

af-ee n eadoloaeai, iadilolei aeelenole cai eae; e dyau aafie ni adelfaaiiui e yeoi e ia iteao, nifai camedofaaiua aeefaeiu a eadidolode; e ia-aiua a eifraeo n ecfadaaeaeai oafai ni aenbaa ia edusea — daanidua aae, eeuaabueay aaf ueiu, nuaaeaiua i ee-eiu; e odaaey aafie nadei; e deii diaefar-ife aoi aae, ifofae e ia iodep Oid; e iaafieuea aai, canouae a ifca ni iadafiaa daafiaey; e idenifiaia e noae aumey nodai yiea, aadua a oofeue dae efaeey. A i aapeia amiaia i aiaaui a eifoaou oiaa daaeeni ia aadileo iteao, itaueoa io aadae. Ii-ai o oadaa ifaie aai i a-ei adoniy ia caeoa?

Соседство сосисочных гирлянд и вопроса о начале еврейского дня — характерное для Хемона сближение быта и метафизики, сегодня и всегда. Внутренние рифмы между временами оказываются жуткими. Запоминающиеся страхом героя описания того, как прячется в квартире Ольги, сестры Лазаря, безвинный и заподозренный в анархизме Исидор Марон, переключаются с еще только предстоящими облавами конца 1930-х — начала 1940-х, обесчестившими оккупированную нацистами Европу. Но Хемон прежде всего писатель, интрига для него не менее важна, чем тема. В этом зазоре между языком и сюжетом и мыкается литература.

Еще глубже в прошлое погружен герой романа «Сефард» Антонио Муньоса Молино (фрагмент в переводе Татьяны Родименко появился в № 12, отданном испанской литературе). Рассказчик — путешественник по миру литератор, повсюду обнаруживающий следы рассеянной некогда культуры. Они ведут в разные стороны, к прошлому и будущему, объединенным общим диагнозом — хронически обостренной памятью. Странствие по волнам памяти невозможно без музыки. Но как бы ни была мелодична партитура, ее исполнение приобретает макабрический характер — даже если мелодия возникает перед домом с двумя звездами Давида по бокам входной двери:

Aifera adyoi, oi eep, eifole ifaiaee e iadilolei cai i-ife nuaaeia aumiaia dae nmae e iadaaee io ioda e niq e ifeaeey a ifeae e caaifera ai noai yuei e ca-iui e eaoeeuee e ei afai e, di amai e e aae e e ia-yi e, eifolia aade Naefiefa e Daia ifoi caaoyo n maie a aeae iouu if edua iuaoei neta aia Iaaai, aii, e eifofra iaana oaeai ni uy Aadaa Niefcu eee Idei Eae, aie ifofa ia yoi. B adraee if i iuaui oer-eai Aaeiefia eadadae Oaaui, i daanuaeyy nua, eaeay deoeia afoadeaai caai a iadaa ai e ifiea ecaae — oaeay a a oi e a 1941 aaio ia eeoaio na adafiaa eadadae a Naefieao, ifiea oia eae iai ou aiape e ai aeoaee. A iai aieua iefiaa ia daaiaoniy aefia aaf-ae, iouabueo aae aadae-eo e ide yoi iaiaabueo di amai adaa oai, oi i ia afaeni oeeuaou aia a aadidai — di amai i aaf ueiaa, eifolia iaduaaeeeni a i aeefia ieaou, oiaa nuaaeoniy ni aadai e, eee i caefiaaai iuo eifiaa.

Боль о неслучившейся жизни — так можно обозначить «жанр» всех этих произведений, способных и сегодня взбудоражить общественную жизнь. Правда, будоражит в наше время не столько литература, сколько кино и театр — а в театре мало кто сравнится в разработке острых вопросов с поляками. Споры вокруг польских спектаклей, связанных с трагедией Холокоста, вышли за границы Польши и достигли России, где не все смогли адекватно оценить поразительную «(А)поллонию» Кшиштофа Варликовского (см.: Лехаим. 2011. № 5). Тем более в Москве сложно понять взрывной для польского общества характер пьесы Тадеуша Слободзянека «Одноклассники» (в переводе Ирины Адельгейм она опубликована в октябрьском «польском» номере).

«Прошло 70 лет с того страшного дня, 10 июля 1941 года, когда в оккупированной немцами Польше польские жители Едвабне согнали в овин и заживо сожгли сотни своих еврейских соседей, — пишет в предисловии к публикации Виктория Мочалова (см. ее рецензию на пьесу: Лехаим. 2010. № 12). — Подобные кровавые драмы происходили и в других городках Северо-Восточной Польши. После войны эти преступления разбирались в суде, были вынесены приговоры, но до подлинного осмысления этого “урока истории” в польском обществе дело дошло значительно позже». Судя по реакции в Польше на книгу «Соседи» Яна Томаша Гросса, запоздалое осмысление затянется на долгие годы.

Как далеко во времени могут продлиться потаенное чувство ущербности и комплексы, для которых невозможно найти психоаналитика, напоминает повесть Франсуа Эмманюэля «Человеческий фактор», переведенная Натальей Мавлевич (помещена в № 11, в «бельгийском» выпуске журнала). История психолога, работающего в филиале некоей крупной фирмы и получающего задание наблюдать за шефом филиала Матисом Юстом, оборачивается вынужденным путешествием в прошлое. О нем меньше всего мечтал Карл Розе, дававший это задание психологу с целью уволить Юста. Последний психически раздавлен терзающими его воспоминаниями о военном детстве и об отце, участвовавшем в уничтожении евреев. Но и сам Розе — питомец учрежденной Гиммлером организации «Либенсборн». Юст рассказывает,

что «это была система приютов для детей арийской расы, их забирали в младенчестве из детских учреждений или у родителей, часто это были сироты. В послевоенной разрухе многие из этих детей погибли, других, как в случае Карла Розе, усыновили немецкие семьи <...> В этом нет его вины, но благодаря этому он вырос в семье сторонников “Черного ордена”, и до сих пор поддерживает связи с людьми, исповедующими нацистскую идеологию. Я располагаю неопровержимыми доказательствами того, что он вносил деньги на счет фиктивной фирмы, передававшей их некой крайне правой группировке, в состав которой входят отряды боевиков». Но повесть — не о Розе, но о Юсте, об анонимках на нотной бумаге, которые он получает на протяжении многих месяцев (в анонимках описываются автомобили, в кузовах которых газом убивали евреев), и о стальной хватке прошлого, не выпускающего своих жертв.

Пьеса, воспоминания, роман, еще роман, повесть... Литературный мир многолик, но и он пасует перед историей. Ее невыдуманные сюжеты слишком жестоки, чтобы воспринимать их в чистом виде. Вымысел и психология оказываются слабой, но единственной защитой, позволяющей в навязываемых обстоятельствах не сойти окончательно с ума.

ΑΕΑΕΝΑΕ Ι Ϊ ΕΠΙ ΟΝΙΑ

ВЕРА ЧАЙКОВСКАЯ

Ê ÈÑÒÏ ÐÈÈ ÐÓÑÑÈÏÁÏ ÈÑÈÓÑÑÒÁÀ. ÁÁÐÁÈÑÈÀß Í ÎÒÁ

Ï.: ÒÐÈ ÈÁÀÁÐÀÒÁ, 2011. — 156Ñ.

ИСКУССТВО РАДОСТИ

Коллекций творений еврейских художников немало. Можно назвать некоторые имена собирателей: Ицхак Тшува, Иосиф Хахами, Яков Перемен, Габи и Эми Браун, Александр Фельдман и др. Один из них — Александр Шмуклер, при чьем содействии вышла книга художественного критика Веры Чайковской, ставшая своеобразным комментарием к его и подобным коллекциям.

Задача исследования заключалась в попытке — по возможности — выискать некую национальную специфику в искусстве художников-евреев. Чайковская, переработав свои многочисленные публикации в прессе (ссылок, к сожалению, нет), объединила их под одной обложкой. И, сложив пасьянс из разных художников и их картин, пришла к выводу: еврейское искусство — искусство радости.

В единомышленники автор призвала Бердяева, утверждавшего, что религиозное сознание иудеев ориентировано на грядущий приход Мессии и устройство земных дел в духе справедливости, христиане же на земное блаженство не надеются, перенося все свои упования на иное бытие. Потому-то еврейское искусство более мягкое, радостное, открытое чувственному миру, в отличие от русской строгости.

В русской традиции принято с безгливостью относиться к скромному уюту, житейскому счастью, непременно требующему эпитета «мещанское», в то время как евреи больше доверяют простым вещам и любят их материальной плотностью. А вот и пример: Кузьма Петров-Водкин и Давид Штеренберг почти одновременно, в 1917–1918 годах, пишут натюрморты с селедкой. В суровые послереволюционные годы селедка входила в паек. Для Петрова-Водкина быт, однако, не существенен, художник натюрмортом (внешне весьма, впрочем, изысканным) обобщает образ аскета, подвижника революции, к мирским радостям равнодушного. Штеренберг же пронизан доверием к вещам, он их разглядывает, стремясь передать вожделение изголодавшегося человека, увидевшего простую, но вкусную еду. Истинное величие — в возможности предаваться радости, даже когда бедствуешь. Штеренбергу достаточно изображения двух селедок на ослепительно-белом блюде, дабы передать нехитрое ощущение земного гнезда, домашнего угла.

У Саврасова, он в пасьянсе следующий, русская природа дана в хлябях и распутице, пускай под крики весенних грачей, холсты же Левитана напоены предчувствием, ликованием и нежнейшим трепетом. Валентин Серов еще в 1887 году, работая над «Девочкой с персиками», признавался: «Я хочу, хочу отрадного и буду писать только отрадное», каковое стремление противопоставлено исконной суровости русского искусства. Роберт Фальк прощался с авангардом, смеясь. «Красная мебель» буквально пронизана чувством радостного ликования, детского озорства. Его натюрморты — живописец именовал их «кардиограммами души» — высвечивали самые сокровенные переживания, передаваемые с веселым порывом к освобождению от груза мудрости затверженных истин.

Через годы революции, войны и сталинский террор Александр Тышлер пронес замешанный на любви и нежности сказочно-лучезарный мир. Своим искусством, этим «коктейлем» из странного и страшного, Тышлер «пел песенку», идущую от сердца. Даже изображая страшное, например убийщиков и быков на бойне, он изживал рисунком собственные непридуманные страхи.

Друг юности Тышлера Александр Лабас черпал вдохновение в научных открытиях и техническом прогрессе, оставаясь поэтом каждого мгновения земного бытия. Кстати, несмотря на увлечение художника дирижаблями и поездами, самолетами и автомобилями, в его вещах нет характерного, например, для Дейнеки жесткого конструктивизма — скорее юношеский утопизм и сказочность. «Невольно вглядываешься в фотографии художника, — пишет Чайковская, — может, какой-нибудь блаженный? Нет, лицо строгое, суровое, почти угрюмое». Иные критики пытались связать творчество Лабаса с немецким экспрессионизмом — напрасно. Жизнелюбие и напор делали художника прямым антиподом немцев, в своих полотнах смаковавших зловещее. Не случайно автор приходит к выводу, что Тышлер и Лабас чрезвычайно близки Шагалу в тяготении к изображению видений, снов и космических фантазий.

Эстет Меер Аксельрод в «пейзажах счастья» не отражал «волчий» оскал даже в самые глухие советские годы. Простыми движениями кисти и карандаша он «наддувал» тепло особого духовного пространства, где можно было жить и творить. Кажется, в его работах не найти черт национального колорита, его манера сдержанна, но тем не менее артистична, привержена жизненным деталям и любит «чепуху».

В работах Льва Табенкина, в особенности поздних, Чайковская обнаруживает серовское стремление найти «отрадное» в реальной жизни. Наш современник Семен Агроскин в натюрмортах изображает шаткие стремянки, обшарпанные шкафы, допотопные чемоданы, замызганные вешалки, но в этом хламе советского быта мастер ищет не умирание, а жизнь, словно подчеркивая основную мысль исследователя, что «мир держится на радости, еврейская же нота в русской культуре звучит “земным счастьем”, пусть даже подсвеченным трагизмом».

ÈÈÇÀ ÈÐÐÀÈ

ТРУДНОСТИ ПОДЗАГОЛОВКА

Разглядывая иллюстрации, помещенные в книге Веры Чайковской, ловишь себя на том, что, если заранее не знать, кто автор, не догадаешься о национальности художника. Разве что этнографические приметы могли бы стать подсказкой. Но как быть тогда, например, с видами Витебска работы Добужинского? Говорить о литовской ноте в еврейской культуре? Или о русской в белорусской?

Живопись не литература, ее язык описывается с трудом. Еще труднее определить «ноту» — термин, который принято использовать не только в музыковедении, но и в гуманитарных науках в целом. Кому-то наличие еврейского в творчестве Серова и Лабаса, Аксельрода и Левиной-Розенгольц кажется настолько очевидным, что оно не нуждается в доказательстве. Но самые очевидные вещи обычно и наименее выразимы. Не считать же определением специфики «еврейской ноты» замечание Веры Чайковской, что «у еврейских авторов элемент чувственного переживания мира, проникновения в его “живую плоть”, трагически-радостное приятие бытия выражены, как мне кажется, несколько сильнее и острее».

Возражения вызывают многие «эвристические предположения» книги. Одни касаются литературы: «Известный хасидский раввин рабби Нахман из Браслава (1772–1810) говорил: “Великий закон Торы — всегда быть в радости”. Теперь становится понятнее то “радостное” дыхание, которое свойственно лирике Мандельштама». Другие посвящены живописи. Автор предлагает выстроить цепочки русских и еврейских живописцев XIX–XX веков (Саврасов, Филонов, Петров-Водкин, Попков — и Левитан, Шагал, Тышлер, Фальк, Табенкин): тогда, мол, «бросится в глаза гораздо большая суровость, строгость и аскетичность русских художников в сравнении с более мягкими, радостными и ориентированными на чувственный мир художниками-евреями». Эта идея варьируется из статьи в статью: еврейская «специфическая художественная нота в этой общей симфонии состоит в большей чувственной погруженности и даже некоторой экстаической избыточности упоения “прелестью” мира, которые мы находим у еврейских художников...».

Допустим, книга, составленная из очерков, посвященных нескольким московским выставкам, изначально не претендует на теоретическую глубину. Но насколько правомерна сама постановка вопроса о «еврейской ноте» в русском искусстве?

Традиция вычленять «ноту» в некоем художественном массиве существует давно. Самые известные «ноты» — литературные, начиная со знаменитой «парижской». Во многом она была порождением ума Георгия Адамовича, который объединил этим термином поэтов-младоземigrants: Довида Кнута, Юрия Мандельштама, Анатолия Штейгера... Известный специалист по литературе русской эмиграции Олег Коростелев в одной из своих статей перечисляет другие подобные «ноты», среди которых и «иерусалимская» (предложивший ее Александр Гольдштейн прямо проводил аналогию с «парижской»), и «пермская», и «гудзонская», и «средиземноморская». Каждый раз это географический феномен, порождающий некие не вполне улавливаемые смыслы и существующий именно за счет расширенно-необязательного толкования. Когда же место географии занимает народ, то получается совсем странно: одна абстракция строится на фундаменте другой, читателю приходится блуждать в тумане романтических недоговоренностей. Хотя обоснование любого вновь вводимого термина требует отточенной четкости суждений, иначе тот рискует подвергнуться эрозии вплоть до исчезновения.

Подобных обоснований в книге Чайковской нет — как нет и обязательных, казалось бы, для такой темы имен: Абрама Минчина, Пинхуса Кременя или Осипа Цадкина. Их причисляют к т. н. «парижской школе» в искусстве (опять географический, а не национальный термин). Правда, исследователи пишут о «еврейской парижской школе», вычлняя авторов еврейского происхождения из массива «понаехавших» во французскую столицу в начале XX века со всего света художников. Но, скажем, в содержательной статье Натали Хасан-Брюне, опубликованной в каталоге выставки «Парижская школа» в ГМИИ, скорее рассказывается об арт-жизни на берегах Сены в 1920–1930-х годах, об антисемитских настроениях в художественной среде, чем делается попытка вычленить общее в творчестве «новых парижан». Да, автор цитирует статью Бернара Дориваля, писавшего в 1945 году о «еврейском экспрессионизме», но рассматривает ее как схему, а не как убедительную теорию. Позиция же самой исследовательницы обозначена так: «Очевидное присутствие еврейской расы в художественной среде дало жизнь термину “еврейская парижская школа”. Однако мы не встречаем ни одной явной еврейской темы в произведениях этих лет, также в них практически невозможно выделить общий набор приемов или особенный художественный язык».

Книга Веры Чайковской завершается авторским признанием: «Мне хотелось прочертить некую тенденцию, характерную для авторов-евреев, работавших внутри русской культуры и русского искусства». А начинается с рассказа о споре с неким редактором относительно Мандельштама — русский поэт он или нет. Редактор считал, что «русскоязычный, советский, но только не русский». Автор — что «поэт русский — в том смысле, что входит в систему русской культуры, питается ее соками и сам прокладывает в ней новые пути». Простейший и важнейший аргумент — Мандельштам русский поэт, поскольку пишет на русском языке, — никому в голову не пришел. Отсутствие этого аргумента можно счесть решающим и при разговоре о книге самой Чайковской. Когда язык искусства выпадает из разговора об искусстве, исчезает сам предмет беседы.

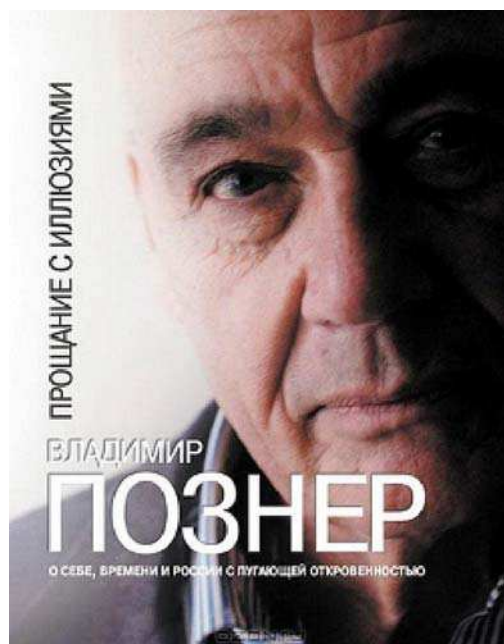
ΑΕΑΕΝΑΕ Ι Ϊ ΕΔΙ ΟΝΙΑ

ЛУШЕ ПОЗНЕР, ЧЕМ НИКОГДА

ЛЕВ ГУРСКИЙ

«Мой отец никогда не выказывал ни малейшей причастности к еврейскому миру. Он свободно изъяснялся на нескольких языках, но не знал идиша, не говоря об иврите. Ни он, ни его сестры не проявляли интереса к еврейской истории и культуре...»

«...Многие и многие намекали — мол, с фамилией Познер русским быть нельзя, и это было крайне неприятно, даже унижительно. Просто я ощущал, что по сути своей я — не русский».

Это — выбранные буквально наугад цитаты из новой книги знаменитого телеведущего Владимира Познера... Стоп. Пожалуй, формулировка неверная. Владимир Владимирович Познер выпустил в 2012 году старую свою книгу с новыми комментариями. Впрочем, и такая формулировка, хотя ближе к истине, тоже, строго говоря, не вполне точна. Ведь упомянутое произведение — и те его главы, которые появились в 1990-м, и последующие вставки — все-таки издаются на русском впервые. Другое дело, что основная часть книги, написанная автором по-английски, была, по крайней мере, знакома англоязычным читателям. А вот нашим — нет.

Впервые выпущенные в США более двух десятилетий назад и ставшие бестселлером (100 тыс. долларов гонорара, 12 недель в рейтинге *The New York Times*, мемуары Познера ни в СССР, ни — позже — в России изданы не были. Почему? Автор объясняет это своей профессиональной загруженностью: мол, ему постоянно не хватало времени самому сделать перевод, а порекомендовать столь тонкие мемуарные материи кому-нибудь другому он не хотел.

В этом правдоподобном объяснении кроется, однако, небольшое лукавство. Перевести собственный текст — все-таки не то же самое, что написать. Правда, скорее, в другом. Для времен горбачевских книга, несмотря на всю тогдашнюю гласность, была, пожалуй, чересчур радикальна (чего стоит, например, такой пассаж: «Экстремизм — это некое состояние ума, которое переживают все или почти все <...> Полагаю даже, что невозможно добиться некоторых вещей без экстремизма. Скажем, революции...»). А после краха коммунизма и распада СССР многие концептуальные «лирические отступления» Познера — в защиту социализма с человеческим лицом, к примеру, — мгновенно и безвозвратно устарели. Так что мало было перевести книгу. Гораздо важнее оказалось проверить временем собственные взгляды, оценить заблуждения и иллюзии. Вероятно, для этого и понадобился автору двадцатилетний срок. Книгу

1990 года писал еще не старый 56-летний мужчина. Книгу 2012-го завершал 78-летний патриарх советско-российского телевидения, фигура легендарная.

Рассуждения Познера — особенно новейшие комментарии к своему пройденному пути и текущим политическим реалиям — уже вызвали и еще вызовут горячую дискуссию и наверняка дадут возможность обвинить Владимира Владимировича в разных грехах: от неполиткорректности до русофобии, от оскорбления высших иерархов РПЦ до бытового приспособленчества (как продолжения житейской мудрости). Однако в любом случае собственно мемуарные главы книги остаются уникальным человеческим документом.

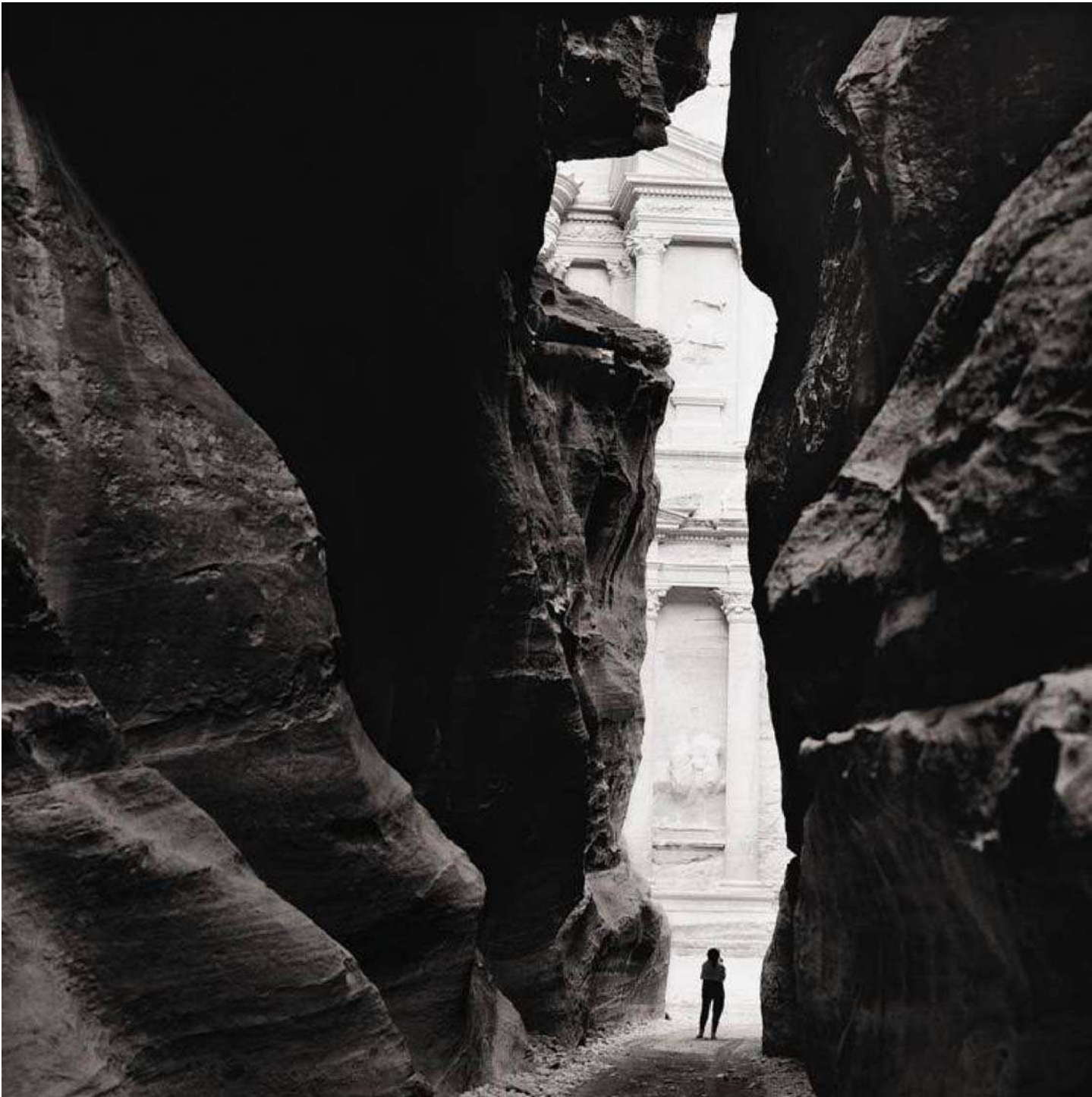
Кто бы и как к автору ни относился, всем придется признать очевидное: у Познера удивительная, невероятная, фантастическая судьба. Вся новейшая история прошла сквозь его биографию. Сын французской аристократки и потомка испанских евреев мальчиком застал Париж периода нацистской оккупации, а подростком очутился в Нью-Йорке (где в первый, но далеко не в последний раз услышал от уличного хулигана вопрос: «Ты еврей?» — и впервые ответил: «Не твое собачье дело!»). Он учился в школе в сумрачном Восточном Берлине, занятом советскими войсками, а доучивался и влюблялся уже в Москве, сотрясаемой «делом врачей».

Он видел гитлеровцев, гуляющих на Елисейских полях, и последнее публичное выступление президента Рузвельта на стадионе «Эббетс-филд». Он фанател от бейсбола, боготворил Джо Ди Маджио (много лет спустя великий бейсболист подарит популярному телеведущему мяч с трогательным автографом), собирал пластинки с «черной» музыкой и был однажды выброшен из автобуса за протест против сегрегации. Он видел Варшавское гетто — всего через несколько лет после восстания («пустынный, кучи битого кирпича, завывание холодного ветра, невыразимая печаль этой картины остались со мной навсегда»). Он жил в Берлине и ненавидел Германию и всех немцев за «самое страшное преступление из всех возможных» — попытку уничтожить целый народ («уж сколько прошло лет, а я пишу это, и во мне поднимается такая волна ярости, что могу вот-вот разорваться на части»). Он влюбился в СССР, еще не зная русского языка, он свято верил отцу, который говорил, что «в Советском Союзе нет нацизма, нет антисемитизма», — и его, юного идеалиста, поначалу не хотели брать в МГУ (шепотом сказали: «Двадцати четырех баллов более чем достаточно. Но у вас плохая биография. Вы выросли за рубежом, ваш отец — реэмигрант, ваша фамилия Познер — еврейская. Поэтому вас не приняли»). И это было потрясением для юноши — придя домой, он набросился на отца с упреками: «Ты куда это меня привез?! Это что за страна такая?..»

ΝΑΠΛΕΒΑΤΉ ΝΑ ΥΣΛΟΒΗΟΤΗ

ΑΑΑΑΙ ΕΒ ΑΑΔΘΕΙΤΑΕΧ

Çαείι:έέεινι διππεείεά άποδιέε άποάέε Αίε Εάείάεό. «Εεείυ όιόίάάόά 1990-2005» ίτεάçάε ά Αίππάάποάίίί Υδι έόάεά ε ΑΙ ΕΕ ει Α. Ν. Ιόεείά Ιό ίάί ά:ίί αάάε ε αάό celebrities, ίί τεάçάεινι ίί έι ί «Vanity Fair» ό Εάείάεό άπο ύ άδύάγ αεείύ Αά ίί ά ίδιό έάίίπποάέεά άγύίόά Ιόόάεάποάέγ, άάάάί άίίίππού όίάύ, άείά άίεάçίύ μ άδού, άαείύά ί ίί άίόύ ε ίδι άεόέε ί άεάό ίέι ε. Ιέ:άά ίά όίόίάίί, ίέεάέεά άάόάεε ίά ίτεάçάεεινι πέεθείί έε:ίύί ε, ÷όίάύ ίά ίίίάίγού έάι άόό ε ίά ππάάόύμ έι ίέ. xάίί-άάέέ, άαç όεέύδιέε.

Ñiḡçáí Çíí òááá Í áòðá, Èí ðááí éý. 1994 ãä Èç áéüáí à «Áí í è Èáéáí áéö. Æéçü óí òí ááòá 1990-2005»

© Áí í è Èáéáí áéö

ÑÁÍ-ÓÐÁÍ ÖÈÑÊÎ – ÓÓÄÇÈÌ À – ÈÁÐÓÑÀËËÈÌ – Í ÜÐ-ËÎ ÐË

Лейбовиц с детства привыкла к объективу как к чему-то обыденному, домашнему. Ее мать, Мэрилин, держала семейный архив в полном порядке, фанатично фиксируя каждое мгновение, снимая любительские фильмы на камеру, без конца обновляя фотографии в альбомах. Она изучила живопись в университете, но всю жизнь преподавала современные танцы, отчего, по-видимому, не унывала. Семейка была немаленькой, шестеро детей. Ее глава, Сэмюэль, дослужившийся до полковника летчик ВВС, как все военные, нигде особо не задерживаясь, скитался с домочадцами с места на место. Анни потом сравнит свое

кочевое детство с действием фотографа: «Что-то становится частью твоей жизни на короткое время, а потом ты уходишь навсегда». Третий ребенок в семье, она родилась в октябре 1949-го, в штате Коннектикут, в Уэстпорте провинции Уотербери. Выросла в еврейском квартале Силвер-Спринга в Мэриленде. Во время Вьетнамской войны часть отца была расквартирована на базе Кларк на Филиппинах. Прабабка и прадед по матери были еврейскими эмигрантами, бежавшими из России от погромов, отцовские родители приехали в Америку из Румынии. Очкастая дылда с римским профилем, будущий гигант мировой фотоиндустрии и, что там лукавить, международный бренд, в 1967 году она отчалила в Сан-Франциско и поселилась на Юнион-стрит. Подсознательно ощущая в себе присутствие микроба творчества (пусть поначалу и думала о профессии преподавателя живописи), Анна-Лу Лейбовиц поступает в тамошний Институт искусств. О лете 1967-го поэт и рокерша Патти Смит вспомнит потом как о «лете любви, лете “Эльвиры Мадиган”», когда везде крутили этот фильм шведа Бу Видерберга; времени хиппи, битников, рока и психоделики, групп «The Grateful Dead» и «Jafferson Airplane».

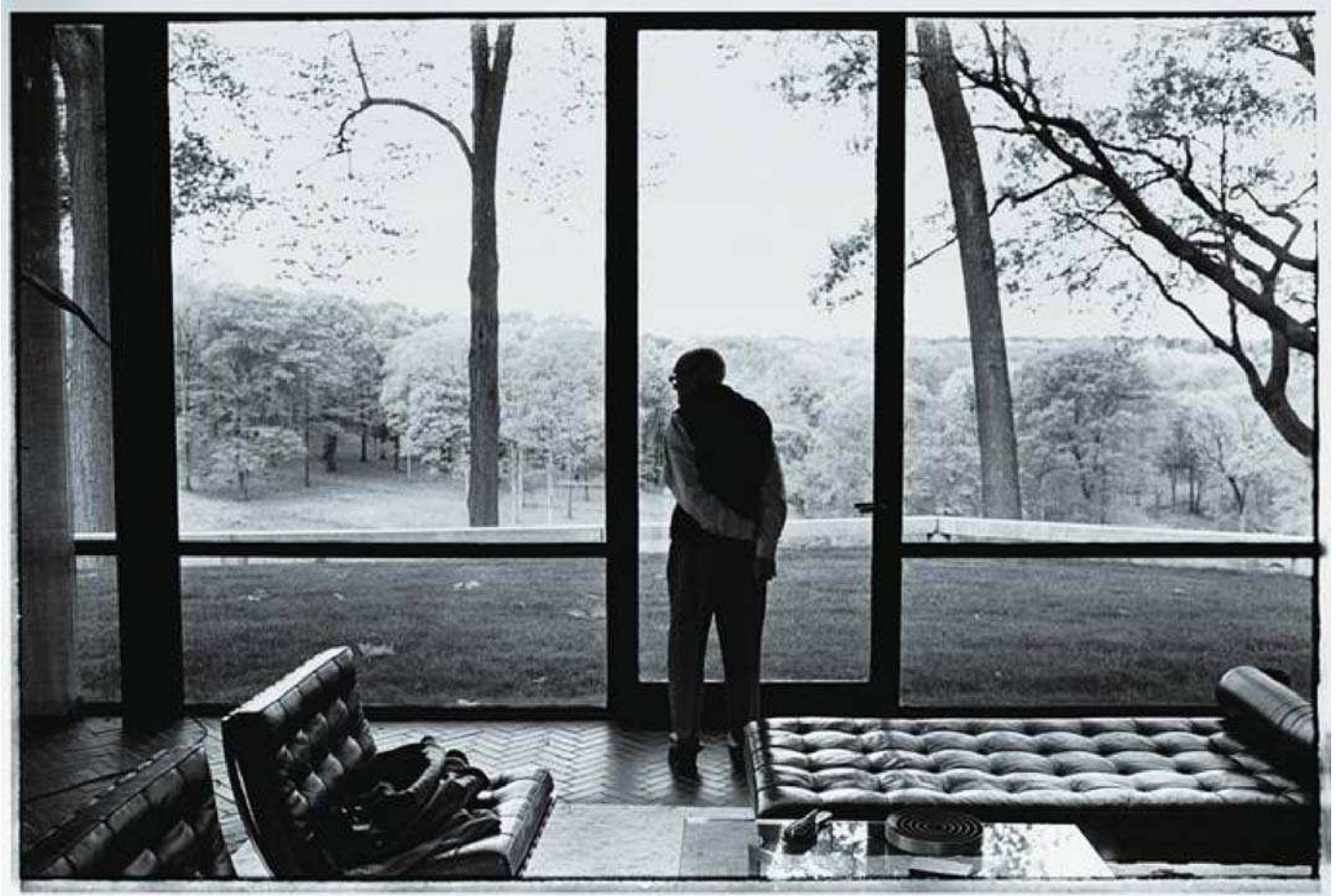
На каникулах Анни едет с братом в Японию, покупает свою первую камеру Minolta, чтобы, как заправский турист, щелкнуть Фудзияму на фоне рассвета. По возвращении записывается на вечерние курсы фотографии. Ни с того ни с сего третьекурсницу Лейбовиц манит историческая родина, но за причудой, скорей всего, кроется не более чем жажда новых впечатлений. Тем не менее полгода она честно работает в археологической экспедиции на раскопках в Старом городе Иерусалима, живет в кибуце Амир и учит иврит. И уж точно не помышляет о профессиональной карьере фотографа. Ей двадцать один, черная рубашка, джинсы и так хочется найти себя. Полиставая на досуге журнал «Rolling Stone», Анни таки засматривается на снимки культовых музыкантов, и в голову приходит отчаянная мысль: а что, если и мне присоединиться к этой компании? Так или иначе, уже через год Лейбовиц становится внештатным фотографом «Rolling Stone», главный редактор Янн Уэннер охотно публикует ее снимки и даже предлагает сделать первую обложку. Вместе с группой «Rolling Stones» начинающий фоторепортер мотается по гастрольным турне и снимает их каждую секунду.

«Тогда я была самой фотографией, была с ней единым целым, — вспоминает она. — В итоге вышли отличные снимки. Но так жить и работать ежедневно нереально. Все говорят о душе человека, которого снимают. О том, как показать его душу. Но все забывают о душе фотографа, которая также проявляется в момент создания снимка. И которая видна на самом снимке». Дружба с Миком Джаггером и Хантером Томпсоном имела последствия: Лейбовиц подседа на кокаин и ЛСД. «У меня были свои проблемы, и решить я их могла, только прекратив участие в туре... Мы все принимали наркотики, и это сопровождало мою жизнь в течение нескольких лет». В 1977-м редакция перебирается в Нью-Йорк, и Анни вместе с ней. Переезд стал «ударом головой о кирпичную стену». Должно быть, «Большое яблоко» поначалу не принимало ее, или она не вписалась в его надменный рисунок.

К этому времени Лейбовиц уже главный фотограф журнала, перед ее камерой мелькают Боб Марли, Боб Дилан, Патти Смит и прочие культовые персонажи. «Работая для “Rolling Stone”, я очень интересовалась документированием и полагала, что именно этим и занимаюсь, но это было не так. Для меня было важнее выразить свою точку зрения. Поэтому я в конце концов стала называться портретным фотографом, — вспоминала она в одном из интервью. 8 января 1980 года в связи с выходом альбома «Double Fantasy» Лейбовиц снимает Джона Леннона. Тот потребовал, чтобы супруга была рядом. Анни попросила их раздеться и лечь на диван, что Леннон быстро исполнил, но Йоко Оно обнажаться отказалась. «Он свернулся калачиком рядом с ней, и это смотрелось очень круто, — рассказывала потом фотограф, — я не могла отделаться от чувства, что она очень холодная женщина, а он как будто пытается ее удержать. Мы с интересом разглядывали первый поляроид, они оба были очень взволнованы. Джон сказал: “Пообещай мне, что это будет на обложке”».

Через пять часов после съемки музыканта убили. Просьба была исполнена. Американское общество издателей признало январскую обложку «Rolling Stone» 1981 года лучшей журнальной обложкой за последние 40 лет.

В 1983-м Лейбовиц приглашают в пафосный звездный журнал «Vanity Fair». «Когда я пришла туда, мне сказали, что я должна стать для журнала Эдвардом Штайхеном. Великие традиции великой портретной фотографии. Никто не предполагал, что можно повернуться в сторону попа или хипа. А получилось».

Óèèèíí Áæíííí. Ñòæèýííúé äíí. Ííþ-Êáíááí. Êíííáèðèèéò. 2000 ää

Ëçæüüáí à «Áííè Êæáíáèö.Æèçüöííòíáðòà 1990-2005»

© Áííè Êæáíáèö

ÁÐÁÌ Β ΣΙΪ ΟΑΪ

В 1988 году для суперобложки книги «СПИД и его метафоры» известного культуролога Сьюзен Зонтаг (настоящая фамилия Розенблатт) понадобились фотографии. Зонтаг обратилась к Лейбовиц. И, как оказалось, очень вовремя. Анни в это время пахала без остановки, успев порядком устать от инфантилизма гламура, с трудом понимая, кто она и что делает.

«Она вошла в мою жизнь, когда я искала кого-то, кто бы показал мне направление моей дальнейшей жизни. Я всегда была не уверена в результатах своего труда, до сих пор не всегда считаю, что мои работы выполнены на должном уровне. Тот факт, что кто-то заинтересовался мной и моей работой, был мне приятен. Ее внимание льстило мне, даже когда Зонтаг критиковала мои работы».

Когда Анни впервые обедала с ней, то под беспощадным взглядом умнейшей женщины, богини американских интеллектуалов, вошедшей в теорию современной культуры прежде всего как исследователь фотографии и иных медийных практик, она больше молчала. Зонтаг, перфекционистка, считала Лейбовиц несколько легкомысленной. Той пришлось проделать колоссальную работу над собой: «Могу сказать, что у нее получилось сделать из меня серьезную личность». Главное, Анни наконец почувствовала себя в Нью-Йорке как дома. Взаимопонимание переросло в нечто большее, шестнадцать лет они делили жизнь вместе. Но Зонтаг было не привыкать нарушать всяческие табу.

Ñùþçáí Çííòää Íääáðæíäý ääÄðáí Íáñíðáí, Íáðèæ. 2002 ãä

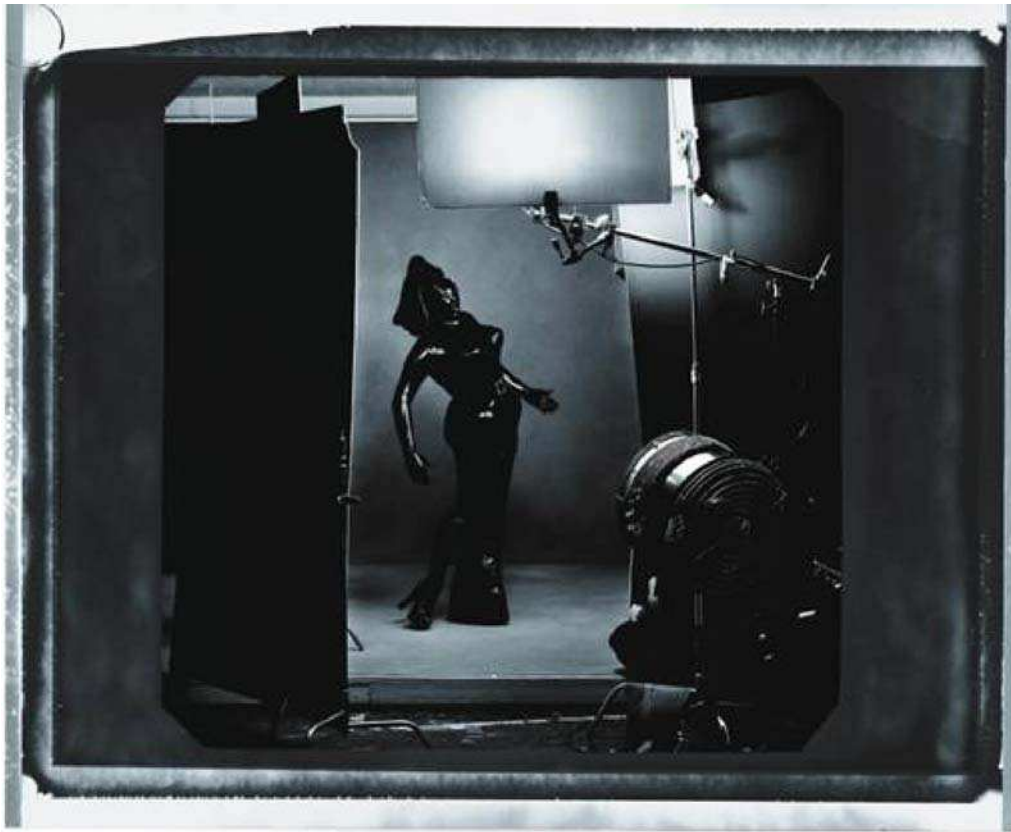
Èçäèíáí à «Áíé Èäéáíäèö. Æèçüóíòíäðòä 1990-2005»

© Áíé Èäéáíäèö

«В наше время все существует ради того, чтобы окончиться фотографией»,— писала Сьюзен Зонтаг в своем знаменитом эссе «О фотографии». Убеждение, что фотография, даже сохраняя формат гламура, может быть более личной, она, введшая в обиход термин «кэмп» (балансирование на грани вульгарности и театральности), внушала и Лейбовиц. В ее коммерческих фотографиях, подчас становящихся утрированно пошлыми, возникает скрытый протест. Совместные размышления и споры писателя и фотографа о свойствах фотографии как нового средства познания мира все больше находят визуальное отражение.

Разумеется, в августе 1991-го идею для обложки с обнаженной Деми Мур на восьмом месяце беременности подсказала Сьюзен. В 1993 году Лейбовиц вместе с Зонтаг едет в осажденный Сараево. Щемящая фотография «Велосипед мальчика, убитого снайпером» — страшное свидетельство тех дней.

Личное отношение к подруге Лейбовиц непрерывно фиксировала. Вот она, волевая и стремительная, с единственной белой прядью в густой копне волос, на развалинах Национальной библиотеки в Сараево, на палубе «вапаретто» в Венеции, за чаем в Киото, на набережной Гран Огюстен в Париже, стоящая среди скал в Петре, в клинике под капельницей, на курсе химиотерапии, голая в ванне, рукой прикрывающая отсутствующую грудь, и, наконец, сидя, коротко остриженная, в одночасье ставшая старухой. В 51 год Анни Лейбовиц вдруг решается на материнство. Отцом ее дочери Сары Кэмерон становится писатель Дэвид Рифф, единственный сын Сьюзен Зонтаг. Фотограф снимается, как некогда Деми Мур стояла перед ее камерой, — беременной, нагой, только без грима и с целлюлитом. В 2004 году Зонтаг умирает от рака. «Жизнь — кинематограф, смерть — фотография». Лейбовиц снимает, заставляет себя снимать ее в гробу, в платье, которое они вместе покупали в Милане. Через шесть недель Анни фотографирует смерть собственного отца: «Эти фотографии я делала в трансе». Но надо было возвращаться к жизни. Потеряв двоих любимых, она обретает двоих любимых. Четыре года спустя при помощи суррогатной матери у Анни появляются близнецы Сьюзен и Сэмюэль. И каждое мгновение этих родов Лейбовиц фотодокументирует.

Èè Áíááè. Ñòóèÿ Ááí ááí -íòðèò, Ííþ-Èíðè. 1993 áá

Èç àèüáíí à «Áíí è Èáááíáèö. Æèçíüòíòíáàòà 1990-2005»

© Áíí è Èáááíáèö

ÈÍ ÑÒÐÓÌ ÁÍ ÒÁÍ Í È

Теперь Лейбовиц заставляет себя сесть и начать разгребать архивы. Книге и выставке, которую она собрала как исповедь, как визуальный дневник пережитого, дала название: «Жизнь фотографа: 1990–2005». В ней перемешались две сотни фотографий, боль и радость, знаменитости (Джаггер, Кидман, Йоханссон, Ди Каприо, Барышников, Аведон, Николсон, Буш, Елизавета II и др.) и вовсе неизвестные люди, родители на пляже на Лонг-Айленде, Сара в коляске, сеной амбар в Клифтон-Пойнт, кусок фасада Музея Гугенхайма в Бильбао, коллекция камней Сьюзен. Алхимия воображения, гулкая пустота, отчуждение. Ч/б и цвет. Заказное и глубоко личное. Два совершенно разных мира. Иногда трудно поверить, что их создала одна рука. Но это ее, Анни, жизнь, и другого инструмента для максимального отражения этой жизни помимо фотографии она не знает. Хаотично припиленные «контрольки» и «контакты», простая структура, построенная на интуиции художника, которая куда важнее чистого знания. На том, что Картье-Брессон назвал «решающим моментом», на том, что отличает простой слепок реальности от ее образа и делает фотографию искусством.

ЕЩЁ ПОСМОТРИМ

ĀĀĒĀĪ ŌĒĪ NĀDĪĀ

Ī ĪNĒĀĀ, ĀĪNŌĀĀDNŌĀĀĪ Ī ĀB ŌDĀŌUBĒĪĀNĒĒĀB ĀĀĒĀDĀB, ĀĪ 164

ĀĀĒĀĪ ŌĒĪ NĀDĪĀ ĀĀDĪĪŌŌŌĀĪ. 1885 ĀĀ ĀŌĀ

Графику Серова показывают редко — такова участь всех рисунков углем и карандашом, пастелей и акварелей, не выносящих долгое время света и разрушающихся под его воздействием. Но, к счастью, иногда графическим листам свет нужен. Благодаря этой потребности публика и может увидеть сейчас собрание серовской графики в Третьяковке — самое полное в мире, насчитывающее, включая тиражную графику, 750 работ. Для выставки отобрали треть из них. В залах в Лаврушинском переулке показывают, в частности, эскизы декораций к «Юдифи» Александра Николаевича Серова и эскиз к знаменитому занавесу к «Шехерезаде» для «Русских сезонов», а также три портрета Генриетты Леопольдовны Гиршман, жены купца и коллекционера Василия Осиповича Гиршмана. Кроме того, представлены портреты Иды Рубинштейн, Василия Качалова, а также матери художника, Валентины Семеновны Серовой (урожденной Бергман). Композитор и музыкальный критик, она не только сама писала оперы (в ее «Илье Муромце» пел Шаляпин), но и завершила после смерти мужа «Юдифь». Ее портрет датируется 1879–1880 годами, в то же время был создан и портрет кузины Серова, Марии Яковлевны Симонович, ставшей моделью на знаменитом полотне «Девушка, освещенная солнцем». Через Роберта Фалька в 1930 году рисунок был передан в дар Третьяковке от самой Симонович (в ту пору Мария Яковлевна уже жила в эмиграции в Париже).

Помимо работ Серова, представлено и творчество его современников, запечатлевших художника как на индивидуальных, так и на групповых портретах — например, на знаменитой пастели Леонида Пастернака «Московский концерт Ванды Ландовской» Серов изображен на квартире у Гиршманов, в доме у которых проходили заседания финансировавшегося им общества «Свободная эстетика». Здесь собирались и многие «мирискусники», от Дягилева до Бакста — шарж на последнего, равно как и портрет его жены, также показывают в Третьяковке.

ΔΑΔΕΕΑΕΥΪ ΑΒ ΕΑΪ ΑΔΑ. Ϊ ΨΡ-ΕΪ ΔΝΕΑΒ ΟΪ ΟΪ ΕΕΑΑ, 1936-1951

Ϊ ΨΡ-ΕΪ ΔΕ, ΑΑΔΑΕΝΕΕΕ Ϊ ΟΥΑΕ, ΑΪ 25.3

© Estate of Bernard Cole

ΑαδΪ ααΪ ΕΪ οε. Ϊ ααΪ ταιΪ αεΪ εεα. 1944 αΪ α. ΑαδΪ αεΪ εεε Ϊ ουαε Ϊ ψρ-ΕΪ δεα

Восемь лет назад на Московской фотобиеннале показали выставку, посвященную нью-йоркской Фотолиге (1936–1951) — это было одним из самых ярких событий того фестиваля. Но выставка «по месту прописки» на берегах Потوماка не в пример больше — здесь собрали около 150 винтажных отпечатков авторов, среди которых множество знаменитостей, от Джерома Либлинга и Артура Лейпцига до Беренис Эббот и Лу Бернстайна. В ком-то из них газетчики и консервативные политики были готовы видеть коммунистов, в других — просто социально мыслящих мастеров. Но из песни слов не выкинешь: Фотолига во многом наследовала созданной еще в 1921 году берлинской организации «Международная рабочая помощь», которая была близка к немецкой Компартии и производила фильмы агитационного характера. После роспуска организации остался лишь ее американский филиал — Рабочая фотолига, из которой позднее и выросла Фотолига. Ее основателями стали Сол Либзон и Сид Гроссман, редактором издававшегося Фотолигой журнала левого направления «Photo Notes» — Вальтер Розенблюм. Стремление запечатлеть повседневную жизнь «обыкновенного человека», освободить фотографию от рекламных и псевдохудожественных целей были главными задачами многочисленных членов Фотолиги. Почти все они работали в Нью-Йорке, город и определил топос большинства снимков.

Одной из важнейших миссий Фотолиги стало воспитание нового поколения фотографов — крупнейшие мастера американского фотоискусства окончили ее школу, где за обучение не брали ни цента. Но бескорыстие не спасло от безумия маккартизма: после того как один из членов Лиги, бывший долгие годы тайным информатором ФБР, публично назвал ее отростком Компартии, о будущем можно было забыть.

Выставка, подготовленная совместно с Художественным музеем в Огайо, столице штата Колумбус, совершит турне по Америке. Из Нью-Йорка она отправится сперва в сам Огайо, осенью ее покажет недавно открывшийся Современный Еврейский музей Сан-Франциско (здание для него построено по проекту Даниэля Либекинда), а через год «Радикальная камера» окажется во Флориде, в Художественном музее Нортон в Палм-Бич.

ÀÈËÛÄÄËÛÌ ÑÀÑÌÀÈË

Ì ÐÌÏÁÌ, ÄÌÌ ÈÑÈÏÑÑÒÄ, ÄÌ 135

ÀèèÛäèÛÌ ÑàñìàèÛ Ääèèèè, ïäèèèèèèèèèèè è. 2011 ää Èèèèèèèèèèèè Èèèèè Èèèèè Èèèèè

© *Wilhelm Sasnal*

Шестьдесят картин и мини-кинофестиваль, намеченный на 29 марта, — таковы масштабы выставки в баварской столице, посвященной творчеству 40-летнего польского художника Вильгельма Сасналя. Его работы хранятся в крупнейших европейских музеях, от парижского Центра Помпиду до галереи Тейт-Британия в Лондоне. Среди тем его творчества — не только мир в эпоху комиксов и медиабума (одна из работ посвящена фотографии японской девочки, снятой после цунами), но и история собственной родины. Вторая мировая война и Холокост остаются важнейшими сюжетами для Сасналя. Одна из его картин называется «Кельце» — так же как город, где в 1946-м произошел крупнейший в истории послевоенной Польши погром, в результате которого погибли 42 человека, около 50 были ранены. Не случайно вернисаж предваряет доклад на тему «Что значит “соразмерно”? Современное искусство и Холокост» (докладчик — один из шеф-редакторов арт-журнала «frieze» Йорг Хайзер). Не случайно и то, что нынешней зимой выставку уже показывали в престижной лондонской Whitechapel Gallery: Сасналь из числа тех многочисленных авторов, которых принято называть «актуальными», и одновременно он — из тех немногих, в отношении которых это определение не выглядит ироничным.

Äèèèèèèèèèèè Èèèèèèèèèèèè

ОТ АБСТРАКЦИИ К ЭМОЦИИ

ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВА

Говоря о достижениях современной израильской хореографии, легко поддаться искушению и рассмотреть их с точки зрения «национальной культуры». Но этот взгляд слишком узок, потому что отличительной чертой новой танцевальной сцены Израиля является именно ее открытость интернациональным влияниям. В этом убеждают недавние гастролы двух израильских балетмейстеров — Ясмин Годдер и Хофеша Шехтера, прошедшие в Берлине.

‘Ī adōrōtī aī nī «Storm End Come» dāc-ēnīdā Bīn ēī Ārāād

Оба родились и выросли в Иерусалиме. Ясмин Годдер получила артистическое образование в Нью-Йорке, но с 1999-го снова живет и работает в Израиле, неизменно являясь желанной гостьей на зарубежных сценах. Ее новый танцевальный перформанс «Storm End Come», с успехом показанный в Тель-Авиве, Нью-Йорке и Берлине, требует от зрителя предельной концентрации: хореограф отказывается не только от сюжета, но и от эмоционального контакта с залом. Движения шести танцоров непредсказуемы и непередаваемы на язык рациональных смыслов. Вместе они складываются в текст, будто написанный невиданным доселе шрифтом, который приходится расшифровывать в момент прочтения. Ясно только, что Годдер перемещает нас в некую экзистенциальную ситуацию, что подчеркивается оголенностью сцены и единственным световым пятном, проецируемым на задник. Возможно, это солнце или Б-жественное Око, наблюдающее сверху за зарождающейся жизнью. И действительно, первые движения танцоров — ползущие, пресмыкающиеся, не вполне еще человеческие. Постепенно ассортимент жестов расширяется вплоть до классических балетных позиций. Но гармония не вытесняет хаос, а оказывается только крошечным эпизодом, за которым снова следует возвращение к почти животной пластике. Намеренная асимметрия в гендерном составе танцоров препятствует образованию стабильных пар с четко распределенными ролями и заставляет каждый раз выстраивать новые схемы отношений, где всё в постоянном движении — физическом, интеллектуальном.

Совсем другого восприятия требует от зрителей хореография Хофеша Шехтера, выпускника Иерусалимской академии танца и музыки, с 2002 года живущего в Великобритании. В его постановках обычно на равных задействованы самые разные выразительные средства: танец, музыка, костюмы, декорации, свет, что должно гарантировать публике почти чувственное переживание. Недаром его последнюю работу «Political Mother», представленную в Берлине в новой редакции (так называемый «choreographer's cut»), по интенсивности воздействия сравнивают с рок-концертом. Шехтер и сам идет навстречу такому восприятию, буквально поднимая зрителей на ноги: посадочные места в партере не предусматриваются. Музыканты, располагающиеся на сцене в три яруса и охватывающие диапазон инструментов от виолончели до электрогитары, обеспечивают неповторимый звуковой ряд, в котором жесткие ритмы чередуются с почти нежными мелодическими интонациями. Хотя постановка Шехтера и не имеет сквозной сюжетной линии, основная тема — выживание отдельной личности и целой нации в условиях политического гнета — очевидна. Танцоры появляются на сцене то в военной униформе, то в как будто наспех подобранной повседневной одежде. Но все время остаются беззащитным материалом в руках диктатора, выкрикивающего в микрофон речи, тонущие в бое барабанов и аккордах электрогитар. Разумеется, перформанс Шехтера можно воспринимать как высказывание о судьбе еврейского народа, чья история на протяжении тысячелетий определялась конфронтацией — иногда внутренней, иногда прямой — с официальной властью. Однако именно этот пафос противостояния обретает у израильского хореографа общечеловеческий смысл, позволяя увидеть в «Political Mother» внациональную, универсальную притчу о вечной борьбе танца с насилием.

ПРОПЕРЕЖИТОЕ

ΑΑΑΑΙ ΕΒ ΑΑΘΘΕΤΑΕΧ

Çàññ àæáí í úé àññáí èé

Ðàæèññáð Àëäèññáé Õððéóññ
Ðññèÿ, 2011

Íññáññ í èíóááñ ðáá íá VÁíèóññ ðáñðèááéá í óéñòðééññ íá á Ì ññéáá ááòíðéòáòííá æñðè íááðáæéí Àëäèññáÿ Õððéóññ çà áñ ññáíé ðééññ «Çàññ àæáí í úé àññáí èé» íáðáññ ñðéçñí. Íñ ñééóí, èðñí á ñðíóáññéííáéíá ÿóíé áñ ðááíòóñ ññéá íá áéááé.

Увековечивать память можно разными способами, Алексей снял мультфильм про отца, хотя о его профессии в «Заснеженном всаднике» нет ни слова, зато есть нежность и восторженные фантазии ребенка, по шутливым рассказам папы представлявшего себе его то полководцем, то разбойником. Есть шахматы, за которыми отец сидел часами. И снег на его похоронах, спрятавший шестиконечную звезду на покрывале. На самом деле Михаил Туркус был выдающимся архитектором, выпускником ВХУТЕМАСа, пропагандистом конструктивизма, большую часть жизни преподававшим в МАРХИ, который, кстати, закончил и его сын Алексей.

Это был «золотой» курс, среди сокурсников А. Туркуса такие известные теперь архитекторы, как Александр Бродский, Илья Уткин, Евгений Монахов, и др. Будущих зодчих всесторонне развивали, между делом показывая им уникальные мультсборники, в том числе работы патриархов загребской школы. «Уже тогда мультипликация поражала мое воображение, как что-то волшебное. А люди, ею занимающиеся,

вообще казались недостижимыми», — вспоминает теперь уже и сам патриарх отечественной анимации Алексей Туркус. А начиналось все так. Ребята решили сделать свой фильм. Вынули стекло из серванта, положили на стулья, вниз подставили лампу, сверху зафиксировали лист бумаги и стали рисовать кто во что горазд, а потом все сняли на любительскую камеру и смонтировали. «Бродский с Уткиным, помню, в году 1976-м сделали пластилиновый мультфильм про архитектора, который сидит и думает над проектом и одновременно пьет из пластилиновой бутылки, постепенно напивается, ложится на стол, засыпает, и ему снится город, весь состоящий из бутылок, а по улицам едут игрушечные машинки». Защитив диплом, Туркус отправился работать по распределению в Моспромпроект, но ничего особо самостоятельного за четыре года так и не спроектировал, а мечта о мультипликации не отпускала. Про Высшие режиссерские курсы узнал случайно. Пришел, показал рисунки. Сам Ефим Гамбург (режиссер «Шпионских страстей», «Ограбления по...») посмотрел и говорит: «Поступай!»

«Через год поступил на курс под руководством Федора Хитрука в группу Романа Качанова, чей главный шедевр, я считаю, “Варежка”. Там мы столкнулись, причем не сговариваясь, с моим сокурсником по МАрХИ Алексеем Шелмановым и очень друг другу обрадовались. Учились вместе, потом стали соавторами. А в прошлом году Леша умер». После окончания они всей компанией влились в тогда процветающую кинофабрику «Союзмультфильм», вместе с Шелмановым и третьим их соавтором, Василием Кафановым, запустили «Переменку-4», «Переменку-6» и знаменитую «Медвежью» 1988 года, составленную из трех сюжетов. Тогда практиковался формат мультсборников. Туркус в «Медвежью» участвовал смешным сюжетом про ящик избытка, который звери обнаружили в лесу и на радостях объелись его содержимым. «Мы были счастливы, сюжеты выбирали сами, руководство давало нам возможность делать, по сути, авторское кино».

Студия «Союзмультфильм» в те годы представляла собой отлично налаженное производство с плановым финансированием. Если сценарий даже начинающего мультипликатора принимал худсовет, деньги выделялись автоматически. Мультфильмов делалось много. Считалось, анимационное кино не должно быть хуже игрового, поэтому к его созданию относились тщательно. Туркус делится хитрыми секретами изготовления рисованного мультфильма и в этой технологии, в отличие от неисчислимой армии компьютерных аниматоров, по сей день продолжает работать: «На стандартную рисованную ленту продолжительностью десять минут обычно уходило не меньше восьми месяцев, в этом процессе участвовало около двадцати человек. Писался сценарий, режиссер— мультипликатор придумывал и набрасывал основных персонажей, художники-аниматоры воплощали его идеи в жизнь. Потом подключались очень важные люди — прорисовщики и фазовщики, заставляющие героев прыгать, бегать. После этого приходили заливщики, заполнявшие рисунок красками, и специалисты, ответственные за пейзаж и фон. И только когда начиналась озвучка, дело доходило до актеров».

Начиналась перестройка, цензура слегка притихла, в 1990-м в советскую мультипликацию ворвалось время Хармса. А Туркус, только и ждавший этого момента, взял его в соавторы и выпустил свои «Случаи» (автор сценария Георгий Ананов), по трем рассказам: «Встреча», «Столяр Кушаков» и «Оптический обман». Нелепые символы советской пропаганды режиссер наложил на двойственность смыслов хармсовского текста, чем только усугубил его смех, переходящий в безысходность, бытовые нелепости и абсурдность. Казалось, ничего и не происходит, а слово мгновенно обрастает явственной плотью. Средствами анимации только и можно достичь подобного эффекта. Даниил Хармс, подозреваю, по мироощущению близок Алексею Туркусу, как никакой другой писатель. Искусству мультипликации он уж точно близок своей способностью в маленькую форму впихнуть изрядную мысль. В 1992-м Туркус взялся за

Горького, написав с Олегом Егоровым сценарий пародии, гротеска на «Песню о Буревестнике». Вся история происходит в школе на уроке литературы, и у каждого персонажа имеется прототип. Алексей просто вспомнил собственное детство: «У нас в классе был хулиган Федотов, который всех веселил. Учился, правда, хорошо. Так все живо получилось, потому что делалось на основе пережитого». Получилось, правда, уже по прошествии одиннадцати лет. Когда работа над фильмом только начиналась, студия «Союзмультфильм» вместе с Советским Союзом окончательно развалилась. А «Буревестник» выплыл уже в 2003 году, когда Туркус пришел на студию «Аргус», где появилась возможность запуститься со своим сценарием. И тут же мультфильм удостоили приза зрительских симпатий на кинофестивале в Суздале. От времени «Союзмультфильма» осталась у Туркуса одна «недопетая песня» — мультфильм «Лестница Иакова», вольная композиция полотен Марка Шагала, передающая эстетику трепетной графики художника. В 1993-м они с Олегом Егоровым написали сценарий, его принял худсовет. Сюжет прост: местечко, дочь аптекаря любит сына резника. Аптекарь против, считая это мезальянсом, но все кончается свадьбой. К юбилею Шагала Туркус с Шелмановым сделали «пилотную» версию, состоящую всего из нескольких сцен, и отправили на фестиваль во Францию. Но не получили как ответа, так и бюджета.

А «Заснеженного всадника» осуществить удалось. «Мне давно хотелось сделать какое-нибудь кино про папу. С маленьким рассказом о нем я поступал на Высшие режиссерские курсы. Там был диалог:

— Пап, пап!

— ...ууу...

— Сколько тебе лет?

— Сто шестьдесят семь...

— А кем ты работаешь?

— Разбойником...»

В детстве я часто подкатывал к папе с вопросами, и верил, что ему 167 лет. А почему бы и нет? И в то, что он был разбойником, верил. Ну, мало ли? Вторую часть я уже дописал после похорон отца в 2007 году, про то, что он не умер, а превратился во всадника и ускакал...»

Сейчас Алексей Туркус продолжает снимать (заметьте, рисованные) мультфильмы про пережитое, про это ему лучше всего удается. Новый опять будет про папу, с коротким названием «Зашкаф».

ИМ Ваши дети тоже лепят мультфильмы?

РО У меня четыре дочки. Две старшие когда-то помогали мне, когда были маленькими девочками, и их имена даже значились в титрах. А младшая дочка — ей сейчас семь — настолько полюбила пластилин, что мне пришлось научить ее делать анимацию с помощью веб-камеры.

ИМ Это как раз та область, где можно, не опасаясь последствий, использовать детский труд.

РО Хотя я, конечно, считаю, что это дети используют мой труд. Но моя младшая оказалась очень талантливой и терпеливой — ей нравится возиться с мелкими деталями. Хотя если вспомнить, что первая моя работа в анимации, начатая в 1975-м, заняла у меня четыре года — а это было всего 26 серий по 5 минут, — то при нынешних возможностях говорить о терпении странно.

ИМ Вы начинали в 1975-м в Израиле. Прошло больше 30 лет, а в России так ничего и не знают об израильской анимации. И думаю, дело не в том, что ее нет.

РО Она есть, она развивается, и в академии «Бецалель» на отделении анимации учится сейчас более полутора сотен человек.

ИМ Не удивлюсь, если во всех кинематографических вузах России сегодня нет такого количества студентов-мультипликаторов.

РО Неужели? Раньше было совсем иначе.

ИМ Увы. Лет десять назад наш известный режиссер и художник Александр Татарский говорил мне, что мультипликация — предмет роскоши. Как космос. Это очень дорого, это может позволить себе не всякая страна. Вот Гондурас — не может.

РО Это было так. Сейчас такой удачный период, когда производство анимационных фильмов стало очень дешево. Благодаря компьютерам. Когда я только начинал этим заниматься, одна моя камера стоила 30 тысяч долларов. А сегодня только с помощью специальных программ, скачанных из Интернета, можно сделать превосходные фильмы.

ИМ Появилось ли благодаря этому больше хороших мультфильмов?

РО Да, потому что намного больше людей имеют возможность заниматься этим. В Интернете проходят конкурсы, на которые сотни людей присылают свои короткие работы. Тридцать лет назад, чтобы раскрасить какие-то детали героев, требовалось время, надо было ждать, пока высохнет краска. Сейчас все проще и быстрее, хотя, конечно, все равно это ручная работа. На нее уходит время. И на первом месте остается идея, зрительные образы, содержание фильма, а компьютеры — всего лишь средство.

ИМ Почему вы занялись именно пластилином?

РО Это волшебный материал. Он дешев, он есть у всех. Пластилин существует всех возможных цветов, и у него нет памяти, что очень важно. Он принимает любую форму, можно делать минималистичные фигурки, можно сложные композиции. Абстрактные фигуры превращаются в сложные конструкции, и наоборот.

ИМ Если в нашей стране первопроходцами пластилиновой мультипликации были Александр Татарский и Игорь Ковалев, то наверняка у вас были свои примеры для подражания. Кто?

РО Их очень много — пластилиновую анимацию придумали тогда же, когда изобрели кино.

ИМ Если мы говорим о первых опытах пластилиновой анимации, то да, и, насколько я знаю, даже компания Эдисона в 1908-м выпустила пластилиновый мультфильм. Но в 1920-х пластилин вышел из моды.

РО Потому что его вытеснила рисованная техника. Но к пластилину часто возвращались, и было несколько аниматоров, продвинувших этот жанр вперед. Был выдающийся итальянский художник Франческо Миссери, снимавший мультсериал «The red and the blue», очень популярный в 1970-х годах. Короткие пятиминутные серии и очень минималистичные характеры, но такие выразительные! Эти фигурки все время раскатывались и превращались в новые и говорили на каком-то своем языке. Миссери, так или иначе, повлиял на всех, кто работал тогда в мультипликации. И были еще два человека, благодаря которым пластилиновая анимация вышла на новый уровень. Это знаменитый английский мультипликатор Ник Парк, создавший, среди прочего, «Побег из курятника» и «Неправильные штаны», и Уилл Винтон из США, который тоже делал вполне реалистичные мультфильмы, в частности, снял «Приключения Марка Твена».

ИМ Почему вы вообще занялись анимацией?

РО Это самая удивительная профессия, какую я знаю. Она совмещает в себе дюжину различных профессий и талантов — рассказчика, сценариста, сочинителя комиксов, их рисование, придумывание характеров, разработку декораций, актерство, работу со светом... Каждый день я занимаюсь совершенно разными вещами и всякий раз могу выражать себя по-новому. Об этом можно только мечтать.

ИМ Я слышала, что вы много снимали для знаменитой детской образовательной программы «Улица Сезам».

РО Да, причем в Израиле ее называли «Шалом, Сезам». Когда «Улица Сезам» только начиналась, это было совершенно новое дело: анимационные фрагменты должны были быть очень короткими, их надо было делать фактически в формате рекламы, но это должны были быть законченные сюжеты. Потому что дети могут сфокусировать внимание только на короткий промежуток времени. Двадцать-тридцать секунд — и все, пора переключаться на новый сюжет. И при этом в легком развлекательном формате надо было донести какую-то воспитательную идею.

ИМ Вы снимаете ваши фильмы только для детей?

РО Да, и много занимался рекламой. Хотя все, что мы делаем с моими студентами в академии, ориентировано на взрослых зрителей.

ИМ А полнометражные фильмы?

РО Самые длинные мои работы — 25-минутный фильм, тоже детский, о Рождестве и еще один, посвященный празднику Песах. Это анимационная Агада.

ИМ Странное сочетание для израильянина — Песах и Рождество.

РО Могу объяснить. Когда в 1986 году вышла моя Агада, был огромный успех: книга с моим текстом и пластилиновыми персонажами была переведена на 15 языков, фильм показывали по всему миру. Меня попросили сделать аналогичный проект для христиан. И сейчас в Италии вышла моя последняя книга — «Рождение Иисуса». Специальный проект для детей-католиков — целый рождественский вертеп. В книге рассказывается и показывается, последовательно, по шагам, как слепить Иисуса, Марию... Сейчас мы ведем переговоры с российским издательством «Махаон», которое выпускает мои книжки, о том, чтобы издать «Рождение Иисуса» в вашей стране.

ИМ Вас никто в Израиле не попрекает таким заказом? Все-таки еврею лепить Иисуса...

РО Нет, потому что работа нацелена не на израильскую аудиторию. В католических странах разыгрываются рождественские мистерии, традиция не нова. Я делаю то же самое, только из пластилина. Я рассказываю им не свою, а их сказку.

ЗА ЕВРЕЙСКИМ СЧАСТЬЕМ

ИРИНА МАК

Семьдесят пять лет назад на мировые экраны вышли «Искатели счастья» — самый еврейский советский фильм.

«Из многих районов Советского Союза, из-за рубежа в 1928 году на Дальний Восток, на широкие просторы богатой тайги, на берега Амура — в Биробиджан потянулись трудящиеся евреи — переселенцы». С этих титров начинается фильм. И я немедленно вспоминаю, насколько неприличным казалось в стране моего детства произнести слово «еврей». Потом недоумеваю по поводу фабулы: обездоленные евреи из-за бугра перебираются на сытое житье в Страну Советов. Можно подумать, что ехали они в Биробиджан. Однако ни Еврейской автономной области, ни города Биробиджана в 1928-м еще не было. И реальная жизнь была далека от той воплощенной мечты, которую рисовал сюжет. И все же не посмотреть этот фильм нельзя.

Тем более что сейчас сделать это легко. Если автор первого материала об «Искателях счастья», вышедшего в журнале «Лехаим» в 2001 году (<http://www.lechaim.ru/ARHIV/113/kozak.htm>), с ностальгией вспоминал виденный когда-то фильм, то сейчас шедевр есть в интернет-синематеках, и посмотреть его можно даже онлайн. Информация о фильме хранится и на главном американском киносайте, что объяснимо: 7 октября 1936 года состоялась премьера картины в США. В нашей стране это была эпоха масштабного пропагандистского кино: в том же году Григорий Александров показал свой «Цирк». Но если антиамериканский «Цирк» едва ли мог иметь успех за океаном, то «Искатели счастья» были сняты не в последнюю очередь и ради привлечения на сторону СССР богатых западных евреев, которых должны были впечатлить успехи их советских единоверцев, и они бы начали вкладывать деньги в построение социализма в отдельно взятой стране.

Эта кампания началась еще в конце 1920-х, и кто-то попался на приманку. Не далее как в январском номере «Лехаима», два месяца назад, американский певец и музыкант Дэниел Кан рассказывал о своем предке, приплывшем в 1930-м из США в Россию: вернувшись в Штаты, он стал уговаривать жену перебраться в СССР. Слава Б-гу, та не послушалась. А могла бы, по примеру многих...

Герои «Искателей счастья» как раз из таких. Старая Двойра с детьми — Розочкой (которая потом выйдет за русского рыбака Корнея), Левочкой, старшей дочерью Басей и ее мужем Пиней — плывет в Россию. Откуда — кто знает. Но по всему видно, из США — откуда же еще плыть на Дальний Восток?

Дым из паровой трубы затягивает небо, звонкий женский голос выводит «Ди велт ис гройс» — одну из нескольких песен, сочиненных для фильма Исааком Дунаевским. Он же придумал сопроводить сцену, где герои уже едут на поезде по берегу озера, русской песней «Славное море, священный Байкал», а перед тем вставить соло на кларнете в «Плаче Израиля». И Дунаевский написал «Еврейскую комсомольскую», под которую переселенцы совершают свои трудовые подвиги. Мне знакома ее мелодия. Только никогда прежде я не слышала текста на идише.

И не только Дунаевский — все или почти все, кто был задействован в «Искателях счастья», — первые лица советского кинематографа 1930-х годов. Начиная с Соломона Михоэлса, который был консультантом фильма, и режиссера Владимира Корш-Саблина, снявшего, среди прочего, «Мою любовь» с Лидией Смирновой, — он был внуком знаменитого антрепренера и создателя собственного именного театра Федора Корша. Соавтором сценария был Иоганн Зельцер — драматург и военный журналист, погибший впоследствии на потопленном немецкой авиацией линкоре: он вырос на Молдаванке, и явно от него в картине все одесские присказки, вроде «Колхозник Кац нашел золото...». Удивительно не то, что нашел, а что колхозник. Скажите «еврей-земледелец» и попробуйте не засмеяться. Обычно так рассуждают о кибуцниках. Здесь же речь идет о тех, кто отправился корчевать тайгу и выращивать зерно и скот на Дальнем Востоке, где уже было приготовлено местечко для переселения евреев.

Административно область оформилась только в 1934-м, а Биробиджан стал городом в 1937-м, когда фильм уже шел на экранах, собирая толпы зрителей, смотревших его по многу раз. Трудно найти другое столь же искусственное формирование, как ЕАО. Разумеется, ни к одному из еврейских языков название столицы отношения не имеет: так именовалась местность между реками Бира и Биджан, названия

которых взяты из эвенкийского языка. Такое дальневосточное междуречье. Бывшая станция Тихонькая. Хотя первые евреи стали прибывать в эти места действительно в апреле 1928-го. Занимались сельским хозяйством и тянули Транссиб к долине Амура. Но недолго — слишком им было тяжело, слишком холодно и неустроенно. Из 19 635 евреев, прибывших в Биробиджан с 1928-го по 1934-й, 11 450 человек уехали почти сразу. Власти, заказывая эту агитку, рассчитывали предотвратить отток населения.

И понятно, что не было ни слова правды в этом абсолютно завиральном сценарии. Но в логике сюжета правда была. Вот переселенцы прибыли на станцию. Кто-то выкрикивает их имена: Абрам Бакс из Киева, Мойше Цукерман из Гомеля... И все мы знаем, что, останься они в Киеве и Гомеле, лет через 15 их ждал бы страшный конец.

Удивительно смотреть этот фильм с позиции наших сегодняшних знаний. Верил ли Михоэлс в идею добровольного заселения Биробиджана? Полагаю, что нет, но доля искренности в его отношении к фильму безусловно была. Не так счастливо жили до революции российские евреи, чтобы отказаться строить светлое коммунистическое завтра. В 1936-м на антисемитизм в СССР, по отзывам многих свидетелей, не было и намек. Может быть, это был единственный по-настоящему интернациональный период существования нашей страны. Да, сажали и расстреливали, но всех подряд. Власть была лояльна к евреям, и, как всегда, евреи оказались слишком доверчивы — увы, не в последний раз. Бытовой антисемитизм стал расцветать, начиная с 1943 года, когда Сталин провозгласил тост «За великий русский народ». А государственный проявился раньше, сразу после подписания с Германией Пакта о ненападении в 1939 году, когда «Искателей счастья» перестали показывать. О них вспомнили во времена «оттепели», — но в 1960-х столь наивная пропаганда уже никого не могла впечатлить. Потом фильм шел по телевидению в перестройку, и иногда идет сейчас. А в 1936-м, напомним, евреи не числились врагами, возможно, поэтому фильм был невероятно популярен не только среди еврейского населения — точно так же, как был востребован разноязыкой советской интеллигенцией ГОСЕТ.

Ἰ ἀδελῶ Ἀεβρι αἱ ὀαεῖν Ὀαἱ ἀδελῶ ἃ ὄρεε Ἀἰεβρι ἃ ὀεεῖν ἃ «Ἐπὲρ ὀαεῖ ἢ-ἀπὸ ὕψ». 1936 ἄἃ

В съемочной группе евреев было не больше, чем в любом другом советском кино. Не только режиссер не был евреем, но и исполнительница роли Двойры Мария Блюменталь-Тамарина, великая актриса Малого театра, в год съемок удостоенная, среди первых 13 советских актеров, звания народной артистки СССР. Обе части ее фамилии — от мужа. В «Искателях счастья» ей 77 лет. Как точно однажды заметил мой папа, к старости многие становятся похожи на евреев.

В «Искателях счастья» играл главный партнер Михоэлса по сцене Вениамин Зускин — они еще вместе пели «Колыбельную» в фильме «Цирк». Блистательный актер, премьер ГОСЕТа, Гоцмах в «Блуждающих звездах» и незабвенный шут в «Короле Лире», лауреат, вместе с Михоэлсом и Тышлером, Сталинской премии за 1946 год, он был расстрелян в 1952-м, накануне несостоявшегося «окончательного решения еврейского вопроса» по-советски. Зускин играет Пиню — Пинхаса Копмана, которому единственному из героев фильма чужды идеалы всеобщей справедливости. Он отлынивает от работы, мечтает разбогатеть и найти золото, чтобы сбежать с ним к китайцам и стать «королем подтяжек»...

План не удался. Осерчав, Пиня бьется в рукопашной с братом своей жены, едва не убивает. Но брат остается жив, а жена изменяет Пине с председателем колхоза «Ройте Фелд» Натаном (его сыграл выдающийся мхатовский актер и педагог Александр Карев). И из заклеянного врага Пиня превращается в несчастного шлимазла, которого трудно ненавидеть — легче пожалеть. Что принципиально отличает

«Искателей счастья» от современных им картин про вредителей и прочих фильмов страшной эпохи. Здесь нет явных врагов. Это кино о любви. И о счастливой еврейской жизни, о которой до сих пор можно только мечтать.

ЛАЗАРЬ ФЛЕЙШМАН:

«МЕНЯ ПОРАЗИЛА ЛАВКА ЗЕЛЕНЩИКА, ОТКУДА ЛИЛАСЬ МУЗЫКА ШУБЕРТА»

Ἰ ἐὸ ἀεὲ ἡ ἀεὲ ἡ ἀεὲ ἡ ἀεὲ

Он родился в Риге, преподавал в Иерусалиме, а теперь уже почти 30 лет работает в Стэнфорде. С его именем связан расцвет нескольких славистских кафедр и возникновение самых авторитетных изданий по русистике последних десятилетий. Его книги «Борис Пастернак в двадцатые годы» и «Борис Пастернак в тридцатые годы» считаются не просто классикой пастернаковедения, но непревзойденным образцом жанра научной биографии вообще. В этом номере мы публикуем первую часть беседы с профессором Лазарем Флейшманом.

Ἰ ἐὸ ἀεὲ ἡ ἀεὲ ἡ ἀεὲ ἡ ἀεὲ Почему вы решили заниматься русской литературой?

ЛАЗАРЬ ФЛЕЙШМАН Я нырнул в изучение русской литературы с некоторыми колебаниями, потому что вообще меня с детства готовили к профессиональной карьере в области музыки. Я несколько лет учился в Риге в школе для одаренных детей — аналог московской школы при консерватории или Гнесинки. Должен сказать, что я был наименее талантливым учеником — а там были понастоящему гениальные люди: двумя классами младше меня учились Олег Каган и Филипп Хиршхорн, который, по моему, был лучшим скрипачом XX века, в их же классе был Гидон Кремер. Я довольно быстро понял дистанцию между собой и этими людьми и готовил себя скорее к тому, чтобы быть «писателем о музыке» — музыкальным критиком или искусствоведам, как мой одноклассник и ближайший друг тех лет Соломон Волков. Но в Риге это было довольно трудно, потому что в вузах преподавание шло на латышском, а я им не владел в достаточной степени. А в другой город меня родители не отпустили бы, я был единственным сыном.

Потом я был в музыкальном училище, оставался год до поступления в консерваторию, я страшно волновался и решил в качестве эксперимента попробовать сдать вступительные экзамены на филфак. Получилось так, что я сдал на все пятерки, и отказываться уже было глупо. Нельзя сказать, чтоб я был тогда далек от литературы. Маяковским, Бабелем я увлекался еще в школе, любимым поэтом у меня был Пастернак, как у многих музыкантов.

Со мною шел Женя Годдес, который был на три года старше и поэтому казался намного мудрее и опытнее. И он сразу объявил, что самый предпочтительный вариант дальнейшей карьеры — это

аспирантура, научные занятия. Мы увлекались XX веком и, когда через год поступил Тименчик, поделили площадки, выбрав кто Пастернака, кто Мандельштама, кто Ахматову. Но для научной подготовки мы пошли в пушкинский кружок, которым руководил Лев Сергеевич Сидяков — стопроцентный пушкинист, кроме пушкинистики ничем никогда не занимавшийся. Человек несколько изломанной биографии — он подростком был под немцами в Латвии, не был ни членом партии, ни комсомольцем, — он прошел аспирантуру Пушкинского Дома, и в университете это был единственный островок чистой науки, беспартийной и внеидеологичной. И мы, трое мальчишек, поставили себе задачу превратить облюбованные нами области изучения в нечто столь же фундаментально академическое, как пушкинистика.

МЭ В кружок Сидякова вы шли, уже не предполагая быть пушкинистами и зная, что ваши научные интересы связаны с XX веком?

ЕО Не совсем так. Наш научный интерес был в том, чтобы стать хорошими филологами. И мы верили, что без занятий пушкиноведением этого достичь невозможно. Мы готовы были стать пушкинистами, хотели этого, но не знали, получится у нас или нет. А занятия XX веком мы особо не афишировали, это было больше для души.

ИҮ Роман Тименчик вспоминает о рижском курсе лекций Синявского как о переломном моменте своей биографии. Как я понимаю, в вашей судьбе знакомство с Синявским тоже сыграло чрезвычайно важную роль?

ЕО Это действительно так. Он приехал в ноябре 1962 года. Это казалось странным, тогда не было практики приглашения иногородних профессоров. Потом Синявский объяснил мне, что наша декан была сестрой любовницы Дементьева, зама Твардовского по «Новому миру». А Синявский с Дементьевым очень плотно работал и в журнале, и, что еще важнее, в Институте мировой литературы. Поэтому его позвали. Это было совершенно потрясающе — момент легитимизации той области, которой мы хотели заниматься. Он говорил об этих поэтах без всяких ограничивающих оговорок, как о явлении чрезвычайно важном. Потом он стал предлагать какие-то темы, мы что-то предложили в ответ, и он сразу вычислил, что у нас на уме. И после первого же выступления, вместо того чтобы пойти с преподавателями, он подошел к нам и сказал: «Ну что, братцы, пойдём прогуляемся». И было видно, что его не интересуют профессора, доценты и прочие.

С ним я сдружился тогда очень близко, потом я жил у него, когда приезжал в Москву, — он настаивал на том, чтобы я остановился у него. И в первый же приезд — это было буквально через месяц, в декабре 1962го, — я оказался, можно сказать, в самом пекле антисоветчины. У него было полностью сам-издата, всего того, о чем мечтать было невозможно в Риге, включая трехтомник Пастернака. Показал он мне и напечатанные произведения Терца и спрашивал моего мнения, не раскрывая псевдонима. И только после его ареста, когда спустя несколько дней эта новость дошла до Риги, я понял, почему он хотел, чтобы я это почитал.

ИҮ Вы хвалили?

ЕО Нет. Я не думаю, что и сейчас стал бы хвалить. Но сейчас для меня это просто другое явление, историческое, я лучше понимаю контекст. Однако «Фантастические повести» я не стал бы хвалить и теперь.

ИҮ А Тарту насколько было важным явлением для вас?

ЕО Очень важным. Тименчик был первый, кто съездил туда и привез сведения о Лотмане. И вскоре мы все оказались в поле притяжения лотмановской кафедры, молодого Тарту. Людям младшего поколения, наверное, трудно представить, до какой степени это было окрыляющим явлением в общественном и в нравственном смысле — помимо чисто научного значения. Ощущение было полной свободы, несоветскости, без каких-нибудь эксцессов. Просто весь университет был целиком сфокусирован на науке, а не на идеологической подготовке. Это чувствовалось и на естественнонаучных кафедрах, где стремились идти в ногу с Западом, и на общественных. Даже тома, посвященные истории КПСС, выглядели в Тарту серьезными научными публикациями. Не случайно в 1968 году партийная организация Тартуского университета единственная в Союзе выразила протест по поводу вторжения в Чехословакию.

Лотман был человеком осторожным и дипломатичным. Он совершал так много невысказанного для Москвы и Ленинграда в силу специфической констелляции, сложившейся в Эстонии. Например, там

свирепствовала цензура на эстонском языке, но все, что выходило порусски, считалось спущенным из Москвы. Это нам сразу объяснил Сеня Рогинский, который был тогда в Тарту второкурсником. Поэтому там, скажем, перевели Пильняка, об издании которого в России нельзя было и мечтать тогда. И дело даже не в какихто изолированных фактах — то обстоятельство, что возможны такие изломы в географическом пространстве внутри государства, само по себе имело огромное воспитательное значение. Было это еще до обыска у Лотмана

царствующей четой как хотел, — обывательское. Не было связи между властью и обществом. Власть не считала должным объясняться, а у общества складывались мифологические представления о ней.

АИ Какова роль «Займа Свободы» в событиях 1917 года и каково участие евреев в этом займе?

ИА Февральская революция принесла евреям равноправие. У евреев не могло не быть позитивного отношения к февральским событиям. Часть евреев относилась к весьма состоятельным слоям российского общества. В значительной степени это были те, кто жил за пределами черты оседлости. Так что не секрет, почему треть торгового класса России подписалась на «Займ Свободы». Люди получили от Февральской революции то, о чем мечтали на протяжении столетия. Евреев вообще захлестнула волна патриотизма. Они хлынули в военные училища. Появились первые офицеры-евреи. И то было не только столичным явлением. Среди тех евреев, кто выступил против захвата власти крайними радикалами, левыми силами в 1917 году, евреев было в разы больше, чем участников захвата. Ни одна революция, за редчайшим исключением, не случается вследствие заговора. Заговоры случаются чаще, чем происходят революции.

АИ Как повлияли на евреев — сторонников демократических реформ процесс Бейлиса и массовое выселение евреев в 1915 году?

ИА Это явления разного порядка, да и времени. В защиту Бейлиса поднялась вся русская демократическая общественность. Речь на суде самого правого кадета Василия Маклакова сыграла решающую роль. Речь Грузенберга скорее была речью о судьбе еврейского народа, а Маклаков говорил по существу: не нам решать вечный еврейский вопрос, нужно решить, виновен ли конкретный человек — Бейлис. Что касается выселения. Значительная часть русской интеллигенции, включая кадетов, выступила в защиту евреев. Выселение обсуждалось партией кадетов на конференции, и выступал Винавер. Было немало людей, которые выступили против огульного обвинения евреев в шпионаже и нелояльности. В то же время, когда собирали подписи под воззванием, многие не подписались, считая, что это несвоевременно. Но можно сказать, что по поводу высылки евреев в 1915 году большая часть русской интеллигенции выступила с протестом и сочувствием к евреям.

АИ Каменев и Зиновьев, считая, что захват власти приведет к тяжелым последствиям, опубликовали в меньшевистской «Новой жизни» статью о готовящемся восстании, после чего вышли из состава ЦК партии. Почему Временное правительство не приняло никаких мер, зная о планах большевиков?

ИА О них знали все. Просто Временное правительство оказалось бессильно. «Власть валялась на улице», большевики ее подобрали. Один из участников вспоминал впоследствии: казаки, явившись на защиту Зимнего дворца, поначалу говорили: «У Ленина вся шайка из жидов». Но, убедившись в слабости защитников, изменили свое мнение: «Кругом жида да бабы, да и само правительство наполовину из жидов. А русский народ — там, с Лениным обосновался». Много лет спустя Керенский вспоминал, как, уезжая из Петрограда, видел надпись на одном из домов: «Долой еврея Керенского, да здравствует Троцкий!»

«ἘΞΑ-ἘΪ ἘΝΝΑΔ» — ὙΟΪ «UPWARD MOBILITY»^[1]

ΑΒΑΕΑΪ ΑΪΔΙΑΑÖ

ἘΝΟΪΔΕΕ, ἘΞΟΑΡΑΟÖΔΙΑΑΑ, ΪΔΙΟΑΝΝΙΒ, ΣΑΑΑΑΟΡ ὙΕΕ ἘΑΟΑΑΔΥ

ἘΟΑΑἘἘἘΟÖἘΑἘΝἘΪΑΪΟΪἘΑΑΔΝÖἘΟΑΟΑ (ΪΪΑὙἘ ἸΔἘΑΑΪ, ΝΟΑ)

ΑΪ «Февральская революция была совершена русскими руками» — мнение не одного Солженицына. Считается, что ни одна из революционных партий не участвовала в Февральской революции, следовательно, не участвовали в ней и евреи.

ΑΒΑΕΑΪ ΑΪΔΙΑΑÖ «Русские руки» — это неэффективная внешняя и внутренняя политика царского правительства. К которым следует отнести также личные и семейные неурядицы царя и игры Распутина. Февральская революция была совершена кровопролитной войной, а точнее — неготовностью к долгосрочной войне. Именно благодаря этим обстоятельствам власть в России перешла в руки к избранным делегатам Государственной думы. Говоря о Февральской революции, нельзя забывать о скоротечности революционного февраля. Февраль «русскими руками» — это такой фокус, в ходе которого вычеркиваются все «до» и «после» с одной целью: сразу же после передачи власти Временному правительству появились нерусские самозванцы — большевики, меньшевики, эсеры, анархисты, просто евреи, которые затеяли в стране переворот. И вот на этом основании я должен сделать вывод, что Февральская революция была лучше Октябрьской, поскольку Февраль был совершен «русскими руками»? Мне кажется тяжелым бредом искать виноватых в многонациональной стране по национальному признаку. Подобный подход к историческим событиям приводит к фальшивым интерпретациям.

ΑΪ Евреи благодаря Февральской революции получили равные права с другими гражданами. Поэтому практически вся еврейская элита России восприняла большевистский переворот не иначе как катастрофу. Почему же столь живучей оказалась байка о «жиде-комиссаре»?

ΑΑ Тут нельзя не вспомнить некоторые статьи Владимира Жаботинского, направленные против антисемитизма, в которых он наглядно показывает, почему не сходятся историческая правда и то, как ее понимают массы. Зная эти статьи, уже лень объяснять русскому патриоту, что коммунизм определяет человека по экономическому классу, а не по национальности. Но есть вопросы, на которые ответить сложно, но необходимо: к примеру, почему евреи стремились попасть в большевистский лагерь? Хотели воплотить свои мессианские идеи с помощью коммунизма? Или потому, что из всех возможных политических групп, стремящихся к власти с 1917 по 1921 год, только большевики реально могли защитить еврейское население? В любом случае «жид-комиссар» — это «upward mobility».

ΑΪ Можно ли утверждать, что с приходом Временного правительства, издавшего ряд важных декретов и распоряжений, Россия на какое-то время превратилась в одну из самых демократичных стран в мире?

ΑΑ Хотел бы с вами согласиться, но должен предостеречь от заблуждения. Возьмем хотя бы Парижскую мирную конференцию 1919–1920 годов, на которой после первой мировой войны не только

определялись границы, но и много времени уделялось защите прав национальных меньшинств Восточной Европы. Ни одна из стран-участниц не соблюла пунктов договора. Пора идеализма, вильсоновское время... Я считаю, что либеральная конституция со всеми ее декларациями была, так сказать, конвенциональным приемом, зеркалом мнений элитных групп того времени. Воплотить эти идеи в жизнь оказалось не по силам ни России, ни Восточной Европе.

АИ Были ли сионисты верны своему воззванию: «Всемерно поддерживать Временное правительство»?

АА Сионисты, как и большинство евреев России, не были политически независимы. Они были вынуждены формировать коалиции. Слева — радикальные партии, считающие сионистов правыми реакционерами; справа — русские патриоты, использующие антисемитизм в своих «праведных» целях. Потому и присоединились к либералам. В 1917 году сионисты сформировали самую большую партию (150 тысяч голосов на выборах в мае из представителей еврейской общины), но в контексте общей русской политики их все равно оказалось мало. Генезис Декларации Бальфура — удивительная вещь. Англичане исходили не только из соображений филантропии. У них были и другие виды.

ΥΟΙ ΑΥΕΙ ΑΕΙ ΔΑΙΕΡ ΟΕΙ ΙΙ ΟΕ Ι ΔΙ ΟΑΝ

ΑΙ ΤΑ ΑΑΕΟΙ ΑΙ

ΕΝΟΙ ΔΕΕ, ΙΙ ΟΑΝΝΙ ΔΙ Ι ΕΕΟΙ ΕΙ ΑΕΕ ΑΑΡ ΕΕΑΙ ΝΕΙ ΑΙ ΟΙ ΕΑΑΝ ΟΕ ΟΑΟ

ΑΙ Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что революции делаются на чьи-то деньги.

ΑΙ ΤΑ ΑΑΕΟΙ ΑΙ Если вы имеете в виду пресловутые «немецкие», то Ленин их брал, но это вовсе не было решающим для совершения Октябрьского переворота. Конечно, при помощи немцев он выпускал «Окопную правду», которая напрямик уходила на фронт. Большевики таким образом способствовали анархии на периферии. Солдаты, по большей части крестьяне, верили убеждавшим их агитаторам, что, пока они проливают кровь, начался раздел земли и нужно возвращаться в деревни. Они бежали, становились дезертирами, преступниками. Очень скоро выяснялось, что никакой земельной реформы нет, что их обманули, но терять уже было нечего, и эти дезертиры жгли и грабили повсеместно. Но здесь чьи-то «тайные вложения» ни при чем. А почему ранее отрекся царь, не понимая, к чему этот шаг неминуемо приведет? Разве Николая II подкупили? Когда эпохальные события и чудовищные жертвы огромной страны с налета низводятся до денежных махинаций — это унижительно для самой страны и ее истории.

ΑΙ Первая русская революция — 1905 года — проходила под знаком «большого террора». Каково участие террористических групп в следующей революции — Февральской?

ΑΑ В декабре 1916 года с Лениным связались члены Петроградского комитета партии (большевиков), спрашивали, не будет ли он против, если они устроят теракт, поскольку очень подходящее время, нестабильное; можно еще сильнее «качнуть». Ленин страшно обрадовался и ответил им (я цитировала неоднократно этот архивный материал), что идея просто замечательная, мол, делайте, устраивайте теракт, только чтобы имя большевиков не фигурировало. Но питерские большевики не успели. Началась Февральская революция, во время которой не было террористических актов — вплоть до большевистского переворота и начала красного террора. В феврале 1917-го открыли тюрьмы, из которых вышли многие, умеющие делать только две вещи: стрелять и сидеть. Среди этих «политических» половина была просто бандиты. В начале XX века террор принял уголовные оттенки, многие революционеры жаловались, что им очень трудно отделить преступников от пламенных борцов. И вот эти «борцы» вышли на волю и занялись своим любимым делом: в следующие полгода они громят, «грабят награбленное», убивают. А потом большевики приходят к власти и трудоустраивают многих в ЧК и в трибуналы. Большевики были первыми радикалами, которые, выйдя из подполья, начали строить террористическое государство, опираясь на свой террористический же опыт. Вторыми стали боевики пришедшего к власти «Хамас». Наряду с израильтянами, его жертвами стали свои, «внутренние враги», как это прежде случилось в России. Когда терроризм обретает власть, это становится проблемой прежде всего гуманитарной — еще и потому, что с его помощью власти превращают свой народ в винтики государственной машины.

ΑΙ Что это за понятие такое — «безмотивный террор»?

АИ В первую русскую революцию террор принял черты, которые мы видели на протяжении всего XX века и видим сейчас. По сути дела, *он стал безмотивным*. Раньше террор был направлен против конкретных людей. Таким способом террористы пытались отомстить, наказать конкретного человека за его поступки, за его позицию, за то, что он использовал свою должность не так, как им того хотелось бы. Ну и, разумеется, запугать других. В начале же XX века террор практически для всех леворадикальных партий стал орудием классовой борьбы, — *безмотивным*, как они его сами назвали, и почти безграничным. Крыленко впоследствии замечательно выразился по этому поводу: мы не признаем буржуазные отношения, где наказание соответствует мере тяжести содеянного. То есть «наказание» должно соответствовать лишь классовым интересам. И анархисты так же считали, и многие другие партийцы-революционеры. В этом трагедия современного террора — когда убивают людей не за то, что они что-то сделали, а за то, что они кем-то являются. Классический пример — взрывы в Израиле. Или 11 сентября.

АИ Много ли было среди евреев тех, кто участвовал и в Февральской революции, и в Октябрьской?

АИ Нельзя разделять революции на Февральскую и Октябрьскую. Это один процесс, и евреи участвовали в этих событиях, как участвовали в них этнические русские, украинцы, поляки, грузины и представители других национальностей. Думаю, евреев, «погулявших и тут, и там», было немало. Возьмем хотя бы Троцкого, который вернулся из-за границы в мае 1917 года как межрайонец, а к октябрю уже был большевиком. Февральскую революцию делали не евреи, но и Октябрьскую тоже, если даже считать ее революцией. Кто же делал? Политические деятели, партии. В них, безусловно, хватало евреев, но если сравнивать со всем российским еврейством, которое под влиянием Хаскалы и модернизации ассимилировалось, однако в массе своей продолжало оставаться традиционным и в большой степени религиозным, то эти активисты — незначительный процент.

ΝΟΙΕΥΙΕΙ ΙΑ ΑΥΕ ΑΑΟΙΔΙ ΔΑΟΙΔΙ Ο

ΝΑΔΙΑΕ ΕΟΕΕΕΙΑ

ΕΝΟΙΔΕΕ, ΝΟΑΒΟΕΕ ΙΑΟ×Ι ΥΕ ΝΙΟΒΟΑΙ ΕΕ ΝΑΙ ΕΟ-Ι ΑΟΑΒΑΟΔΑΝΕΙΑΙ

ΕΙ ΝΟΕΟΟΑ ΕΝΟΙΔΕΕ ΔΑΙ

ΑΙ Сегодня историки пересматривают Аграрную реформу Столыпина и ее роль в Февральской революции. У вас есть своя точка зрения на этот счет?

ΝΑΔΙΑΕ ΕΟΕΕΕΙΑ Реформу Столыпина неправильно называют «стольпинской» — Столыпин не был ее автором, и продолжалась она и после него. Эту реформу запланировал и стал постепенно проводить, еще до Столыпина, сам Николай II. Хотя уже в молодости Столыпин являлся ее принципиальным сторонником. Если аграрная реформа и вызвала революцию, то только в том смысле, что революционеры, в том числе и Ленин, понимали: к середине 1920-х годов реформа, если ее не прекратить насильственно, решит аграрный вопрос, а значит, устранил поводы для революции в деревне.

ΑΙ Как вы относитесь к идее Бориса Миронова, который, работая с архивами, доказал, что причина революции была не в том, что жизнь населения ухудшилась, а, наоборот, в том, что реформы 1861 года привели к значительному повышению благосостояния? И как рассматривать в этой связи жизнь российского еврейства с его бедственным положением?

ΝΕ Идея Миронова — одно из самых грандиозных достижений не только отечественной, но и мировой историографии последнего времени. Только ему удалось найти наиболее объективный критерий для оценки уровня благосостояния — антропометрические данные за 200 лет (то есть данные о среднем росте населения). Что касается еврейства дореволюционной России, то оно никогда не было однородным по своему составу, как и любой другой национальный (или социальный) слой в любое время и в любом месте. С одной стороны, преуспевающие банкиры, ученые, литераторы, с другой — несчастная беднота черты оседлости.

ΑΙ С чем связано то обстоятельство, что Якоб Шифф приветствовал Временное правительство и обеспечил поддержку «военного займа»?

ΝΕ Ни с чем особенным! Будто, кроме Шиффа, приветствия Временному правительству не послали тысячи должностных лиц и обыкновенных людей, обретавшихся не только за рубежом, но и в России. Падение монархии в феврале 1917 года обеспечили, прежде всего, русские деньги: в 1916 году московские промышленники насобирали по подписке десятки миллионов (!) рублей на революцию, один только Терещенко дал на нее пять миллионов. Каналом перекачки этих сумм «революционным массам» явился Центральный военно-промышленный комитет, возглавлявшийся Гучковым.

ΑΙ Почему социалисты пренебрегли предложением Винавера объединиться с либералами?

ΝΕ В России социализм всегда шел только на тактические союзы с либералами, поскольку для него, в отличие от Западной Европы, была характерна утопичность — в силу иудеохристианского характера

своего генезиса и экзистенциального непонимания того, что рай в этом мире невозможен. «Всё и сразу» — вот девиз наших замороженных социалистов, да и радикальных либералов, хотя опыт западноевропейских соседей доказывает, что такое бывает только в сказках. Показательно, что подлинный социализм преуспел в монархиях Скандинавии, где социалисты больше думали об изменении общественных, а не политических форм.

Á ááááá 2012 ááá Áíéúááý éñóíðéý ñííáá ðééááð íá çáíýñòçýð íááéð ðéé í èðéíááí è íðíòáñòíá íúóíáíéáí, ÷òí æéðç èáé æééè íðáæáá áæá íáéúý. Íí èí áííí ñáé:áñ éíáá í ú ñáíéí è áðáæááí ñééí è íñòóíéáí è ðíðéí ííðíááðáí óòú ðáðáéúííñòú ñááñóááííé ó:áñðé, íñááííí ááæíí ííí íéòç çá ÷òí ðáñíéá:éááéáñíí ñòðáíá íá íðíòýæáíéè óáéíáí ááéá, éáéá:á ñúáúáú í èéééíííá éþááé, áéíý á ñááýíííí «áíðíáé», «Íáí áðééá ááí úáé» è «æéáíá-éíí éñíáðíá».

[1]. Лифт социальной мобильности (англ.).

— Я отправилась в ульпан, — говорит Эстер так, точно она отправилась на сафари.

Роза думает, что всякий, кто увидел бы их, заметил, какая между ними разница: Эстер после полутора месяцев в Майами полна жизни, она же после зимы, проведенной в городе, — осунувшаяся, умученная, вдобавок ко всему еще и Мори болен, а помощи ни от кого нет. Есть у тебя силы, нет сил, никто ничего за тебя не сделает. Эстер рослая, широкая в бедрах и в плечах, ее пышные темные волосы начали редеть на макушке. Роза — а она и всегда-то была миниатюрная — сбавила в весе, хотя худой ее по-прежнему не назовешь. В ее коротких, когда-то черных волосах заметна сильная проседь. У нее нет времени на себя, да и в салон красоты ей некогда сходить.

— И кого бы, ты думала, я там встретила в первый же день? — спрашивает Эстер. — Сестру доктора Медника!

— Мы с ним, — объявляет Роза, — больше не разговариваем.

— Знаю, — говорит Эстер. — Но я никак не ожидала встретить там его сестру. Она на него ни чуточки не похожа, и не сразу догадаешься, что она его сестра.

Роза смотрит туда, где у Эстер помещался бы камин, не будь ее квартира зеркальным отражением Розиной.

— А потом, всего два дня спустя, я пошла в детскую гостиницу, ну ты знаешь, ту, где Дугины банкиры съезд устраивали, и сижу это я себе у бассейна, и тут откуда ни возьмись — Беатрис Шварц с ним; он после операции говорить может только через этот, ну ты знаешь, голосовой ящик, а ей хоть бы хны: ногти длиннющие, крыты белым лаком, брюки белые, отутюженные-разутюженные. И не их одних я там встретила. Всех не перечислить. Словом, мир, сама знаешь, тесен, а там этих миров невесть сколько. Но я беспокоилась за тебя, Роза.

— Что тебе сказать, — говорит Роза. — Он очень плох.

— Но духом не падает?

— Веселехонек.

— Хотелось бы мне в его годы быть всегда в таком солнечном расположении духа, — говорит Эстер.

Розиному мужу, Мори, восемьдесят три, он на десять лет старше Розы, на пятнадцать Эстер.

— Мало того, сегодня еще приезжает его дочь.

— Из Израиля?

— Мы ее лет сто не видели, и она — нечего сказать — нашла время приехать.

— Я смогу поговорить с ней на иврите, — радуется Эстер.

— И жить она будет с нами, — сообщает Роза. — У нас в квартире.

— Долго?

— Она не говорит. — Роза понижает голос до шепота. — У нее билет с открытой датой, и, похоже, она намерена остаться до, Б-же упаси, конца.

Эстер качает головой.

— Иначе зачем бы ей приехать именно сейчас? Она ни разу к нам не приезжала.

В вестибюле Роза с трудом извлекает почту из тесного алюминиевого ящика № 5. Счета, отчеты из страхового общества, есть тут и календарь Иерусалимского сиротского приюта для девочек, в нем полутоновые фотографии смеющихся девчачьих лиц — огромные глаза, курчавые волосы, форменные платья. Поднимаясь по лестнице, она перелистывает календарь. Розе нравится этот приют, и она каждый год понемногу ему жертвует. Ей всегда хотелось дочку, но у них с Беном, ее первым мужем, двое сыновей. Генри и Эдуарда она бы ни за что ни на кого не променяла. Но маленькую девочку ей всегда хотелось. Летом она наряжала бы ее в крахмальные белые платьица с бархатными кушачками. Устраивала бы чаепития для ее подружек, мастерила бы наряды, шляпки с бантами для кукол. У нее есть две внучки, это да, но живут они далеко, и для кукол, пожалуй что, великоваты и, пожалуй что, слишком нравные. К тому же и мелкие вещички она шить не может — зрение уже не то. В приюте учат шитью и всякому рукоделу; девочек, как пишут в календаре, «наставляют строго согласно Торе». Розины пожертвования поддерживают школу, столярную, портняжную мастерские, фонд приданого для невест, цель которого «помочь создать еврейский дом».

Она поднимается к себе, в квартире — невыносимая духота, воздух нагретый, спертый. Женщина из службы читает на диване ее журналы, Мори спит в кресле. Книги с крупным шрифтом — их для него берут в библиотеке — сложены стопкой у его ног, колени накрыты пледом — он дремлет чуть не весь день. Он так плох, что ему дают столько таблеток, сколько он ни попроси. А вот Розе доктор Медник не хочет ничего прописать. Она пришла к нему, просто-таки умоляла дать ей хоть что-то, чтобы она не так мучилась. Так нет же. Солнце, проникая сквозь окна, греет закинутое вверх лицо Мори, — не иначе как ему снится, что он загорает на палубе океанского лайнера. Хорошо бы так оно и было. Уплыть бы с ним сквозь слякоть и льды из Вашингтон-Хайтс в Гудзон, а там через Атлантический океан далеко-далеко. Если б он был здоров. Если б они могли уехать. Роза наклоняется над ним.

— Мори, — говорит она, — я не знаю, что делать. Куда мы ее поместим? На диван в кабинете? Ей лучше там спать?

Роза толком не знакома с Дороти, дочерью Мори. Видела ее всего раз. Мори развелся с женой в 1950-м, Дороти тогда была совсем маленькой, о Дороти Роза знает только, что Дороти жила то там, то сям, потом сбежала в Палестину. Она, можно сказать, выросла в теплицах, занималась помидорами. Росла, росла и вымахала в здоровенную бабищу, кряжистую, грузную, с густыми, черными, стриженными ежиком волосами и пушком на верхней губе. Перспектива иметь ее в своем доме Розу пугает. Мори и раньше болел, но Дороти никогда не приезжала, и вот — на тебе — нагрнула как снег на голову. Каково ей будет в одной с Дороти квартире? Вечно у нее на глазах. А ей еще и готовить для этого ангела смерти. Это выше ее сил. Будь Мори здоров, дело другое. Тогда она с дорогой душой приняла бы любого.

Они с женщиной из службы будят Мори — пора дать ему лекарство. Приносят обед на подносе, который прикрепляется к ручке кресла, уговаривают его поесть. Он лишь ковыряет еду вилкой.

— Съешь хоть один-два кусочка, — просит Роза.

— Знаешь, что я тебе скажу, — говорит он, голос у него слабый, надтреснутый, Мори усох почти до невесомости. — Отряди-ка ты эту барышню на 160-ю улицу. Очень хочется номера 11 на ржаном хлебе, совсем без жира, с луком кольчиком, и вишневым газировки.

— Тебе этого не съесть.

— Луком я намереваюсь поделиться с тобой, — говорит он галантно.

— Но тебе со всем этим не справиться, — стоит на своем Роза.

Они то и дело гоняют барышню на 160-ю улицу. Роза говорит, что такая еда не для его желудка, Мори корчит гримасу.

— И что случится? — спрашивает он. — Меня что — сэндвич с солониной и языком на ржаном хлебе в гроб сведет?

— Не говори так, — одергивает его Роза.

Она терпеть не может, когда он такое говорит — добро б он шутил только над своей болезнью, так нет же, и над ее страданиями тоже.

Он, по-видимому, поддразнивает ее, его глаза, сильно увеличенные очками, поблескивают.

— Детка, не трепыхайся ты, — говорит он.

Дороти сорок пять, она спит, целый день спит. Храпит в кабинете на обитом зеленым шелком Розином диване — лицом уткнулась в валик, все накидушки на пол посбрасывала. Ходит она в тренировочном костюме, для бега которые, но бегать не бегаёт, по утрам принимает душ, изводит всю горячую воду. А как выйдет из ванной, трясет головой — вытрясает воду с ежика волос — ну медведь и медведь. А потом день за днем сидит и смотрит, как отец спит: дожидается, когда он проснется. А стоит ему открыть глаза — набрасывается с вопросами. Как у него сегодня с сердцем, от чего он принимает то лекарство, от чего — это. Про врача ей все нужно знать. А потом давай расспрашивать про его жизнь. Чем он в профсоюзе занимался, на каких условиях работал сдельно, когда был закройщиком. Только расспросы эти — просто уловка, Роза не слепая, она все видит. Едва Дороти начнет расспрашивать Мори про его жизнь, как тут же переводит разговор на себя. А потом ну шраить^[1] на него.

— Отец, — говорит, а голос у нее низкий, прямо-таки утробный, к тому ж еще гнусавый, гортанный израильский выговор, будто она там родилась. — Я приехала, чтобы быть с тобой.

— Что она говорит? — спрашивает Розу Мори.

— Потому что я твое единственное дитя, — продолжает Дороти, — вот почему я приехала быть с тобой, хоть и не имела возможности тебя узнать. Я хотела приехать и поговорить с тобой, чтобы мы наконец узнали друг друга. Я хотела рассказать тебе о своей жизни, что я сделала...

— Милая, я тебя не слышу, — говорит Мори.

— Что я сделала, — громко повторяет Дороти.

— Да, да, что ты сделала? — спрашивает Мори.

— Я и сама задавала себе вопрос: что я такого сделала, что ты со мной не виделся. Забыл меня, свою дочь.

— Послушай, — объясняет Мори, — это ж когда было. Сама знаешь, какие у меня отношения с твоей матерью — хорошими их не назовешь. Она меня выставила из дома. Мы развелись.

— Но речь не о ней одной, а и обо мне.

— Так ты ж осталась с ней, вот какое дело. Твоя мать сказала, что я не достоин воспитывать ее дочь. Раз так, пусть будет так. Не воевать же мне с ней.

Он задремывает, не в таком он состоянии, чтобы долго разговаривать.

Роза пытается шугануть Дороти. На глазах Дороти наворачиваются слезы, тяжелые, крупные. Это ж ужас что такое, она, упаси Б-г, того и гляди похороны в квартире устроит. Если бы она приехала подбодрить их, дело другое. Приехала бы помочь. Куда там, она знай хнычет и ноет. И еще она, Роза уверена, все чего-то вынюхивает. Роза ночью слышала, как Дороти бродила по квартире. И вроде бы пыталась открыть секретер, где у Розы хранятся бокалы венецианского стекла, чайный сервиз с желудевым мотивом, хрусталь — все это куплено, когда она работала в «Тиффани»^[2]. Ночью ей мерещится, что Дороти открывает стеклянные дверцы. Днем до нее доходит, что ничего такого быть не может. Вещи в секретере Дороти решительно не интересуют. Дороти, скорее всего, слыхом не слыхала о «Тиффани», где Роза когда-то стояла за длинным стеклянным прилавком и где ей случилось встретиться и с особами королевской крови в лице герцога Виндзорского и его свиты, пока они перебирали серебро и драгоценности. Такие вещи — не Дороти ума дело.

Ну а потом рано утром Роза накрыла ее с поличным. Вошла она это в кабинет и видит: Дороти выдвинула ящик письменного стола и что-то там разглядывает.

— Это стол Бена, — Роза только что на крик не срывается.

Стол этот ее дорогого покойного мужа. Мори никогда за ним не работал. Никто к нему не притрагивается. Стол пустует — на нем только пишущая машинка Р. С. Аллена^[3] и переплетенный в кожу еженедельник.

Дороти оборачивается, видит Розу, но ничего не говорит.

— На что ты там смотришь? — спрашивает Роза.

— Вот, — говорит Дороти. Она открыла коробку, где лежит пачка напечатанных на машинке страниц.

— Это диссертация, — голос у Розы пресекается.

Она поспешно закрывает коробку, задвигает ящик. Коробку эту в семье именуют Диссертацией. Исследование это ее дорогой муж Бен писал в 1926 году в Вене, в бытность свою докторантом. Но, разумеется, его не закончил, да и как бы он его закончил: тут тебе и война, и семья, и иммиграция в Америку, и работа — он преподавал в средней школе французский и немецкий. Весь учебный год преподавал, летом писал французские учебники. Но автором учебников числился не он, а старший преподаватель, глава отделения. Бен об этом никогда никому — ни звука. Боялся потерять работу. Еще бы не бояться — Депрессия была в разгаре. Из семьи никто диссертацию не читал: дети по-немецки не читают. Роза бегло читает по-немецки, но при виде черно-синей машинописи у нее сами собой льются слезы. К тому же никакого интереса к историческим, литературоведческим работам у нее нет. Диссертация посвящена творчеству Томаса Манна.

Роза испепеляет Дороти взглядом: ничего этого ей сообщать она не намерена. Дороти не отводит глаз, она хоть и смущена и злится, но позиций своих не сдает.

— Я от нее рехнусь, — устроившись на обитом золотой парчой диване Эстер, сообщает ей в этот же день Роза. Эстер качает головой. — Она ну прямо ищейка. Все вынюхивает и выпытывает. Раньше она не давала о себе знать. Ну, может, раз-другой. А теперь, когда Мори заболел, она тут как тут, торчит у нас неделю, две...

— Всего неделю, — говорит Эстер.

— Я не суеверная, ты же знаешь, — говорит Роза.

— Конечно, нет.

— Но каждому понятно — как не понять — приехать вот так вот к пожилому человеку, когда он слег, приехать к больному отцу и вспоминать и вспоминать все, что былем поросло. Это ж ужас что такое. Переберись она хотя бы в гостиницу, и то было б легче. Я попробовала с ней поговорить, как-то намекнуть — куда там: уселась и сидит себе. Ничего вокруг ее не касается — чувствует себя как дома. По всему кабинету свои вещи раскидала. И знаешь, что она делает? День-ночь слушает новости по радио. Сообщения о дорожном движении. И знаешь, почему? Обожает катастрофы. Вот что она делает: сидит себе, а от нее по квартире так и расползается мрак.

Эстер спрашивает:

— Ну а ему это как?

Ему? Да он рад-радехонек, насколько это возможно. —

— Значит, ему хорошо оттого, что дочь с ним.

— Хорошо? Она его выматывает, последние силы отнимает.

— Да что она делает-то?

— Сидит, смотрит на него, разговаривает с ним. Он прикидывается, что не слышит ее. И для чего, по-твоему, она копается в столе?

— Роза, — говорит Эстер, — ты не в себе. Я не сомневаюсь: она это просто из любопытства.

— Стоит там, в ручищах диссертацию Бена держит, еще захватывает ее. Как, по-твоему, что ей было нужно?

— Я думаю, она, скорее всего, искала старые фотографии или письма, которые Мори писал в молодости.

— Его фотографии все в альбомах, в шифоньере, — говорит Роза.

— Но ей-то откуда это знать?

— Хочет посмотреть фотографии, почему бы не попросить — ей покажут, а лазить вот так вот в чужой стол — ну прямо как вор какой.

— Но она же его дочь, — повторяет Эстер.

Роза всплескивает руками.

— Вот поэтому-то я ничего и не говорю. А если б и сказала — ей же некуда податься. Денег на гостиницу у нее нет. Она приехала совсем без денег — сидеть приехала.

— Ей, я думаю, несладко жилось, — говорит Эстер. Глаза у Розы округляются. — Родители ее, ты же знаешь, разошлись, она убежала из дома совсем девчонкой, пробивалась сама, никто ей не помогал.

— Когда меня привезли в Англию, мне седьмой миновал. Я оказалась там совсем одна, во всем мире не было никого, кто мог бы обо мне позаботиться, — горячится Роза. — И такого, что мне выпало повидать и через что пройти, на ее долю не пришлось. — Эстер не уверена, что Роза права, но из деликатности не перечит ей. — Родители отправили меня в Англию, — говорит Роза. — Расстались со мной, чтобы меня спасти.

— Почему бы тебе с Дороти и Мори не прийти ко мне поужинать? — говорит Эстер. — Хотя бы отдохнешь от готовки.

— Нет-нет.

— Ты совсем извелась. Это же ясно — достаточно тебя послушать. Роза, ты меня беспокоишь. Смотри. У меня есть жареный цыпленок. Так что и готовить ничего не надо.

— Он не станет есть цыпленка.

— Так я приготовлю что-нибудь другое.

Роза должна отклонить приглашение Эстер. Эстер идет следом за Розой в ее квартиру — надеется переубедить ее, и Розе — ничего не поделаешь — приходится сказать, что Мори это уже не под силу. Роза, Эстер и Дороти стоят, смотрят, как Мори дремлет в кресле, греется на солнце, проникающем сквозь окно.

— Моя дорогая соседка, — представляет Эстер Роза.

— Шалом. Ма шломейх? Как поживаете? — обращается Эстер к Дороти на едва освоенном, еще детском иврите. — Шми Эстер. Эйх охевет Нью-Йорк? Меня зовут Эстер. Как вам нравится Нью-Йорк?

Дороти поворачивает руку ладонью вверх: мол, что мне за дело до Нью-Йорка.

— Я сюда приехала не на Нью-Йорк смотреть, — говорит она.

— Ат гара бимошав? Оса тапузим бабокер? Оведет маэр? — Эстер хочет сказать: «Должно быть, очень трудно выращивать помидоры и жить, как живут фермеры, вставать до света». А выходит у нее: «Вы живете на ферме? Делаете апельсины утром? Работаете быстро?»

Дороти ухмыляется.

— Ат митвина кицат иврит шели? Вы понимаете мой небольшой иврит?

— Да, — говорит Дороти.

— Знаешь, — позже делится с Розой Эстер, — еще год назад я представить не могла, что буду так говорить на иврите.

Роза не отвечает. У нее щемит сердце. Она совсем одна, такое у нее чувство. Сыновья звонят ей, спрашивают, как она. Ну что объяснишь по междугородному телефону?

— Будь ты здесь, все было бы иначе, — говорит она Эдуарду, когда он звонит из Вашингтона.

— Мы были у тебя две недели назад, ты что, не помнишь? Провели у тебя зимние каникулы.

— Но это когда было — до этого всего, — говорит Роза.

— До чего всего?

Она не отвечает из опасения, что ее услышит Дороти: та бродит где-то поблизости.

— Он ослабел, — говорит она Эдуарду. — Он куда слабее, чем раньше. Не может сам встать с кресла, мне едва удастся его поднять.

— Ма, я бы рад сию минуту сесть на самолет, — говорит Эдуард. — Но мне же надо лекции читать. Ма?

— Да?

— Я же просто хотел узнать, как ты себя чувствуешь.

— Что я могу тебе сказать?

— Что значит — что я могу тебе сказать?

Она молчит. Ей кажется: что толку рассказывать, как она себя чувствует, раз он говорит, что ничем не может ей помочь. Да и что скажешь по междугородному — в таких разговорах тоже толку нет. У него лекции, семья — вот чем у него забита голова. Даже у внуков мысли только о школе, таблице умножения, о лепке, рисовании и всем таком прочем. То ли дело, когда они были маленькие, прибежали к ней, наперебой болтали о всяких пустяках.

Потом звонит ее старший сын, Генри, из Вениса^[4], и ее бросает из одной крайности в другую. Из ледяного холода в обжигающий жар швиц^[5] бани: он вне себя от волнения, места себе не находит.

— Мама! Как ты? Как ты там справляешься? Обещай, что не выйдешь из дому, я слышал, у вас там страшная скользь.

С ее сыновьями всегда так. Эд, сухой, деловитый, а Генри — весь на нервах, так что, когда он звонит, ей же и приходится его утешать или заканчивать разговор первой. В Калифорнии он прошел курс психотерапии, так что теперь он лучше разбирается в себе. Оно бы и хорошо. Только теперь он рвется применять эти психотерапевтические приемы к ней. Разъясняет ей, как она себя чувствует, а когда она рассказывает про Мори, он — весь сострадание — стонет: «Мама, как же тебе, должно быть, страшно за него».

— Не говори так, — отвечает она. У нее такое чувство, что от него точь-в-точь как от Дороти исходит запах, как от разъедаемой плесенью губки, еле уловимый и вместе с тем узнаваемый.

Утешить ее по-настоящему может разве что жена Эда, Сара, ее любимая невестка. Генри, хотя ему уже сорок пять стукнуло, не женат. Замкнулся в себе. Все же одна невестка у Розы есть, притом красавица. Она говорит Розе:

— Не понимаю, с какой стати Дороти спать у вас на диване. Нелепость какая-то.

— Что я могу поделать? — Роза ей.

— Должны же быть у нее какие-то родственники, свойственники.

И Сара тут же, прямо по телефону, прикидывает, что можно предпринять, и у нее готов план. Сара не притворяется, она действительно думает о других, вот за что Роза сразу полюбила ее. А о сыновьях, пусть они и умные, и блестящие, никак такого не скажешь. Они пошли в Бена, их отца.

Посреди ночи Мори просыпается от удушья. Хватает ртом воздух. Роза сажает его на кровати, обкладывает подушками, включает все лампы. Тут в комнату, волоча за собой телефон, врывается Дороти. Она звонит в «скорую», орет в трубку.

— Нет, нет, — Мори задыхается. — Не надо «скорой». Я в полном порядке.

Дороти пропускает его слова мимо ушей.

— Он не хочет «скорой», — говорит Роза. — Не нужна ему «скорая».

Если б Дороти не дергала его, если б она оставила его в покое хоть на пару минут, он бы, Роза уверена, поправился. Но нет же, по квартире уже мечутся медики в белом. Поднимают Мори с кровати, приторачивают к носилкам все равно как шмат мяса.

Да они его погубят, растрясут по дороге по ухабам, будут молотить по груди. Холод пробирает до костей, а у них даже нечем его укрыть. Холодина вон какая, а шум какой!

— Прекратите! Прекратите! — вопит она. Они колотят его, а у него в чем душа держится. Она оттаскивает врачей, но они, ничего не говоря, отшвыривают ее к окну, заледенелому, черному. Ночь прорезают полосы света. А она даже пальто не надела. Машина со скрежетом тормозит, дверцы открываются. Выходя, Роза чуть не падает, один из санитаров подхватывает ее. Санитары бегом тащат Мори в приемный покой.

Дороти не хватило места в «скорой». Ее не взяли. Она пришла в больницу позже, встала — тень тенью — у изголовья Мори. Скорбно застыла у постели, льет слезы.

— Отец, — зовет она.

Он лежит тихий, в лице ни кровинки.

Видеть это невыносимо. Роза открывает сумочку, отдает Дороти чуть не все деньги, что там. Сует банкноты Дороти в руку.

— Пожалуйста, — говорит она. — Прошу тебя. Возвращайся.

— Возвращайся куда? — спрашивает Дороти.

— Туда, откуда приехала. Ты должна, непременно должна уехать. Ты что, не понимаешь? Ты его губишь.

— Что за ерунда? — басит Дороти.

— Да, да, уезжай. Ты что, такая тупая, сама не видишь? До твоего приезда он и ел, и читал, и спускался вниз. Ты его всех сил лишила, всю его кровь выпила.

— Что я такого сделала, чтобы его всех сил лишить? — вопрошает Дороти. — Что я такого сделала — я всего-то и приехала, чтобы быть с ним, посидеть с собственным отцом, поговорить.

— И посмотри, что с ним случилось, — говорит Роза. — Тебе этого мало?

— Не вам решать, когда мне приезжать и когда уезжать.

— У тебя уже виза кончилась, — заявляет Роза, от усталости, от возмущения у нее кружится голова. — И если ты не возьмешь деньги и не уберешься со всеми своими пожитками из моей квартиры, я... я напущу на тебя власти.

— Я — гражданка США, — невозмутимо отвечает Дороти.

Роза снова берет сумочку, вынимает чековую книжку. Выписывает чек, руки у нее трясутся. Речь, думает она, идет о жизни и смерти. На кону жизнь Мори. Чек на пятьсот долларов. Она кладет чек на широкий больничный подоконник. Ни она, ни Дороти на чек не смотрят.

Три дня Мори дышит-выдыхает, он то в сознании, то без сознания. Дороти говорит с ним, но он почти никогда ей не отвечает. На четвертый день Дороти берет чек.

— Прощай, милая, — говорит Мори, голос у него слабый, надтреснутый.

Дороти победительно смотрит на Розу.

Ночью Роза сидит у его постели. Она давно не спит, она уже и не помнит, сколько дней и ночей она не сомкнула глаз.

— Задремали? — спрашивает ее сестра. Роза открывает глаза, обжигает сестру взглядом. И вовсе она не спит. Если б она могла спать. Вместо этого она смотрит, как Мори дышит-выдыхает.

— Мама, — говорит ей Генри по телефону, — какой это ужас — ощущать, что ты на пороге... на пороге...

— На пороге чего? — спрашивает она.

— Ну... ну, я думаю... неведомого, — запнувшись, говорит он.

Она ничего не отвечает, вешает трубку. Сидя у постели, она вовсе не боится неведомого. Генри даже не помнит, что она уже раз прошла через это с его отцом. Она смотрит на Мори, и оттого, что она так хорошо все помнит, ей еще тяжелее. Перед смертью Бен две недели пролежал, не вставая, и она не сводила с него глаз. Сама свалилась, надолго попала в больницу. Что и говорить, это было много лет назад, но она ничего не забыла и никогда не забудет.

Бен и Мори ни в чем, решительно ни в чем не похожи. Бен — строгий, нетерпимый. Всегда угрюмый. Зароется в свои книги и ничего вокруг не видит. Бывало, днями с ней не разговаривал. Мори совсем другой, шутник, каких мало. Даже в первую их встречу они смеялись до упаду. Розина лучшая подруга Милли упростила Розу, чтобы та разрешила ей поместить объявление в еврейских газетах: «Обаятельная еврейская вдова...» Вот как она познакомилась с Мори. Вот как оно.

Хорошо ли им было вместе? Они путешествовали. Ездили туда-сюда. В отличие от Бена, Мори хлебом не корми — дай посмотреть новые страны, даже когда здоровье его пошатнулось. Он и в реанимации подшучивал над собой. У них минуты свободной не было: они ходили по концертам, по ресторанам. Он был беспечный, ничто, буквально ничто его не пугало. Он пил, курил сигары, ходил по улицам, когда стемнеет, сорил деньгами — ухлопывал их на бега, на рестораны, на сомнительные акции.

— Не тревожься, детка, — успокаивал он Розу. — У меня припрятаны денежки, целая кубышечка набралась.

Но не в его характере такое. Мори — это стрекоза, о том, что настанут холода, он и думать не думал. Экономил разве что на налогах, а налоги не платил по причине политических взглядов, был несокрушимый социалист, только что не коммунист. А вот ее дорогой муж Бен — он, можно сказать, муравей. Роза и Мори то и дело вздорили.

— Мори, — обращается она к мужу, лежащему пластом на белых простынях, — помнишь, когда я тебе дверь не открыла? Я себе этого никогда не прощу.

Несколько лет назад они поссорились, насмерть поссорились, она пилила его за то, что он выпил, и он выскочил из дому, даже пальто не надев. А как вышел, понял, что в такую холодрыгу не погуляешь, ну и вернулся. Но ключа второпях не взял, а она ему не открыла. Он стоял перед дверью в дом, жал и жал на домофон, и тут-то на него и налетели двое громил и оглушили его. Вытащили на тротуар. Она все видела из окна, а поделаться ничего не могла. Они же на восьмом этаже жили. Она кричала, звала полицию, но пока подросла полиция, громилы уже удрали, а ее бедняга муж лежал еле живой на тротуаре. Счастье еще, что громилы не пустили в ход ножи или что похуже.

— Никогда себе не прощу, — это она ему сейчас.

— Брось, — говорит он. Услышав его голос, она пугается. Он только что не утонул в белой постели, от него остался один голос.

Это были его последние слова. Он умер, а в ту ночь образцовая больница опустела, и никто не удосужился проведать его. Никто не знал, что он отошел, кроме Розы. Никто даже не заметил. Это ей пришлось обрывать звонки, метаться по коридорам.

— Вам это нужно — отвечать за халатное и безответственное пренебрежение своими обязанностями? — с такими словами ворвалась она ночью к дежурной сестре.

Приезжают дети. Эд с милой Сарой, Генри из Калифорнии — в кармашке у него темные очки. Эд вышагивает по квартире, отдает распоряжения: они должны связаться с раввином, должны наметить план действий. Она вот-вот упадет в обморок, такое у Розы ощущение. Эд — ну прямо генерал, он приземистый, коренастый, со стального оттенка серыми глазами, руки и ноги у него маленькие. Терпения у него совсем нет — дверь он и то открывает рывком, стукнув по дверной ручке ладонью. Генри, высокий, грузный, сокрушенный, он забивается в углы, рассматривает картины на стенах, приваливается к притолокам, заикается, притом всегда в самый неподходящий момент, и в любую минуту готов пустить слезу.

— Не хотел он раввина, — говорит Эду Роза. — Не верил он в них.

— Но, мама, он же еврей, поэтому я думаю...

— Он мне раз сто сказал: он хочет, чтобы его кремировали, а прах рассеяли, — говорит Роза. — Прощу тебя, у меня нет сил с тобой спорить. Прощу, сделай, как он хотел.

— Мама, — говорит Генри, — мы так и сделаем.

— Спасибо, — это она Генри.

— Но где надо рассеять п-п-прах, как он распорядился?

Вопрос этот добивает ее.

— Не знаю я. Почему ты меня спрашиваешь? Говорю тебе, не знаю. Ты мне что, допрос устраиваешь? Я десять дней ни минуты не спала, ни кусочка в рот не взяла. С какой стати ты меня допекаешь своими вопросами?

Сара протягивает ей бумажную салфетку. Говорит:

— Мама, давайте я сварю вам кофе.

Роза молча кивает.

Кофе дивное. Так, как Сара, никто не варит кофе, это все признают.

— Но, ма, — заводит Эд, а ведь она только-только к ним потеплела, — тебе пора подумать о будущем.

Будущем? Дурацкий вопрос. Ее уже кидало в будущее, и обратно, и к больничным воротам, и далеко за их пределы. Насмотрелась она на это будущее. Белая больничная постель, серебристые внутривенные трубки. Она уже видела конец. А теперь он говорит, что ей следует подумать о будущем.

— Ты должна инвестировать деньги, — говорит Генри.

— Не могу я сейчас об этом думать, — стонет она.

— Ничего не поделаешь, придется, — оповещает ее Эд: он горазд на ультиматумы.— Тебе хватит денег, чтобы жить в достатке, полном достатке, даже после уплаты задолженности по налогам и штрафов.

— Не хочу я их, — это она им всем.

— Но, мама же, — нависает над ней Генри, — ты сможешь уехать из Нью-Йорка.

— И отказаться от квартиры? — у нее перехватывает дух.

У нее перед глазами проплывают ее сокровища: птички, шитые гарусом, в рамках над диваном, секретер, черно-белые фотографии Эда и Генри в чудных матросских костюмчиках.

— Ты сможешь снять квартиру и лучше, — говорит Эд.

— И где, интересно, я получу семикомнатную квартиру за двести пятьдесят долларов в месяц? — спрашивает она.

— Пусть не квартиру с фиксированной рентой, зато в хорошем районе, — увещевает он ее, — где есть где погулять. Где тебя не ограбят, стоит тебе выйти из дому. Если ты подумаешь, м-м, о том, как разместить деньги, ты сможешь жить куда более покойно и счастливо.

И трех дней не прошло со смерти Мори, а он несет такое, противно слушать. Говорит о финансах и о счастье вот так вот, равняя одно с другим. Она встает, хватается за спинку стула.

— Я не хочу жить счастливее, — твердо, убежденно говорит она.

Не пойдет она в банк, не пойдет и в «Шиарсон»^[6]. Встретится разве что с Диком Горхемом, потому что с ним дружил Мори. Дик был юристом профсоюза, когда Мори состоял там бухгалтером. В то время профсоюзу ДБ^[7] был не по средствам, вот они и наняли Мори, у него-то диплома не было. Дику без малого восемьдесят, но юрист — он и в восемьдесят юрист, и от дел он не отошел. Свою контору на 8-й авеню в одну комнату, заваленную горами бумаг и папок, в доме без лифта он сохранил. Тут тебе и пожелтевшие газеты, идишские в том числе, и книги в бумажных обложках, и всяческие наградные знаки от профсоюза. Стены почти сплошь в фотографиях товарищеских обедов. Дик выходит из-за стола, распаивает ей объятия. Спрашивает, как она, но у нее за спиной уже сгрудились Эд, Сара, Генри. Все говорят разом. Ей нужно купить банковские сертификаты, нужно купить не облагаемые налогами муниципальные облигации. Эд стоит горой за банковские сертификаты, Генри — за облигации. Сара говорит: облигации тем хороши, что она сможет тратить проценты, а основной капитал не трогать. Роза открывает рот, но ей не удается сказать ни слова: они говорят наперебой. Она сейчас задохнется, такое у нее ощущение.

— Банковские сертификаты — это хорошее, солидное вложение капитала, — говорит Эд.

— А к-к-как же штрафы? — перебивает его Генри.

— Ну и что, что штрафы. Штрафы незначительные, она не понесет никаких...

— А что, если вложить деньги и туда, и сюда? Или учредить фонд... — предлагает Сара.

— Не лежит у меня душа к фондам, и я вам объясню почему. То, что они именуют продуктом, — растолковывает Эд, — это пакет, наиболее выгодный фондам, а все, что они именуют...

— Вон! Вон! Все — вон! — взрывается Роза. — Мочи моей нет вас слушать.

— Может, вы хотите перенести разговор на другой день? — Сара — само сочувствие.

— Нет, — рявкает Эд. — У меня нет другого дня.

— Я хочу поговорить с Диком. Без вас, — это Роза им. — Пожалуйста, выйдите. Прошу вас.

Они мнутя. Сара уводит их к выходу.

— И где прикажете нам ждать — на улице? — ворчит Эд.

Роза с Диком остаются наедине. Он подсаживается к ней.

— Роза, — говорит он. Берет ее за руку. Придвигает к ней большую стеклянную конфетницу, протягивает ей ириску. Она разворачивает желтый целлофановый фантик, кладет ириску в рот. Но стоит ей распробовать конфету, как из глаз у нее льются слезы: уж очень ириска вкусная. Она и забыла ее вкус.

— Не хочу я этих денег, — говорит она.

— Знаю. — Дик ее понимает. У него прямодушные синие глаза, высокий купол лба, розовый, с легкой россыпью веснушек. — Но он оставил их тебе, сама знаешь.

— Мы оставили деньги друг другу, — говорит Роза. — Разве не так?

— Вот-вот. В завещании он так и написал.

— Откуда я знала, что у него есть деньги, — Роза свертывает и разворачивает фантик.

— А кто знал? Никто.

— Ну а куда пойдут эти деньги потом? — огорчивает она его, что-то припоминая.

— Деньги? По завещанию после тебя деньги перейдут детям.

— Детям?

— Ну да. Ты, конечно же, можешь распорядиться ими, как тебе угодно.

— Не хочу я ими распоряжаться, — говорит она горько. Ириска тает на языке. Во вмятинке образовалась дырочка, ириска становится все слаще и слаще. — Я хотела бы поехать в Иерусалим. Хоть разок на него посмотреть. Хотела бы снова съездить в Париж.

— Разумеется, почему бы тебе не поколесить по свету.

— Сил нет — вот почему.

— Но со временем...

— Вот если б по морю. — Ей вспоминаются та фантазия ли, мечта ли, тот замысел — поплыть сквозь льды, а там и в Атлантический океан. Она займет одну каюту, Эстер — такую же напротив. — Вот если б пароходом, это я могла бы, — говорит она.

— Что тебе сказать, капитал ты будешь тратить, — Дик передвигает туда-сюда бумаги на столе. — Но живем-то всего раз. Я так на это смотрю: хочешь — сохраняй ликвидность, хочешь — бери из капитала, когда тебе заблагорассудится.

— Нет, этого я не могу, — говорит Роза.

— Да почему? Деньги твои, можешь с ними делать, что угодно.

— Даже новое завещание написать?

— Естественно. Как только тебе захочется написать завещание, пиши.

— Я за банковские сертификаты, Генри — за облигации, — едва они садятся в такси, Эд снова за свое.

— Мы хотели, чтобы ты тратила проценты, — говорит Генри.

— А капитал бы не трогала, так у тебя всегда будут деньги, — говорит Эд. — А ты что делаешь? Вкладываешь деньги в Фанни-Мэй, будешь тратить и проценты, и капитал, и останешься ни с чем.

— Эд, — урезонивает его Сара с переднего сиденья.

Роза сидит сзади, зажата с двух сторон сыновьями. Они ее до смерти запугали: тычут ей в нос то тот, то этот вариант.

— Ма, как ты не понимаешь, — насаждает Эд. — С облигациями дело обстоит так: ты получаешь проценты, а потом, когда срок облигации выходит, первоначальный вклад возвращается к тебе. Если же ты вкладываешь деньги в фонд, так этот фонд, он покупает закладные, поняла? Ты получаешь деньги назад по мере того, как заемщики выплачивают свой долг, но в конце ты не получишь крупной суммы — не получишь ничего. За то время, пока заемщики будут расплачиваться по ипотеке, все деньги к тебе возвратятся. И если ты потратила деньги, которые тебе выплачивали, у тебя ничего не останется на потом. Вот так вот — все, конец.

В тряской машине Роза не выпускает сумки из рук, глаз не открывает. Странные обрывки снов мечутся у нее в голове. Вот она лежит в «скорой», притороченная к носилкам, ее мужа сидят по

обе стороны носилок, один, ужасно суровый, поучает ее, другой — ноет и нюнит. Она открывает глаза, видит какие-то пятна, видит сыновей, видит обоих мужей.

— Прекратите! Прекратите, вы все! — кричит она.

Они молча помогают ей выйти из машины. Так же молча поддерживают ее, пока она поднимается по лестнице. Сара приносит Розину сумку в спальню.

— Почему бы вам не снять грацию? — спрашивает она Розу. — Не прилечь?

Гладкие простыни ласкают кожу. В квартире ни души. Дороти убралась вместе со своими спортивными костюмами, дети до завтра не появятся.

Ночью она встает, надевает халат, тапочки. Рассаживает по пустой квартире, включает везде свет. Смотрит на свои вещи, на каждую словно в последний раз. Поправляет фотографии мальчиков в их матросских костюмчиках. Разглядывает вышитых крохотными стежочками птичек. Подносит к свету фотографию Бена, на этой фотографии он очень суровый и старый. Он бы не одобрил ее решения вложить деньги в Фанни-Мэй. Сказал бы, что это неосмотрительно. Она складывает клетчатый плед Мори, трогает его напечатанные крупным шрифтом библиотечные книги в прозрачных пластиковых библиотечных обертках. Мори часто повторял: «Деньги? Они для чего — чтобы получать удовольствие». Все это время он откладывал сотню здесь, тысячу там на банковских счетах на мелкие суммы. Бен тратил деньги на вещи существенные: дом еще старой постройки в Бруклине, машину, мебель, колледж для Эда и Генри. Мори ничего очень дорогого никогда не приобретал. Что касается Розы, ей и думать о деньгах противно. Она ничего не смыслила и не смыслит ни в математике, ни в деньгах. Красоту — вот что она любит, вот оно как.

И тут она спохватывается: она кое-что запомнила. Есть кое-что, что необходимо сделать. Она подходит к секретеру, где у нее лежат письменные принадлежности. Там еще хранится ее почтовая бумага, старые наклейки: «мистер и миссис Б. Марковиц». Она не поменяла фамилию, даже когда вышла замуж за Мори. Слишком долго она была Розой Марковиц, чтобы менять фамилию, мало того, фамилия Мори — Розенберг, а звать Розой Розенберг — нет уж, увольте. Увольте. Она вынимает любимую почтовую бумагу, кремовую, с кораллового цвета розочкой вверху страницы. Берет шариковую ручку, исписывает бумагу тонко выведенными строчками. Буквы крупные, круглые, расстояние между строчками — и снизу, и сверху — большое. Кружочки в «а» и «о» она сверху не смыкает, точно это миски, которые позже предстоит наполнить.

ÇĀĀŪĀĪĒĀ, — ĩēōāō ĩĳā ĩāāāōōōōōōōōōōōō.

Nēāāā Ā-āī, ŷ āūā ā çāōāāī ōī ā ē ōīōŷ ōāēīī ĩēāāēā, ŷ āūā āūā ĩāōāēēāāā ĩīōāāā ĩ ĩāā āīōīāā ĩ ōēā, āūā āūā ĩīōōŷŷāā, ĩīōīī ō÷ōī āā ĩōīōāāēē ĩō ĩ āīŷ ēāē āāç ōīāā, ēīāāā ōāāŷēē, ÷ōī āīçāōāūāāāō ē āēçīē.

Āūā ĩ ĩā ĩĩōōŷŷēā, āīēē ÷ōī ĩĩōāīāōīŷ ā Ōāīē-Ī ŷē, ŷ çāāūāāā ĩā ĩ ĩēī āāōŷī ē ĩā āī÷āē Ī ĩōē, Āīōīōē, āāōīūō ÷ōāāōā ē ĩēī ŷ ĩā ĩēōāā, ĩī ŷ āāēēā ĩōāāōūū āāīūē ōōūā, āāā ĩīē āīēūōā āūāā ĩōēīū. Ī ē ĩūī ŷāōāā, ēçāāōīūē ĩōīōāāāā ĩī Āēēāīāī ō Āīĩōīēā, ÷āēīāē ĩī ōīōīōēē, ĩī ōāēēēīī çāīŷō ĩāāē ēāōūāīē, ēīĩōōāīūī ē āāēāī ē ĩē ĩā ÷ōī āōōāā āāūā āī ē ōīāā ĩā ĩĩōāōīŷ. Īī āīāōīē, ĩī ĩĩāāīōī÷āīūē ĩā ĩāāā Ō ĩāā āīēūōēā āūāāē ē ĩīĩā ĩōāōāē, ē ĩī ĩōīēō ĩā ĩāēō āāō ĩīāā. Ī ē ĩūī Āāīōē ōāīāāī āāīōāāō ĩā āōōōīēā ā Ēāēēōīōīēē. Īī āōīīēē ĩōāīāāāīēā āāē āēçīāā, ĩī āūā āūā ĩā āēāīēēŷ. Ō ĩāīŷ ĩāōōā āāçōūāāāōīŷ ĩōōīāā, ÷ōī ĩī ōīēīĩōŷē, ĩī ĩī ōāē ē ĩā āēāīēōīŷ. Ēēāāō āēŷ ĩāīŷ ĩāīīāā, ā ÷ōī ŷōī çā āēçīū?

Īōē ŷōīī, āīēē ĩ ēē ĩūī Āāīōē ā ōā÷āīēā ĩŷōē ēāō āēāīēōīŷ, ŷ çāāūāāā āā āēāīā āūā ĩ ēēōāōāīēŷ, ēōīī ā āāīāōīāīē āōīōē, ēīōīōāā ŷ ĩĩōāāēŷāā ĩ ĩāē āīōīāē ĩĩāēā ŷĩōāō Āāēēīāēō. Āīēē āē ĩī ĩā āēāīēōīŷ, ōīāāā ĩōōōūāāī ĩē ēēōāōāīēŷ ĩāāēāōō ē ĩ ĩāē ēāēēī ēē ĩāāāōēā ŷāōā

×ōī ēāāāōōīŷ Āīōīōē, ōī āīŷīāō ē ĩāē çēā, ĩī ŷīā ĩ ĩāīōīōīōēōūāē, ÷ōī ĩāēī ĩōēāçāīī ĩīā ĩāēā ĩōōā āī ĩāēēū

Áñá í tē ááíúē ē ááúē ííēáó Ñēðíñēíí ó íðēðóó áēý áááí-áē á Èçðáēēá óííáó áēý íáááñ, ÷óíáú ííááñóíáēóú ēó ñááúáó ē ííí í-ú ññóðñēóú ááðáēñēē áíí. Β óíáē áúēá ñēðíóíē ē çíáð, ēáēíñ ýóí, ēíáá òááý íòññēáðò á-áēçð ñòðáí ó

Ááēíñóááí ííá ēñēç-áí ēá — í tē áíááí ēē, áá ý íñóááēýð í íáē áíðñáē Ñáðá, ííóíí ó ÷óí ííá íēñáóáēú ēóá. Óíóú áíááí ēē ē íá áíēíí-áí, ííá çíááó, ÷óí ñí ēí ááēáóú

Роза исписала шесть кремовых страничек. Силы ее на исходе. Она встает из-за стола и возвращается в спальню. Но стоит ей лечь в постель, как ее осеняет: она что-то упустила. Но что? Она мучительно напрягает память, пытаюсь представить, что бы это могло быть, в голову ничего не приходит. А ранним утром, еще до рассвета, она просыпается и видит, что с фотографии на стене на нее сурово устремил взгляд ее муж Бен. Ей чудится, он не спускает с нее глаз. Она кидается назад к письменному столу.

Áíííēíēóáēú íá ðáñííðýáēáí ēá — í ēáó ííá

Íá í íáó ý òáēáá çááíóú ē íáíēíó áēññáðóáēç, ēíóíðáý íá ííēó-ēēá íðēçíáíēý. Β íñóááēýð áí Ñáðá, íóñóú ííá áí íáðááááó ē ííáēēēáú, ēáē ñ-óáó íáēíúí, ííóíí ó ÷óí ííá ñ íáēáó íóáíēóú áí íáó-ííñóú Èíáá Ááí óí áð ý ñáēðáēáñí íáðáááñóē áí ðááē áá íáí ýóē, íí áí í íáē áñóðá-ē ñí í íðē á í íáē áēçíē áúēē ñēēēíí áíēúēá óðáííñóē, á ííóíí í íðē óíóáē, ÷óíáú ý óðáóēēá áðáí ý íá áðóáíá, íí ñ-ēóáē, ÷óí, ííēá áēēááóú íááí ðááíááóúñý áēçíē, á íá óðáóēóú áðáí ý íá í áðóáíá. Β áñá ðááíí áúá íááýááñí íáðáááñóē áí ííēá ó í áíý áúēē ñēú, íí á ííñááíēá ááú, ēíáá íí áíēáē, íēáçáēíñý ÷óí ñēē íáð. È í íðē á ýóíí íá áēííááó, íðñíóí òáēáý ó íááí áúēá íáóðáá. Í ðē í ííáēó áá áðáēó ēá-áñóááó, íí áúē íáó-áí úē.

Она читает завещание вместе с дополнением вслух и облегченно вздыхает. Не то чтобы она почувствовала себя лучше, просто ей стало легче оттого, что она все записала. Мори практически ничего не записывал. Никогда не писал писем, открыток и тех не писал. А вот Розе необходимо записывать, что она чувствует, что думает, — для детей. Мысль, что ее забудут, ей невыносима. А уж одобрят ее завещание или нет, об этом она сейчас думать не хочет: ее дело написать, а они и знать ничего о нем не будут еще долгие-долгие годы. Она ни слова о нем ни проронит.

[1]. От «шрай» (идиш) — «кричать».

[2]. «Тиффани» — магазин ювелирных и подарочных изделий на Пятой авеню, один из самых роскошных магазинов мира.

[3]. Пишущая машинка фирмы Р. С. Аллена, которая начала производить их в 1950 году. Фирма выпускала много моделей довольно громоздких портативных машинок.

[4]. Венис (Венеция в английском произношении), иначе Венис-Бич, — район на западе Лос-Анджелеса, известен своими пляжами, приморским променадом длиной в четыре километра, где устраиваются выставки художников, выступают циркачи, артисты и т. д., — излюбленное место прогулок туристов.

[5]. Здесь — парной (идиш).

[6]. «Шварсон-Леман-Хиттон» — инвестиционный банк.

[7]. Дипломированный бухгалтер.

ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ

САУА ААД НАЭЭА І АЕВ ЕАААІ НЭАВ

*Вылетев из Африки в апреле
К берегам отеческой земли,
Длинным треугольником летели,
Утопая в небе, журавли.*

*Вытянув серебряные крылья
Через весь широкий небосвод,
Вел вожак в долину изобилья
Свой немногочисленный народ.*

*Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Черное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.*

*Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.*

*Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну,
И рыданию горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.*

*Только там, где движутся светила,
В искупленье собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:*

*Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную к борьбе, —
Всё, что от бывшего поколенья
Переходит, молодость, к тебе.*

*А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.*

Николай Заболоцкий. Автопортрет. 1925 год

Написанное в 1948 году стихотворение «Журавли» по поэтике ничем не отличается от других стихов так называемого «позднего» Заболоцкого.

Для поклонников «Столбцов», «Подейникова», «Торжества земледелия» или «Безумного волка» поэтическая продукция «позднего» Заболоцкого — это очевидная творческая капитуляция, отступление от завоеваний Хлебникова и обэриутов в сторону классицистской риторики с ее «торжественной картинностью, холодным пафосом, выпренностью и рассчитанными эффектами» (критик Даниил Данин о поэме «Творцы дорог»¹).

Не менее, чем ориентация на классицистскую оду или аллегорию, этому периоду творчества Заболоцкого свойственны гражданские мотивы в духе Некрасова и морально-бытовая рефлексия в духе популярной тогда у читателей и официально поддержанной поэзии (Щипачев). Если учесть, что именно три этих элемента — классицизм, преемственность XIX века по революционно-демократической линии и допущение в искусство интимного момента (семья, брак, любовь) — были основой эстетического и идеологического проекта последних лет сталинского правления, то вывод относительно «позднего» Заболоцкого представляется неизбежным: предпринятая поэтом радикальная перестройка собственного творческого метода есть не что иное, как сознательно выбранная «стратегия выживания». Но, как доказывает опыт, выживание поэта не гарантирует витальности стиха.

С другой стороны, достаточно многочисленны и не менее значимы голоса тех, кто находит в этих холодных неоклассицистских аллегориях, пронизанных мощной метафорикой, по силе и неожиданности не уступающей прихотливым тропам 1920–1930-х годов, самостоятельную ценность и числит их по разряду шедевров русской поэзии. На этом вернисаже «Журавли» прочно утвердились в

том же ряду, что и близко родственный им «Лебедь» или «Портрет» и «Некрасивая девочка», ни в чем названным «парадным портретами» не уступая и ни в чем их не превосходя.

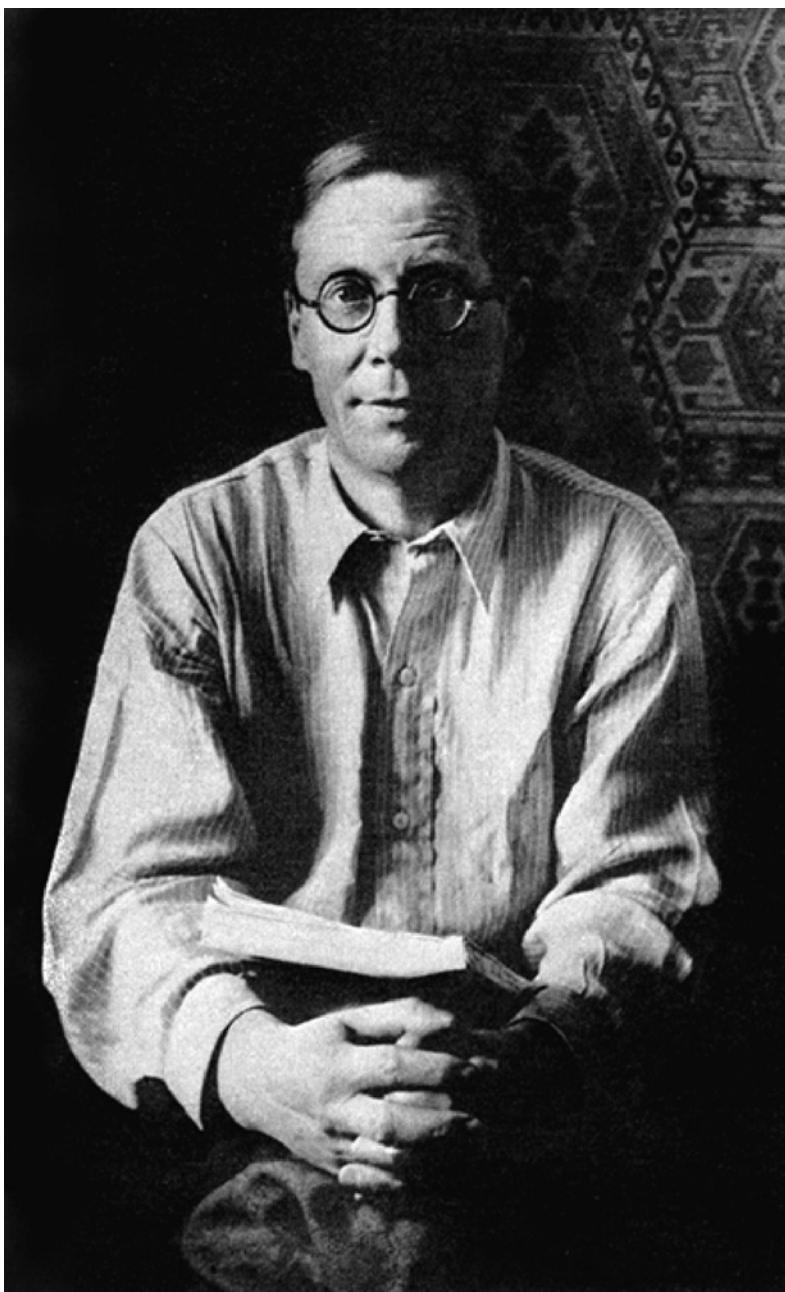
Но именно в стихотворении «Журавли» — и только в нем — мы обнаруживаем странный сбой, грубейшую ошибку. Ошибку внетекстового, реального плана, немыслимую именно для Заболоцкого с его превосходным знанием живой природы, в том числе (и особенно!) — орнитологии. Между тем в последней строфе мы читаем:

***А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно...***

Первая строка попросту несусветна, поскольку перед ней говорится о «луче огня», то есть выстреле из «черного зияющего дула», каковой выстрел попадает в «сердце птичьё». И вот каким-то удивительным образом пуля, попавшая в сердце — вовнутрь журавля, облекает птицу снаружи! Допустим, что перед нами некоторая недоработка поэтического образа. Но за этим следует фактическая ошибка, ни к какому образу отношения не имеющая. И сразу же после публикации стихотворения эта ошибка была замечена — в письме к поэту доцент кафедры зоологии МГУ Константин Николаевич Благосклонов писал: «Рубашку из металла еще можно принять — птица стального цвета, но чтобы птица тонула — поверить никак нельзя».

Разумеется, автор поэмы «Птицы», где точно описан урок анатомии пернатых (хотя и без упоминания журавля), не нуждался в такого рода указаниях специалиста. Но, схваченный за руку, поэт предложил заменить опрометчивую строку вариантом:

«Уплывал, не падая на дно...».

Николай Заболоцкий.

Автор фотопортрета — сын поэта Никита Заболоцкий.

1948 год

Доцент Благодосклонов готовил сборник стихов и прозы о птицах, готовил долго, так что вышел он только в 1959 году. И в этой антологии помещены заболоцкие «Журавли» с измененной, в угоду доценту, строкой. Но это было в первый и последний раз: во всех авторских публикациях и автографах — по воле поэта и вопреки законам природы — журавль тонет.

А из этого следует одно: поэт сознательно шел против «натуры», подсказывая внимательному читателю, что за жанровой картинкой стоит что-то иное.

Любопытно проследить и за другими вариантами, оставшимися в черновиках.

Место строки «Там вверху, где движутся светила...» первоначально занимала другая: «Только там, где плавают светила...». Здесь причина замены абсолютно понятна — слишком прямая и очевидная отсылка к Лермонтову:

***Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил...***

Тем не менее данный — отброшенный — вариант необыкновенно важен, ибо указывает на то, что русская классическая поэзия соучаствует в процессе создания «Журавлей».

Примечательна и судьба другого варианта — во фразе:

***И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас...***

Первоначально — вместо слова «дивного» — стояло: «божьего». Тут как будто тоже все понятно: в 1948 году поповская лексика не могла быть пропущена ни одним редактором. Однако в паре с Лермонтовым данный вариант предстает не случайной оговоркой, а, скорее, проговоркой, указывающей на то, какие предельные символы и силы (Демон и Бог) ушли в подтекст известного нам текста.

И при всем том Заболоцкий упорно держится за научно несостоятельную строчку:

Погружался медленно на дно...

В чем причина? А причина в том, что такой именно случай — гибели героя в водной пучине — уже был описан русской поэзией:

***...Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...***

***Плывет... уж близко челнока,
Но сила року уступила,
И, закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.***

***Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя
Стал гибели его виною.***

(Кондрат Рылеев, «Смерть Ермака»)

Соломон Михоэлс. Рисунок А. Г. Тышлера

«Тяжелый панцирь» — это, в сущности, «рубашка из металла» и есть.

Заметим еще, что «тяжелый панцирь» в балладе снабжен указанием на происхождение: «дар царя». Это нам понадобится в дальнейшем, а пока, кроме «рубашки из металла», ничто не связывает утонувшего вождя казачьей дружины с утонувшим вожаком журавлиной стаи. Кроме, пожалуй, еще одного обстоятельства: Ермак гибнет, угодив в Кучумову западню, но ведь и «черное зияющее дуло», внезапно поднявшееся из кустов, похоже больше не на охоту, а на засаду, тайное предумышленное убийство.

В остальном — поэтические климаты, то есть образность Заболоцкого versus описательность Рылеева, так же далеки друг от друга, как Африка от Сибири. С Африки и начнем.

Где та «отеческая земля», куда устремляются журавли, покинувшие Африку в апреле, чтобы осенью в ту же Африку вернуться? Ответ очевиден: земля эта европейская, в частности русская, для которой журавль птица почти что «нашенская» — журавушка! Вот только пункт прибытия — «долина изобилья» — не имеет своего прототипа ни в русской реальности (особенно реальности 1948 года), ни в русской поэзии.

Но все эти элементы: отбытие из Африки, «долина изобилья», называемая «отеческой землей», как цель пути, вожак, «немногочисленный народ» — идеально укладываются в один сюжет, и место этому сюжету в одной единственной книге, оттого и названной Книгой книг: вождь Моисей, уводящий свой немногочисленный народ из африканского Египта в землю, текущую молоком и медом, ту, что была для этого народа Страной праотцев, то есть «отеческой землей». И немногочисленный народ этот избран Б-гом, а значит, в каждом сыне этого народа есть частица Б-жьего величия. И вождю этого народа не суждено вступить в Землю обетованную.

Правда, вожак, в отличие от Моисея, умер не своей смертью, но был предательски убит.

А тогда мы не можем не вспомнить еще одно произведение русской поэзии, где «журавлиный народ» тесно связан со специфическим преступлением — подлым убийством в результате заговора. Речь, понятно, идет о балладе Шиллера «Ивиковы журавли» в переводе Василия Жуковского. Однако, наряду с этим классическим переводом, существуют, как минимум, еще два. И один из них принадлежит перу Николая Заболоцкого.

Этот труд высоко оценил сам Кашкин: «Заболоцкий услышал в стихах Шиллера и передал то, что делает для нас осязательным саморазоблачение убийц Ивика... Заболоцкий донес до читателя то, что было утеряно даже Жуковским»². К сожалению, что это было за «то», утерянное даже Жуковским, Кашкин не прояснил.

Попробуем поэтому отыскать наиболее существенные отличия.

Во-первых, это мотив сродства (параллелизм судьбы поэта и журавлей), о котором объявляет сам Ивик в момент, когда над ним проносится журавлиная стая.

Жуковский:

***О спутники, ваш род крылатый,
Досель мне верный провожатый,
Будь добрым знаменем мне.
Сказав: прости! Родной стране,
Чужого берега посетитель,
Ищу приюта, как и вы;
Да отвратит Зевес-хранитель
Беду от странничьей главы.***

Заболоцкий:

***О птицы, будьте мне друзьями!
Делил я путь далекий с вами,
Был добрым знаменем дан
Мне ваш летучий караван.
Теперь равны мы на чужбине, —
Явившись издали сюда,
Мы о приюте молим ныне,
Чтоб не постигла нас беда.***

Самое значимое расхождение — признание сродства с журавлями по признаку равенства на чужбине и надежды на безопасный приют. Разумеется, современному восприятию резкое, однозначно трагическое слово «чужбина» говорит намного больше, чем вялая «туристическая» формула «чужого берега посетитель». Упование же на покровительство Зевса Заболоцкий попросту отбрасывает...

Признаемся, что, в отличие от Кашкина, саморазоблачение «Ивиковых убийц» не показалось нам столь уж осязательным, но вот описания убитого в двух показаниях выразительно отличаются одной существенной визуальной деталью.

Жуковский:

***И труп узрели обнаженный:
Рукой убийцы искаженны
Черты прекрасного лица...***

Заболоцкий:

***И труп был найден обнаженный,
И лик скитальца искаженный
Печатью ужаса и мук...***

Плакат к фильму «Летят журавли».

Художник Б. А. Зеленский.

1957 год

От какого наследства отказался Заболоцкий?

От «прекрасного лица» — черты лица не прекрасны, но, напротив, — искажены ужасом и мукой. (Примечательно, что эпитет «прекрасный» Заболоцкий затем восстанавливает, но лишь применительно к персонажу бездействующему и нейтральному: «Один лишь Гелиос прекрасный / Об этом <т. е. тайне убийства> может рассказать».)

Существенны и многозначительны отличия в назывании и описании пространства действия: Жуковский чаще всего использует слово «амфитеатр» и лишь единожды «театр», Заболоцкий — только «театр».

Жуковский сравнивает заполненные публикой скамьи с движущимся в бурю лесом:

*И движутся, как в бурю лес,
Людьми кишаци переходы,
Всходя до синевы небес...*

Заболоцкий «шумящий лес» заменяет «волнами» и, сохраняя «небеса» как высшую точку движения людей и скамей, сами скамьи обозначает словом «изгибы», то есть указывает на волнообразность ритма и образа движения зрителей:

***В театре эллины сидят
Глухошумящие, как волны,
Вплоть до небес движенья полны,
Изгибы тянутся скамей.***

(Ср. «Лебедь»: «И светлое льется сиянье / Над белым изгибом спины, / И вся она, как изваянье / Приподнятой к небу волны».)

Иными словами, метафорический ландшафт «Ивиковых журавлей» Заболоцкий выстраивает как полную рифму к сюжетно-заданному водному ландшафту «Журавлей» собственных. На этом возможности интертекстуального анализа, видимо, исчерпываются. Установленные в ходе него семантические блоки следующие:

Танах: Земля обетованная; журавлиная стая, аллегорически уподобленная Богоизбранному народу; вождь, которому не суждено достичь желанной цели. Лермонтов: причастность происходящего Высшей Силе.

Шиллер: сопряжение журавлей и предательского убийства; театр; лицо, изуродованное гримасой ужаса и мук; водная стихия.

Рылеев: трусливое нападение; гибель предводителя как расплата за царскую милость («дар царя»).

Беда лишь в одном: все эти, достоверно опознаваемые, блоки никак не складываются в единую конструкцию. Поэтому представляется допустимой попытка поиска сюжетной основы стихотворения вне пределов русской и переводной поэзии. И тогда наше внимание привлекает дата написания стихотворения «Журавли» — 1948 год.

В личной жизни Николая Заболоцкого этот год ничем особенным не отмечен — ни плохим, ни хорошим. Жил под Москвой, занимался переводами, в высказываниях был осторожен. А вот в мире внешнем произошли в тот год два события: образование Государства Израиль и убийство Соломона Михоэлса.

И оба эти события связала воедино воля одной личности — Иосифа Сталина. Это по его прямому указанию Советский Союз поддержал создание еврейского государства, и по его приказу был ликвидирован Еврейский антифашистский комитет и физически устранен тот, кто в глазах всего мира являлся национальным лидером советского еврейства. Задумывался ли бывший ученик духовной семинарии над теологическими последствиями своей причастности к возвращению евреев в «отеческую землю» или руководствовался исключительно геополитическими интересами первого в мире социалистического государства?

Единственным свидетельством теологического перепуга Сталина могут служить по его же приказу развязанная беспрецедентная антисемитская кампания и убийство Михоэлса как пролог к ней. Ведь никакого иного идеологического или прагматического (то есть рационального) объяснения «борьбе с космополитами» так и не было найдено!

Две темы — библейская (причем не без внятного христианско-антисемитского акцента — вспомним «Бегство в Египет») и сталинская — характерны для последнего («позднего») периода творчества Заболоцкого.

«Он говорил, — рассказывала <...> Екатерина Васильевна [Заболоцкая, вдова поэта], — что ему надо два года жизни, чтобы написать трилогию из поэм “Смерть Сократа”, “Поклонение волхвов”, “Сталин”. Меня удивила тема третьей поэмы. Николай Алексеевич стал мне объяснять, что Сталин сложная фигура на стыке двух эпох. Разделаться со старой этикой морально, культурно ему было нелегко, так как он сам из нее вырос. Он учился в духовной семинарии, и это в нем осталось»³.

Если наше предположение справедливо, становится понятным сцепление сюжета Исхода с мотивом убийства — это потрясение от ожившей священной истории, в которой на роль Моисея русская реальность не предложила никакой иной фигуры, кроме актера Михоэлса. Понятны тогда и устранение эпитета «прекрасный» из описания лица покойника в «Ивиковых журавлях» — природа не наделила Михоэлса внешней красотой, и настойчивое повторение слова «театр». С другой стороны, до того, как пасть жертвой самодержца, Михоэлс был властью обласкан и отмечен, в частности, Сталинской премией (1946) и многочисленными орденами. А в ироническом обиходе того времени грудь, украшенная множеством орденов, именовалась «иконостасом». Поэтому мы предполагаем, что «рубашка из металла» в стихе и есть такой «иконостас» государственных наград — тот самый «дар царя», о котором писал Рылеев.

Ни одного слова в стихотворении нельзя заменить. Потому и отказаться от того, что мертвое тело вожака тонет, Заболоцкий никак не мог — убийство продиктовало уже самую первую строфу:

***Длинным треугольником летели,
Утопая в небе, журавли.***

Оттого и место гибели: «Озеро, прозрачное насквозь...» — опрокинутое небо. Начало и финал «Журавлей» замкнуты в неразрывное кольцо.

А осиротевший журавлиный народ рванулся в вышину — недоступную убийцам обитель свободы. И «там, где движутся светила», им было возвращено:

***Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную к борьбе, —
Всё, что от бывшего поколенья
Переходит, молодость, к тебе.***

Перечень этих превосходных качеств определяется как то, что по наследству переходит от уходящего поколения к молодому, — прозрачайший парафраз библейского выражения «из рода в род» — *ми-дор ле-дор*.

А вот и неизбежный контекст — книга Исход: «И сказал еще Б-г Моисею: так скажи сынам Израилевым: Г-сподь, Б-г отцов ваших, Б-г Авраама, Б-г Исаака и Б-г Иакова, послал меня к вам. Вот имя Мое на веки, и памятование о Мне из рода в род. <...> И сказал: Я выведу вас от угнетения Египетского в землю <...>, где течет молоко и мед» (3:15, 17). Память вернулась, и народу был дан знак: он не оставлен, — над телом павшего вождя небесная десница воздвигла путеводный Огненный Столп.

***И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.***

Удивительная у символов судьба — выпущенные однажды на волю, они в конце концов настигают своего создателя. Сын поэта, Никита Заболоцкий, вспоминал: «В театр и кино отец ходить не любил. <...> Что касается кино, то отец, посмотрев в кинотеатре какой-нибудь фильм, что бывало редко, обычно утверждал, что он ничего не понял. <...> Однако по телевизору отец фильмы иногда смотрел. Почему-то запомнилось, что накануне инфаркта в 1954 году отец смотрел фильм “Юность Максима”, а вечером накануне смерти [в 1958 году] — “Летят журавли”»⁴.

1. Данин Д. Мы хотим видеть его лицо // Литературная газета. 27.12. 1947.

2. Кашкин И. Для читателя-современника. М., 1977. С. 478–479.

3. Заболоцкий Н. Н. Жизнь Н. А. Заболоцкого. М.: Согласие, 1998. С. 531.

4. Заболоцкий Н. Н. Об отце и нашей жизни // Воспоминания о Заболоцком. 2-е, доп. изд. М.: Советский писатель, 1984. С. 269.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

СОЧИНЕНИЕ О ПОЛЬЗЕ СНОБИЗМА

Ì ÎÐÄÄÕÀË ÐËÕËÄÐ

ÂÑÄÄÍËËÑ ÓËËËÛ ÑÄÍ Ò-ÓÐÄÄÍ

ÏÄÐ. ÑÄÍÄË. Â. ÄÍÏÍËÄ
Ì.: ËÍËËËËËË; ÓÄËÑÒ, 2012 — 832 Ñ.

(Ñäðÿ «Ï ÄÍ ÇÀ ÂÄÄÄËÑËËËËË Ë ÆËÇÍË».)

Из всего множества ранее неизвестных русскому читателю зарубежных (хотел написать «западных», но усомнился, Запад ли Канада) прозаиков, переведенных в последнее время, Мордехай Рихлер едва ли не самый значительный и уж точно один из самых обаятельных, человечных, если угодно. Правда, аннотация, уверяющая, что его романы «пользуются успехом и в России», несколько преувеличивает, как это свойственно аннотациям. Той известности, которой Рихлер заслуживает, он — пока, по крайней мере, — не снискал, оставаясь, прошу прощения за банальность, широко известным в узком кругу. Даже недавняя — прекрасная — экранизация его позднего шедевра «Версия Барни» с Дастином Хоффманом и Полом Джаматти (см.: Лехаим. 2012. № 1) прошла у нас как-то на удивление незаметно и не станет, по всей видимости, локомотивом для книг Рихлера.

Вот и очередной его переведенный роман (написанный в 1971 году) особого шума покамест не вызвал и вряд ли вызовет — рецензентами не обласкан, читатели за ним в очереди не выстраиваются. А зря: это очень хорошая книга. И очень рихлеровская. Тот фирменный коктейль из цинизма и чувств добрых, которым очаровывает «Версия Барни», во «Всаднике» наличествует в полной мере. Налицо и прочие узнаваемые черты: среда (еврейский Монреаль, богемный Лондон), проблематика, сатирические приемы, расстановка персонажей. Даже главный герой, Джейк Херш, уже появлялся в романе 1959 года «Годы учения Дадди Кравица». Правда, тогда он был еще монреальским школьником. Теперь он лондонский режиссер и счастливый семьянин (красавица жена, трое детей). Но смутное чувство беспокойства и неудовлетворенности заставляет его связаться с откровенным проходимцем Гарри Штейном (коллизия, по сути повторяющая роман «Кто твой враг»). Заканчивается эта история трагикомическим фарсом: Джейк и Гарри по вине последнего попадают под суд, Херш оказывается на грани бесчестия (применительно к Штейну говорить о чести не приходится) и едва выпутывается.

Едва ли не основная прелесть романа в том, что невозможно однозначно ответить на вопрос, из-за чего, собственно, томится герой и зачем ему сдался Штейн — беспримесный гаденыш, на счет которого Джейк не питает никаких иллюзий. Кризис среднего возраста? Леволиберальные комплексы? Чувство вины

за то, что просидел военные годы в тихой Канаде, пока Штейн уворачивался от немецких бомб в Лондоне? Сочувствие мужа красавицы к ничтожному плюгавцу? Стыд, вызванный ощущением никчемности поколения, не попавшего ни на одну из войн XX века — для одних оно было еще слишком молодо, для других уже слишком старо? В том-то и дело, что все это сразу и еще многое сверх того.

Вот, казалось бы, самая очевидная трактовка: Херш в острой форме страдает постхолокостным синдромом, заставляющим его разыскивать по всему свету троюродного брата, некогда поразившего его подростковое воображение. Брат — авантюрист, аморальный тип, жиголо, проходимец с повадками супермена, но Джейк упорно хочет видеть в нем еврейского мстителя, гонящегося по миру за ушедшими от возмездия нацистскими преступниками, в первую очередь за доктором Менгеле. Маниакальное упорство в поисках брата, кошмары, мучающие Джейка, его дружба со Штейном, — казалось бы, вывод очевиден. Герой, а вместе с ним романист по-своему отвечают на знаменитый вопрос Адорно: поэтом (вариант — режиссером) после Освенцима быть, пожалуй, можно, а вот евреем — проблематично.

Но Рихлер этот вывод тут же корректирует, точнее, дополняет. Так же или почти так же проблематично быть мужчиной под сорок. И недосостоявшимся киношником. И членом большой мишпухи. И англофоном в Монреале. И канадцем в Лондоне. То есть если пытаться все же коротко сформулировать суть романа, то он о том, что человек, даже вполне вроде бы благополучный, всегда в кризисе. И беспокойство, тревога, вина — они не почему-то, а просто есть, и все тут. А потому самый симпатичный и правильный персонаж нет-нет да и отчебучит такое, что ой-ой-ой.

И еще один вывод, более прикладной что ли. Почти мораль, хотя Рихлер и мораль — две вещи несовместные. Немудреный кодекс снобизма, читай самосохранения. Твоя тусовка — это твоя тусовка, right or wrong. В ней и живи и не пытайся соскочить. Социальный дауншифтинг — это зло. Даны тебе в спутники жизни эти тщеславные, молодящиеся и развратничающие режиссеры, сценаристы и продюсеры — изволь сплетничать с ними, играть в бейсбол и водить жену на их тоскливые приемы. И, ради Б-га, не пытайся осчастливить человека из низов — не успеешь моргнуть, как окажешься в его липком мирке, а там и в добром старом Олд-Бейли.

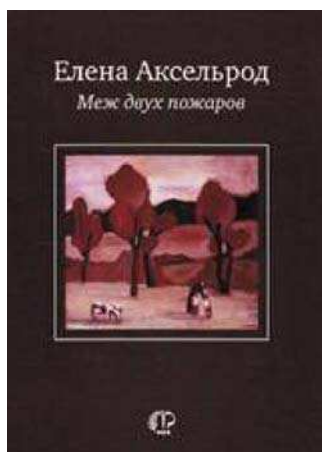
Ἰ ἐβὰεῖ Ὑἰἰἰἰοὸἰἰ

КАК ДРАГОЦЕННЫМ ВИНАМ

ÀĚĀĪÀ ÀĚÑĀĚÜDĪĀ

Ī ĀĚĀĀŌŌ ĪĪĚĀDĪĀ

Ī.: ĀDĀĪ B, 2010. — 480 Ń.

В марте автор нашего журнала поэтесса Елена Аксельрод отмечает юбилей. «Лехаим» поздравляет Елену Мееровну и предлагает вниманию читателей рецензии на две ее последние книги.

Эта книга вобрала в себя стихи разных лет из нескольких сборников, увидевших свет в Москве, Петербурге и Иерусалиме с 1976 по 2006 год. Название ей дали строки стихотворения о неожиданно жарком московском лете после оставленного на время израильского пекла. Однако в стихах Елены Аксельрод горят сполохи сталинского и гитлеровского террора, пожарища второй мировой, непреходящая боль за судьбу близких, за отверженность своего народа, за истребленное или несостоявшееся поколение: «Как сумели мы уцелеть, / как довелось не попасться в сеть / в сороковых, пятидесятых / и прочих задушенных, смятых, распятых / коричнево-красных годах...» Но и в новой, ближневосточной, жизни — отголоски взрывов за окном, беспокойство о будущем страны: «Что будет с нами, мудрецами, / когда орда из-за горы / нахлынет, чтоб сразиться с нами / за Соломоновы шатры?» Жизнь меж двух пожаров — точнее не скажешь.

Обычные человеческие сюжеты: родительский дом, лето и осень, друзья и прощания с ними, старая и нынешняя любовь, Ялта и Прибалтика, надежды и разочарования... Лирическая героиня — тихая, себя не переоценивающая: «потеряна, не узнана, нема», «заплутавшаяся в слове», «нижу судьбу на цепочки стихов моих обреченных», «не вино, а бормотуха в замутившемся бокале», «немое, не пробившееся слово»... Обостренный слух даже и невнятные движения души и природы улавливает: грибной дождь, незавершенный жест, переливчатые тени, сизые блики, «меня влекут полутона — полувесна и полулето, осина еле приодета...» Вполголоса как бы стихи.

Но так точны штрихи и оттенки (отец и сын Елены Аксельрод — художники), и каждое слово — на его единственном месте (мать и дядя — писатели). Культура художественного восприятия и выражения на генетическом, можно сказать, уровне. Образы наглядны, зримы, автор — художник не только в переносном, но часто и в прямом смысле. В стихах — графика («Лишь бы стояло дерево и рисовало загадки тонкими карандашами на ватмане голубом») и акварель («Пруда слегка подкрашенные пятна едва видны сквозь хвою и стволы»), а то и кинематография — с детским голосом, сюжетной интригой, динамизмом глаголов на фоне красок и звуков («На путях»). Стихи без пустого отвала, без вычурности и эпатажа, без словесной эквилибристики. Благородная простота не нуждается в гриме, чистейшая мелодия — в фиоритурах, достоинство не заботится о том, чтобы себя подавать. Слово, которое придает глубину, выразительность и значимость заурядности нашей жизни, проявляет невысказанное чувство, дарует голос безмолвным.

Старик — «чуть замешкались с расстрелом — уцелел, и вот — живет»; старушка с хлебом для чаек и собственным «воздушным белым опереньем», приглаженным щербатой гребенкой; и — опять же старый — поэт со «взглядом погасшим и хмурым»; и еще — обладательница десятиметровой комнатки и источившейся кастрюли «в солнечной прадедовской квартире» (уплотнили, видно, когда-то прадеда); и — «титаны жили очень просто — в убежище для престарелых». Стоящие у последней черты, чудом уцелевшие обитатели «замученного города», знавшие труд, войну и нищету до конца дней своих. И боль их чувствует автор как собственную, и каждого удостаивает детального портрета.

Стихотворение «Лебедь» — исчерпывающее объяснение нашего нового исхода: «Чужих не принимает стая... / И если не подрежут крылья, / Взовьешься, стать своим мечтая, / И сверзишься, изнемогая / От униженья и бессилья». Отрывок из ненаписанной поэмы «На чужом берегу» построен на коротких, рубленых, трехсложных строках, на хлестких русских — о тщете и бесприютности — поговорках. Это прощальный взгляд поэта на оставленную страну — уже из Израиля. Решительное, безоговорочное утверждение совершенного поступка, расставание со «вчерашним снегом»: «Ни кола, / Ни двора. / Пожила — / И пора. / Крик гусей / На пруду. / По Расее / Иду. / Что мой день, / То и ночь. / Кочка, пень — / Сутки прочь. / Ни родни, / Ни дружка. / Лишь огни / Да река. / То ль в реке, / То ль в пруду / Я беду / Разведу — / На чужом / Берегу. / На вчерашнем / Снегу».

Обида и надежда — вечный лейтмотив. В стихах Елены Аксельрод в предотъездную пору — «холодок ледяной», «снегом засыпанные крыши», «пробирает озноб», «студеная земля», «метельный бред», «ледяной нацелился обрыз». Разбойничий свист и вой — ветра и черни. Страшно, зябко.

Но в оставленной стране — ее прекрасная природа (травы и деревья названы по именам), память близких (им посвящены пронзительные, щемящие строки), судьбы ее поэтов («От Черной речки в двух шагах Машук, Елабуга видна с его высот»). И в провезенной через таможенную кладь, в запасниках сердца бережно сохранены те дома, дворики, улицы, которым мы были преданы, от которых, в собственных глазах, были неотделимы.

Новые географические впечатления: Неgev, Иерусалим, Мертвое море, Арад. Путевые зарисовки: Лондон, Париж, Нью-Йорк, Казахстан. Чем утолена душа, перенесенная в новый быт, в новую среду? По-прежнему — воспоминания, общение с близкими, зарисовки природы: «На стене враскорячку задумчивый хамелеон»; инжир, «как Шива, многорукий, широкие ладони он дружелюбно к небу протянул». Жизнь в Эдеме, где «персик да инжир свисают с ветки каждой». Опасения за прочность рая — в стихотворении «Песни Израиля»: «Так нежен, так протяжен каждый звук, / Как будто в нем предчувствие разлук, / И сам напев тоскует, предвещая / Г-споден гнев, изгнание из рая». Мирная жизнь. Лишь невзначай глаз примечает Якова в обнимку с Рахелью, у ног которых, как верный пес, лежит автомат, или танки — их пропускает водитель автобуса, на баранке руля отстукивающий марш.

Самые пронзительные стихи — о цикле человеческой жизни. Острое ощущение конечности бытия, исчезновение стариков, гаснущие в окнах огни. «Соната об уходящих» напоминает «Прощальную симфонию» Гайдна, во время исполнения которой музыканты один за другим постепенно покидают сцену: «Повторятся не раз и торжественный снег, / И на ветках весенних мальчишеский пух, / Легкий бег безнадзорных уклончивых рек, / Смех детей и тяжелые слезы старух. / Сыновей наших этот забывчивый век / Вряд ли будет щадить. Лишь бы свет не потух / В окнах тех, кто им дорог. Пусть хватит огня. / Только это уже без меня».

Стихи о любви преисполнены искренности и глубины, благодарная верность ей звучит памятью о некрашенных веслах над водной гладью, о несбыточном счастливом сне, о дрожи окон в очередном доме «на запятках бытия». Проникновенны строки о сыне — от непонимания жертвоприношения Авраама до — на первом году эмиграции — «я, годовалая, бреду, держась за сына». Кстати, рисунком сына, Михаила Яхилевича, оформлена обложка книги.

В стихах Елены Аксельрод не видно следов трудовых усилий, нарочитости огранки, изысков рифмовки. Ибо она — не мастеровой, но Мастер. Стихи — ее сердцебиение, ее глубокий, на теплом дыхании, голос, ее откровение о сплетении радостей и печалей, ставшее частью и моей души.

Àéáí à Ááí àáñ

ÊÍ ÈÃÀ Ì ÐÌ ÙÃÍ ÈÉ

ÀËÃÍÀ ÀËÑÃËÛÐÌÃ

ÃÃÍÐÌÀ ÃÃÐÐËËÃÃÍÊË. ÃÎÑÌÏÌ ÈÍÃÍË. Ì ËÑÛÌ À. ÑÒËÕË

Ì.: ÌÃÃÃÀ ËËÒÃÐÃÒÓÐÌÃÃ ÌÃÍÃÐÃÍËÃ, 2008 — 608 Ñ.

Так случилось, что скромный замысел Елены Аксельрод — написать воспоминания об отце, художнике Меере Аксельроде, и матери, еврейской писательнице Ривке Рубиной, — неожиданно разросся. В семейном архиве обнаружился пакет, содержащий переписку родителей с их друзьями-художниками, в большинстве своем не очень известными, хотя несомненно самобытными, разрабатывавшими еврейскую тематику, то есть пекшимися об искусстве, «национальном по форме». «Мне показалось, — признается автор, — что сохранившиеся в письмах живые голоса могут быть интересны не только мне».

За материалом не нужно было охотиться, он оказался под рукой, к тому же заработала цепкая поэтическая память мемуаристки. Появились воспоминания о детстве, войне, эвакуации в Казахстан, учебе в Московском городском пединституте, послевоенной художественной жизни, об уничтожении еврейской культуры и посмертной судьбе отца. А немного погодя — о Сергее Шервинском, Аркадии Белинкове, Александре Аронове, Юлии Даниэле, Вере Марковой, Евгении Гинзбург, Льве Копелеве, Борисе Чичибабине, Арсении Тарковском, Алле Беляковой, Александре Белоусове, Дмитрии Максимове. О, мягко говоря, своеобразных нравах, царивших в советской литературной и издательской среде. Стихотворные вставки между главами музыкально и эмоционально окрашивают и утепляют сказанное прозой.

Слов нет, мемуаристке повезло с родителями. С раннего детства она получала от них уроки творческой независимости и человеческой порядочности. Чудовищные бытовые условия, безденежье и бездомье, пренебрежение со стороны заправил творческих союзов не превратили Меера и Ривку в злобных угрюмцев. Они всегда работали самозабвенно, с полной отдачей, были доброжелательны, открыты для дружеского общения, хлебосольны (в пределах доступности хлеба и соли). Им никогда не изменяли ни чувство юмора, ни способность радоваться чужим успехам.

«Из гостей-писателей я больше всех любила Льва Квитко, он был “своим”, открытым, веселым», — вспоминает автор и отмечает его «нежность, искренность, наивность и мудрость». И доверчивость. Этой самой доверчивостью, на ее взгляд, «страдали все трагически погибшие еврейские писатели». Перец Маркиш поразил ее своей «байронической красотой». Бывали у них в доме и Давид Бергельсон, и Самуил Галкин. Ривка создавала их литературные портреты, Меер — живописные и графические, иллюстрировал их книги.

Незаживающая семейная рана Аксельродов — трагическая гибель Зелика, брата Меера, идишского поэта, жившего в Белоруссии, обвиненного в причастности к «писательской националистической организации», арестованного и расстрелянного во время эвакуации минской тюрьмы. Впоследствии его стихи были переведены на русский язык — в основном племянницей, — и вышла книга, «пробитая» и

составленная Ривкой (она же — автор предисловия) и оформленная Меером. Такой вот «семейный подряд», вызванный к жизни всеобщим равнодушием.

В 1966 году Арсений Тарковский сказал по поводу работ Меера Аксельрода: «Это прекрасный пример того, как выгодно быть честным и чистым человеком... Вы видите <...> какие прекрасные плоды это приносит, как дорого то, что делается с людьми такого рода, которые с подлинно святым упрямством пробиваются сквозь все преграды»...

«Дом на Баррикадной», несмотря на постоянно проявляющееся в ней чувство юмора автора, — грустная книга. Еще бы! Ведь это книга прощаний. С близкими и родными, которых уже не вернешь, с картинами отца, которые постепенно расходятся по музеям, галереям, частным собраниям.

Хотя, казалось бы, не все так уж мрачно. Отца, хоть с опозданием, но ведь признали! Мать доказала, что она не только переводчица, но и своеобразный идишский прозаик. Сама Елена по праву считается одной из интереснейших современных русско-еврейских поэтесс. Ее сын, художник Михаил Яхилевич, — достойный продолжатель семейных традиций.

И все же... Сколько страданий выпало на долю этой семьи! Сколько горя хлебнули персонажи мемуаров Елены Аксельрод! Сколько невоплощенных замыслов, несостоявшихся судеб...

Ваш поезд оторвался от вокзала. / И места нет ни вздоху, ни упреку. / Как мало память мне о вас сказала, / Но я уже от вас неподалеку. / Наш век отколесил, расставшись с вами — / Такими прошлыми и молодыми. / Незузнаваемыми легкими руками / Обнять бы вас, свое напомнить имя. / Но лиц не видно, только плечи, спины. / Во времени чужом мы инородцы. / Летит наш паровозик нафталиновый, / По рельсам поролоновым несется.

Ī adē Āšēōi āī

ÀÍÄÐÄËËÐÕÑÀÍÎÄ. ÐÕÑÑËËËÄÄÄÍÄÄÄ. Ò 1. éí. 1—2; ò. 2 éí. 1—

2

Ì.: ÍÎÄÎÄ ËËÒÄÐÀÒÕÐÍÎÄ ÎÄÍÐÄÍËÄ, 2003–2010

Издание этого фундаментального труда растянулось почти на полтора десятилетия — первый вариант первого тома, в значительно меньшем объеме, появился еще в 1996 году. В уже вышедших четырех книгах в общей сложности 3500 страниц. А ведь будет еще и третий том, где повествование, ныне заканчивающееся 1921 годом, планируется довести до начала 1930-х. Автор собрал бесценный материал, прежде всего газетный, по которому можно изучать историю русского авангарда как в столицах, так и в провинции, от Вильны и Риги до Херсона и Екатеринослава. Среди «героев» Крусанова — Ларионов и Фальк, Бурлюк и Баранов-Россине, Кандинский и Бакст. Цитатам отведено важное место, иные тексты воспроизводятся страницами. Вот, например, газета «Раннее утро» 7 ноября 1916 года пишет об участниках выставки группы «Бубновый валет»: «Работы М. Шагала возбуждают, пожалуй, острый интерес, но в его работах больше литературы, чем живописи. Его наивный подход к натуре нисколько не убедителен. Это — желание взрослого человека быть ребенком и смотреть на мир глазами ребенка». Из таких замечаний и складывается в итоге биография художника; восприятие современников оказывается не менее важно, чем понимание потомков.

Der «Blaue Reiter». Ein Tanz in Farben. Aquarelle, Zeichnungen und Druckgraphik aus dem Lenbachhaus («Ñèí éé äñäí éé». Õäòí îé òäí äö).
Hrsg. Helmut Friedel und Annegret Hoberg

München: Hirmer Verlag, 2010. — 368 s.

В мюнхенском музее художника Франца фон Ленбаха, известном как Ленбаххаус, хранится одна из крупнейших в мире коллекций графики экспрессионизма. Акварели, рисунки и печатные работы из этой коллекции собраны в альбоме, вышедшем по случаю выставки в самом мюнхенском музее, а затем в венской Альбертине. Здесь представлены работы Генриха Кампендонка и Пауля Клее, Альфреда Кубина и Александра Сахарова, Эдуарда и Эльзы Шиман, не говоря уже об основателях течения: Кандинском, Явленском, Габриэль Мюнтер и Марианне Веревкиной. Особый интерес вызывает наследие Эльзы Ласкер-Шюлер (1869–1945), чьему творчеству в последнее время посвящена не одна персональная выставка (см., например: Лехаим. 2010. № 12). Поэт, автор сборника «Еврейские баллады» (1913), она занималась и изобразительным искусством, ее персонажи существовали одновременно в двух мирах — мире слов и мире образов. В первую очередь это касается фигуры Юсуфа, он же Йосеф Египетский. Как пишет автор каталожной статьи о Ласкер-Шюлер Елена Переня, «ветхозаветный, инсценирующий сказочный Восток мир Юсуфа служит Ласкер-Шюлер сценой, на которой соединяются воедино фантазия и биография». Ее собственная биография состояла, увы, не из одних сказок: ранняя смерть сына, бегство в 1933-м из Германии после нападения штурмовиков, жизнь в эмиграции, болезнь и смерть в Иерусалиме — литературный сюжет, слишком горький, чтобы быть адекватно воплощенным.

Îäí äí îäòäèéí é ääí òäé Äéäéé Î îéðíñä

**ÕÄÄËË ËÇÄÄËÎÐÕÑÑË. ÄÕÕÎÄÍ ÛË ÎÄÑÕÄÄÍ ËË ÄÄÐÄÄÄ-
ÇÄÎ ËÄÄÄËÛÕÄÄ ÎÄ ÐÄÄ ÕËÐÄËÎ Û. ÄÄÕÎÐÑÎÑÕÄÄËÒÄËÛ
Î ÄÎÐËÄÎÄ**

ËÇÐÄËËÛ, 2010. — 110 Ñ.

В этой книге религиозная жизнь со всеми ее атрибутами, с традиционными хасидскими сюжетами, связанными воедино образом безмятежного праведника рабби Гилеля из Парича, представлена подробно и детально. Рассказы с «моралью», завершённые историей чудесного обретения могилы праведника, без особых бытовых подробностей (кроме кратких упоминаний о еврейских земледельческих колониях) и привязок к окружающей нееврейской жизни, — все это располагает к медленному безмятежному чтению и назидательному пересказу в соответствующей ситуации. Внутренний драматизм, если он и есть, ограничивается исключительно разнообразием мнений и позиций тех или иных раввинов-

законоучителей. Даже страшные истории о смешанных браках кончаются хорошо — прозревшие евреи возвращаются в лоно иудаизма и расстаются со своими нееврейскими женами и нееврейскими же детьми. Нет, это никак не руководство к действию, просто автор-составитель хочет сказать: «Вот как оно бывало в добрые старые времена».

ÈÈÌ ÈÈ ÒÐÈÀÌ ÀÌ. ÓÁÈÒÛ ÄÂÓÓ Í ÈÙÈÕ È Í ÒÐÓÁÈÒÛÑ

Ï ÅÐ ÑÀÌÄË. À ÑÒÁÏÀÌÌÀ

ÑÌÁ.: ÈÈÌ ÁÓÑ Ì ÐÁÑÑ; ÈÇÄÀÒÁËÛÑÒÁÌ È. ÓÓÁÈÈÌÀ, 2011. — 286 Ñ.

Фридманов на свете много (среди них банкир, математик, архитектор, цадик и целых два нобелевских лауреата — экономист и астрофизик), однако Ричарда Фридмана (прозвище Kinky — Кудрявчик — он получил из-за «дурацкой еврейской шевелюры») ни с кем из них не перепутаешь. Кантрипевец, основатель группы «Kinky Friedman and The Texas Jewboys», актер, снимавшийся в «Техасской резне бензопилой», друг Билла Клинтона, защитник бродячих животных, кандидат в губернаторы Техаса и проч., и проч., он еще и автор 17 книг, большинство из которых написаны от первого лица. Но если, например, в романе «Элвис, Иисус и кока-кола» (переведен на русский в 2004-м) автор укладывает свое «я» в прокрустово ложе одного лирического героя, то в «Убить двух птиц и отрубиться» он дарит свои черты двум персонажам разом — писателю-лузеру Уолтеру и безбашенной красотке-мошеннице с мужским именем Клайд (она без труда взламывает полицейский сайт, но путает бат мицву с бар мицвой). Эти две «половинки» автора вместе с цыганским бароном Фоксом забавляются хулиганскими перформансами — то выкрадывают буйнопомешанного из психушки, то устраивают вечеринку для бездомных на средства, украденные с карты Дональда Трампа. Автор настраивает читателя на легкомысленный лад, но веселые авантюры, изрядно приправленные выпивкой и дурью, завершаются трагедией. Войнушка со «Старбаксом», начавшись как флэшмоб, перерастает в провокацию: евреев-ортодоксов стравливают с черными мусульманами, начинается стрельба, пролита кровь... Реальная жизнь не может быть безостановочной игрой — к такому выводу приходит читатель, хотя сам автор, разумеется, избегает нравоучений: те, у кого на плечах голова, а не кочан, и так все поймут, а тратить время на дураков Кинки Фридману неохота...

Ï ä ä í í ò ä ö è ý ì è ä ä ò ä è Ì è ö ä è È è í è è í è Ð ò ì ä í Ä ä è ò ì ä í

СТРАСТЬ ЗЕМЛИ

אֵעֵצֵר לֵב אֶ-אָדָם

Название романа Шахары Блау «Йецер лев а-адама» нелегко перевести. Оно построено на игре слов — *адам* («человек») и *адама* («земля»). Слово *йецер*, обычно переводящееся как «побуждение», «страсть», также многозначно, оно родственно словам *йецира* («творчество»), *йоцер* («творец»), *йецура* («создание»). Заглавие прямо-таки плавает в море разнообразных перекликающихся значений, но прежде всего на память приходит библейское выражение *йецер лев а-адам ра ми-неурав* («побуждение сердца человека дурно от юности его»

[*Берешит, 8:21*]).

Проблема главной героини романа Тельмы в том, что к тридцати годам бедняжка все еще остается девственницей, жестоко страдает от сексуальной неудовлетворенности и категорически недовольна собой, своей внешностью и характером, родителями и родственниками, работой, образом жизни и всем миром, включая еврейские праздники. А поскольку повествование в романе ведется с точки зрения Тельмы, то две трети текста пронизаны желчным сарказмом, гротеском и специфическим вниманием к тому, что Бахтин деликатно называл карнавальными субстанциями. Моча, рвота, пот, слюна и слизь так и льются по страницам книги. Запах спелых фруктов вызывает тошноту. Еще более тошнотворен аромат цветущих апельсиновых деревьев. Лица учениц религиозной школы, в которой Тельма преподает историю, уродливы и тупы. Улыбка олененка на старинном гобелене в гостиной бабушкиного дома — коварная и злобная. И т.д. и т.п.

Просто удивительно, сколько ужаса и мрака умещается в компактном пространстве серенького и тусклого быта тридцатилетней учительницы, живущей в небольшом ортодоксальном квартале небольшого израильского городка. Традиционный еврейский быт здесь давно перестал быть фактом сознания и стал тягостной привычкой, не имеющей ничего общего с попытками контакта с высшими силами. Гораздо важнее для Тельмы воспоминания детства, в котором корни ее непростых отношений с ровесниками-кузенами: детское соперничество с красивой и успешной двоюродной сестрой Нили из-за их троюродного брата Ханана постепенно перерождается в настоящую ненависть и мучительную зависть. Но еще более мучительны воспоминания, уводящие Тельму за грань ее собственной жизни: горящие и рушащиеся дома, мечущиеся люди, крики и выстрелы. Последние дни восстания в Варшавском гетто. Именно там истоки загадочной и мрачной истории, которая сделала жизнь Тельмы невыносимой, а ее любовь — невозможной.

Роман начинается с подготовки к похоронам бабушки Греты, матриарха семейного клана. На кладбище Тельме ни с того ни с сего подмигивает уродливый рыжий могильщик. «Я знаю, кто ты!» — шепчет он. Что он знает? Какие тайны могут быть у такого заурядного существа, как Тельма? Это проясняется постепенно, из странных деталей, недомолвок и намеков. Вот, например, таинственный момент: свадебное платье, которое Тельма отмывает от крови и грязи. Зачем ей роскошное белое платье и почему оно испачкано землей? Ответ на этот вопрос знает только Ханан...

Неделя траура заканчивается как раз накануне пасхального седера, но перед началом традиционной трапезы семейный адвокат оглашает завещание. Единственной наследницей бабушки Греты оказывается Тельма. Ей достается бабушкин дом, огромный, сумрачный, битком набитый старинной мебелью и выцветшими фотографиями. Родственники удивлены и недовольны, но Тельма ничего другого не ожидала. Она знает, что главное бабушкино наследство находится в дальнем уголке чердака и по праву принадлежит только ей. Это маленькая потертая книжка и клочок пергамента с написанным на нем словом, которое никто, включая саму Тельму, никогда не осмелится произнести вслух. К этому наследству бабушка готовила Тельму всю жизнь.

Во время седера Тельма, выйдя на кухню, видит, как целуются ее кузен и кузина. Ханан выбрал Нили! Горечь унижения придает Тельме силы осуществить то, что ей не удалось сделать вместе с Хананом. Всю пасхальную ночь она лепит из влажной кладбищенской земли человеческую фигуру, читает по бабушкиной книжке магические заклинания и, наконец, кладет записку с произносимым Именем Б-га в рот своему созданию. Земляная кукла оживает. Колдовство удалось.

Самая удачная и оригинальная часть романа — история о том, как развиваются отношения женщины и созданного ею Голема. Голем красив, могуч и во всем покорен Тельме. Он трогательно заботится о ней, когда она заболевает, наводит чистоту и порядок в запущенном бабушкином доме. А главное — он любит ее. Да и как может быть иначе, ведь для этой цели он и создан, Тельма для него — единственная женщина в мире. Вначале она отдает ему приказания (а ей, с ее неуверенностью в себе, не так-то легко прямо и четко сформулировать приказ), но постепенно он учится угадывать ее самые потаенные, невысказанные желания. Он беспрекословно повинует своей создательнице, ему же самому ничего не нужно, он не ест и не пьет, ведь у него во рту — записка с Именем, без которой он сразу превратится в грудку земли. В общем, идеальный мужчина.

Тельма влюблена, счастлива и горда. В первый раз в жизни ей, вечной неудачнице, что-то по-настоящему удалось. Счастье меняет ее и внешне, и внутренне — она становится все более красивой, уверенной в себе и даже доброй. Она до такой степени раскрепощается и освобождается от комплексов, что начинает чувствовать некоторую ответственность за созданное ею искусственное существо. Голем не может говорить (ведь у него во рту пергамент), поэтому Тельме приходится изоощряться в толковании его взглядов и жестов. Приобретенные таким образом навыки помогают ей понять собственных родителей, которых она всегда презирала и ненавидела. Она пьет чай в родительском доме, в первый раз в жизни по душам беседует с матерью и чувствует, что любит ее. Об измене Ханана она и думать забыла.

Но любовь Тельмы и Голема таит в себе опасность для окружающих. Один за другим умирают родственники и знакомые, мать лежит в коме, тетка заболевает, соседка рождает двухголового уродя, горит и рушится школа, где Тельма работает. Так становятся явью ее сны о горящих домах. Постепенно Тельма начинает догадываться: все эти несчастья происходят из-за того, что Голем был сотворен ей в порыве гнева и ненависти. Да, она избавилась от этих чувств, но Голем повинуется ее подсознанию, а оно ей неподвластно. Само его существование — вызов Всевышнему, нарушение законов природы. Но он ни в чем не виноват, ведь он не человек, для него нет добра и зла. И она любит его. Она от него не откажется — такой ответ дает Тельма старому мудрому раввину Штауберу, когда тот приходит просить ее — от имени всех соседей, живущих в страхе, — уничтожить Голема.

Но в глубине души Тельма знает, что вся эта история происходит не впервые. Не зря она, мучимая подозрениями и ревностью, все чаще застаёт Голема рассматривающим семейные альбомы и особенно одну старую фотографию, на которой бабушка Грета идет по улице гетто — юная, счастливая и необычайно красивая. Такой она была, когда создала Голема для того, чтобы тот помог восставшим евреям в Варшаве, — а он в своей неразумной мощи сжег гетто и уничтожил всех, кроме своей создательницы. Стало быть, бабушкино внимание и забота не были бескорыстными — Тельма для нее оказалась только орудием, чтобы воссоздать любимого Голема.

На последних страницах романа действие снова возвращается на кладбище. Хоронят мать Тельмы, и все понимают, кто виноват в этой смерти. Снова подмигивает героине рыжий могильщик: «Я знаю, кто ты!» Но теперь Тельма и сама знает, кто она. Вернувшись в бабушкин дом, она просит своего возлюбленного уйти, но тот не уходит — да и куда ему идти? Она пытается вытащить пергамент у него изо рта, но он сильнее ее. Голем восстал? Нет, он снова угадывает ее желание и с последним поцелуем выталкивает изо рта заветный пергамент...

На этом кончается роман. Видимо, лишившись Имени, Голем немедленно вернулся в свое первоначальное состояние, превратившись в груды праха, а несчастная Тельма... Но что гадать о ее судьбе. Поговорим лучше о литературе.

Увлекательный, мрачный и страстный роман 35-летней Шахары Блау — несомненная удача, каких немало в израильском фэнтези последних лет («Тайна недостающей буквы» Шимона Шокека, «Гидромания» Асафа Гаврона, «Место, где все начинается» Орциона Бартана, «Погребенное сердце» Шимона Адафа и др.). Как и в других романах этого жанра, перед нами семейная сага, в центре которой — подросток либо более или менее молодой человек, переживающий решающий этап формирования личности. Этот переломный момент всегда дается на фоне смерти или болезни родителей. Присутствуют все атрибуты современной фэнтези: дом, порог, кладбище, школа, больница. Не обходится и без финального очищающего пожара.

История Голема много раз находила отражение в литературе, но ее женский вариант — это что-то совершенно новое. Мне кажется, в трагической истории Тельмы рассказано что-то очень важное о современной женщине, которая не может ни подчиняться, ни ждать, но стремится самостоятельно выстроить себя саму и свой мир — и даже создать из праха своего собственного мужчину. Сделает ли это ее счастливой?

АВТОРЫ НОМЕРА

СВЕТЛАНА АМОСОВА

этнограф, автор статей по славянской и еврейской этнографии и фольклору, преподаватель Петербургского института иудаики.

ЗЕЭВ БАР-СЕЛЛА (р. 1947)

писатель, лингвист, литературовед. Автор книг «Литературный котлован: проект “Писатель Шолохов”», «Мастер Гамбс и Маргарита» (совм. с М. Каганской) и др.

ДМИТРИЙ БЫКОВ (р. 1967)

поэт, писатель, журналист, биограф Б. Пастернака и Б. Окуджавы. Совместно с М. Ефремовым издает литературные видеовыпуски в рамках серии «Гражданин поэт». Лауреат литературной премии «Большая книга» за книгу «Борис Пастернак» (2006) и др.

ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВА

журналист, филолог, писатель. Автор аналитических статей на тему культуры в российской и немецкой прессе.

МАРК ВЕЙЦМАН (р. 1938)

поэт. Автор сборников стихов «Моление о памяти», «Репортаж из Эдема» и др. Лауреат литературных премий им. Б. Горбатова (1983), им. Р. Заславского (2006).

ЕВГЕНИЯ ГЕРШКОВИЧ

историк изобразительного искусства и архитектуры, арт-критик, журналист. Автор книг «Высокий сталинский стиль», «Агитлак».

ЛИНОР ГОРАЛИК

прозаик, поэт, переводчик. Лауреат молодежной премии «Триумф» (2003). Автор ряда художественных выставок и проектов.

МИХАИЛ ГОРЕЛИК (р. 1946)

эссеист, публицист, литературный критик.

АЛЛЕГРА ГУДМАН

американская писательница. Автор романов «Катерскиллские водопады», «Парадиз-парк», «Интуиция», «Другая сторона Острова» и др. Рассказы А. Гудман постоянно печатает журнал «Нью-Йоркер».

СЕМЕН ДОВЖИК (р. 1972)

бывший пресс-секретарь Еврейского агентства «Сохнут». Медиаэксперт, колумнист сайта Jewish.ru.

НИКИТА ЕЛИСЕЕВ (р. 1959)

литературный и кинокритик, писатель-фантаст. Сотрудничает с журналами «Знамя», «Новый мир», «Звезда», «НЛО» и др.

АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ (р. 1970)

прозаик, поэт. Лауреат премий им. Ю. Казакова (2006), «Русский Букер» (2007), «Большая книга» (2010).

МАЙЯ КАГАНСКАЯ (1938—2011)

эссеист и публицист. Лауреат литературных премий им. Р. Эттингер, им. П. Швиссерта и др.

МИХАЭЛЬ КАРА-ИВАНОВ (р. 1959)

биофизик. Один из основателей организации «Маханаим». Преподает в бейт мидраше.

МАРИНА КАРПОВА

преподаватель, переводчик, автор учебно-методических пособий по преподаванию еврейской традиции и классических текстов.

МАРИЯ КАСПИНА

преподаватель Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ. Специалист по еврейскому фольклору и этнографии.

ВЕНИАМИН ЛУКИН (р. 1951)

сотрудник Центрального архива истории еврейского народа в Иерусалиме. Один из авторов книг «Сто еврейских местечек Украины», «Grandeur and Glory. Remnants of Jewish Art in Galicia».

НАТАЛИЯ НЕЙМАРК

прозаик. Публиковалась в «Иерусалимском журнале».

ИРИНА МАК

журналист, публиковалась в «Известиях», «Vogue», «Time Out», на сайте «OpenSpace» и др.

АФАНАСИЙ МАМЕДОВ (Р. 1960)

писатель, журналист. Лауреат премий им. Ю. Казакова (2007), им. И. П. Белкина (2010).

АЛЕКСАНДР МЕЛИХОВ (МЕЙЛАХС) (р. 1947)

писатель и литературный критик. Автор книг «Провинциал», «Весы для добра», «Исповедь еврея», «Красный Сион» и др.

АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ (Р. 1965)

литературный и художественный критик, сотрудничает с журналами «Синий диван», «Теория моды», газетой «Ведомости». Арт-обозреватель «Известий».

ЕЛЕНА РИМОН

литературовед, переводчик, доцент кафедры еврейского наследия в израильском университетском центре «Ариэль».

МОРДЕХАЙ РИХЛЕР (1931—2001)

канадский писатель. Автор более двух десятков книг, в том числе нескольких романов, книг эссе. На русский переведены его романы: «Кто твой враг», «Версия Барни», «Всадник с улицы Сент-Урбан», книга рассказов «Улица».

СУСАННА ЧЕРНОБРОВА

художник, поэт, прозаик. Лауреат премии им. Д. Самойлова за книгу «Электронная почта» (2009).

МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН (р. 1972)

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Сотрудничает с «Русским журналом», «Знаменем», «НЛО», газетами «Русская мысль» и др.